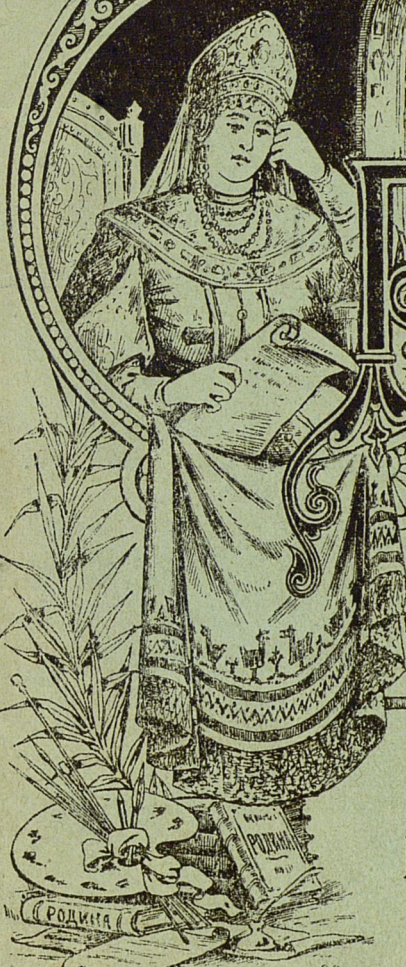
2/1452

Безпл. прилож. изд. „Родина“ кн. 1-я.

№ 1. 1905

Собраніе романовъ „Родины“



Л. А. Чарская.

Во власти золота.

Романъ.

Изданіе А. А. Каспари С.П.Б.

Ред.-изд. А. Каспари. Редакторъ Н. Каспари.

Л. А. ЧАРСКАЯ.

ВО ВЛАСТИ ЗОЛОТА

РОМАНЪ.

Изданіе А. А. Каспари.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

С.-Петербургъ.
Книжный складъ «РОДИНЫ», Лиговская ул., соб. д., № 114.
1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15-го декабря 1904 г.

Графическое заведеніе «Родины» (А. А. Каспари).
Спб., Лиговская ул., соб. д., № 114.

Во власти золота.

I.

— Адмиралтейская площадь!—хрипло выкрикнулъ рѣзкій голосъ кондуктора, и конка остановилась.

Молоденькая дѣвушка, сидѣвшая у самой двери вагона съ большимъ неуклюжимъ узломъ на колѣнахъ, проворно вскочила со своего мѣста и, обѣими руками придерживая тяжелую ношу, вышла изъ конки.

Промозглый сѣрый октябрь стоялъ надъ Петербургомъ. Дождь непріятно моросилъ въ лица прохожихъ. На троттуарахъ было мокро и скользко.

Но молодая дѣвушка, казалось, и не замѣчала неприглядной картины осенняго петербургскаго дня. Заботливо прижавъ къ своей груди узелъ, съ раскрытымъ зонтикомъ надъ головой, она торопливо шагала по Невскому.

Дѣвушка была премиленькая. Изъ-подъ дешевенькаго фетра выбивались непокорные завитки огненно-рыжихъ кудрей, обстриженныхъ въ кружокъ, какъ у мальчика. На снѣжно-бѣломъ личикѣ, слегка усѣянномъ мелкимъ бисеромъ веснушекъ, ласково и ярко сіяли большіе добрые глазки, синіе, какъ васильки... Тонкія брови дѣвушки, слегка рыжеватыя, придавали что-то оригинальное и милое всему свѣжему личику съ вздернутымъ носикомъ и слегка припухлыми губами. Тоненькая, стройная, она вся напоминала скорѣе маль-

чика-подростка, нежели взрослую барышню. И походка у нея была торопливая и стремительная, точь въ точь, какъ у школьниковъ, которые бѣгутъ по утрамъ въ школу, боясь опоздать къ урокамъ.

Поровнявшись съ Казанскимъ соборомъ, дѣвушка высвободила правую руку и набожно перекрестилась.

— Дай Богъ удачи! — прошептали ея припухлыя губки и она еще быстрѣе и рѣшительнѣе зашагала по троттуару и вскорѣ скрылась въ подъѣздѣ, надъ которымъ синяя вывѣска гласила: „С.-Петербургскій городской ломбардъ".

Поднявшись по широкой лѣстницѣ во второй этажъ, она вошла въ отдѣленіе пріема залоговъ.

Рыженькая дѣвушка быстро развязала узелъ и положила на прилавокъ скромный лѣтній жакетъ песочнаго цвѣта, такую-же юбку и поношенную драповую кофточку съ бархатными отворотами.

Оцѣнщикъ долго разглядывалъ и отряхивалъ вещи, какъ-бы желая проникнуть въ самую глубь старенькихъ тканей. Наконецъ, покачавъ головою не то съ сожалѣніемъ, не то съ легкой ироніей, онъ произнесъ, глядя на дѣвушку поверхъ очковъ:

— Четыре рубля, барышня.

Свѣжее личико молоденькой кліентки вспыхнуло разомъ до корней рыжеватыхъ завитковъ, до бѣлоснѣжной тоненькой шейки, заманчиво бѣлѣвшей изъ-подъ отложного мерлушковаго воротничка жакетки.

— Ахъ, пожалуйста, — произнесла она смущенно,— накиньте... въ прошлый разъ мнѣ у васъ-же пять давали... и вдругъ... Пожалуйста, прибавьте.

Оцѣнщикъ еще разъ встряхнулъ вещи и, снова сокрушенно помотавъ головой, крикнулъ кому-то въ пространство:

— Пять рублей. Драповый жакетъ и лѣтній костюмъ, оба держаные, пять рублей, — и далъ рыженькой дѣвушкѣ бланкъ съ четко написаннымъ на немъ номеромъ и цифрой залога.

Дѣвушка приняла бумажку изъ рукъ оцѣнщика и отошла къ кассѣ, за проволочной рѣшеткой которой сидѣла полная дама въ пенснэ и съ ухарски взбитой челкой. Ждать пришлось какихъ-нибудь три минуты, не дольше. Дама съ челкой выкрикнула номеръ бланка и рыженькая дѣвушка получила квитанцію, на которой

красиво выдѣлялся новенькій золотой пятирублевикъ. Она поспѣшно спрятала и то, и другое въ маленькое потертое портмонэ и вышла изъ ломбарда съ легкимъ сознаніемъ душевной удовлетворенности.

А на улицѣ попрежнему моросилъ нудный осенній дождикъ, попрежнему бѣжали подъ открытыми зонтиками рѣдкіе пѣшеходы и плелись сонные „ваньки“ съ поднятыми верхами.

Рыженькая дѣвушка подобрала платье и отважно зашагала по мокрому троттуару. На душѣ у нея было хорошо и весело, несмотря на ненастье. Все складывалось такъ славно сегодня! И оцѣнщикъ не замѣтилъ большого пятна на подкладкѣ жакета и далъ ей именно столько, сколько ей было нужно, и народа не было въ ломбардѣ, такъ что она успѣетъ домой къ обѣду; вдобавокъ она еще принесетъ экономію, оставшуюся отъ двухъ конокъ, потому что, несмотря на просьбы матери ѣхать по конкѣ отъ Адмиралтейства до ломбарда, она прошла туда пѣшкомъ.

„Не купить-ли къ чаю сушекъ у Андреева? — подумала дѣвушка, проходя мимо большой булочной, пріятно пахнувшей на нее запахомъ свѣжихъ булокъ сквозь открытую дверь: — мама такъ любитъ сушки!“— добавила она мысленно и уже готовилась войти въ булочную, какъ вдругъ услышала позади себя знакомый голосъ:

— Ну, и бѣжите-же вы, Лелечка! Едва догналъ!..

Рыженькая дѣвушка, которую звали Лелечкой, обернулась. Предъ ней стоялъ подъ зонтикомъ молодой человѣкъ съ портфелемъ подмышкой и въ форменной чиновничьей фуражкѣ. Его добрые близорукіе глаза щурились и улыбались. Полныя губы улыбались также, сверкая крупными зубами, бѣлыми, какъ сахаръ. Русая вьющаяся борода красиво удлиняла его нѣсколько круглое лицо, съ здоровымъ румянцемъ во всю щеку.

И это улыбающееся лицо, и эта веселая улыбка такъ мало подходили къ скучному дождливому петербургскому дню и сердитымъ лицамъ прохожихъ!

— Сержикъ! — весело выкрикнула Лелечка, — вотъ не ожидала... Развѣ вы уже со службы?

— Да, разумѣется, — съ тою-же веселою улыбкою произнесъ тотъ: — не въ моихъ правилахъ уходить со службы до ея окончанія, Елена Денисовна!

— „Елена Денисовна“, — недовольно протянула дѣвушка, — съ какихъ это поръ вы меня такъ величать стали, позвольте васъ спросить?—и она косо посмотрѣла на своего спутника своими синими, ясными глазками, которые располагали, казалось, каждаго въ пользу ихъ владѣлицы.

— Не сердитесь, Лелечка, ужъ такъ сорвалось, нечаянно!—виновато произнесъ Сергѣй Владиміровичъ Кодынцовъ (такъ звали молодого чиновника) и вдругъ, взглянувъ на ноги своей молодой спутницы, онъ воскликнулъ съ неподдѣльнымъ ужасомъ: — батюшки, да вы въ туфляхъ! Вѣдь, это — безуміе, Лелечка! Долго-ли простудиться и схватить кашель, бронхитъ, воспаленіе легкихъ...

— Гнилую жабу... дифтеритъ... бугорчатку, — докончила его спутница и расхохоталась.

Но Сергѣй Владиміровичъ не раздѣлялъ, казалось, веселья Лелечки. Онъ чуть-ли не съ отчаяніемъ продолжалъ смотрѣть на ея маленькія ножки, одѣтыя въ прюнелевыя туфельки и мелкіе галоши, щедро смоченные дождемъ.

— Развѣ можно такъ, — говорилъ онъ сокрушенно.— Ай, ай, ай! И что это мамаша смотрѣла? Какъ рѣшилась она отпустить васъ такъ? И почему вы сапогъ не надѣли, Лелечка? — негодовалъ онъ, глядя съ укоромъ въ ея синіе смѣющіеся глазки своими добрыми сѣрыми близорукими глазами.

— Фу, какой вы сегодня скучный, Сержикъ — полушутливо, полунедовольно произнесла Лелечка, — и все-то вамъ знать надо... Пожалуйста, мамашѣ не вздумайте только наплетничать, что я ноги промочила. Мои сапоги надѣлъ Граня... у насъ одна нога... Надѣлъ въ гимназію... у его сапогъ подошвы отлетѣли... Нельзя-же такъ. Ну, вотъ и пришлось мнѣ надѣть туфли. Вы молчите только, а то Гранѣ попадетъ еще! Недавно, вѣдь, ему подошвы новыя ставили, а онъ опять...

— Да вы хотя-бы дома сидѣли! — окончательно вознегодовалъ Кодынцовъ, — если ужъ сапоги брату отдали. А то въ эдакую непогоду чуть-ли не въ ночныхъ туфляхъ... Бога вы не боитесь!

— Какъ разъ! Вотъ-вотъ только и сидѣть дома! А кто въ ломбардъ поѣдетъ? — задорно тряхнувъ своими рыжими кудрями, произнесла Лелечка.

— Опять у васъ безденежье, Леля? — совершенно другимъ, новымъ, грознымъ голосомъ произнесъ Сергѣй Владиміровичъ, — и какъ вамъ не грѣхъ по ломбардамъ таскаться? Спросили-бы у меня! — произнесъ онъ съ нѣжнымъ укоромъ.

— Ай, что вы? что вы, Сержикъ? Мы и такъ вамъ Богъ знаетъ сколько должны... — залепетала Лелечка. — Нѣтъ, нѣтъ, ни за что больше нельзя у васъ брать. И потомъ деньги у мамы есть... на хозяйство есть... А это для насъ... т. е., для Марины. Видите-ли, Маринѣ окончательно дебютъ даютъ. Сегодня бумагу прислали, — понизила она почему-то голосъ до шепота, — въ настоящій театръ, понимаете, и съ настоящими актерами!.. Ну, и костюмъ у нея есть... юбка, т. е., а кофточку сшить надо... красную шелковую кофточку... Это я говорю... А Марина говоритъ — желтую... Какъ вы думаете, Сержикъ, — какую?

Но Кодынцовъ не слышалъ вопроса Лели. Онъ ласково и нѣжно смотрѣлъ на нее и думалъ:

„Милая, милая дѣвочка! И всегда-то ты была, и останешься такой милой и славной! Будешь бѣгать въ дождь и слякоть по ломбардамъ закладывать свое послѣднее убогое платьишко, чтобы доставить удовольствіе другимъ. И никто не оцѣнитъ тебя по заслугамъ, какъ-бы слѣдовало. Каждый будетъ требовать отъ тебя выгоды и пользы и врядъ-ли сумѣетъ отблагодарить твое чуткое, доброе, сердечко, бьющееся любовью и заботой къ другимъ“.

И онъ смотрѣлъ съ ласковымъ участіемъ на ея тоненькую, тщедушную фигурку, отважно шагавшую о-бокъ съ нимъ по мокрымъ плитамъ Невскаго проспекта, и думалъ, что вотъ эта чудная, добрая Лелечка дорога и мила ему, какъ сестра, и будетъ мила и дорога, можетъ быть, многимъ, но горячо воспылать страстной любовью къ этой маленькой самоотверженной дѣвушкѣ ни онъ, ни другіе не смогутъ.

„Въ такихъ простыхъ и славныхъ не влюбляются, — не безъ горечи мысленно произнесъ Кодынцовъ. — Слишкомъ безвредны онѣ, слишкомъ снисходительны эт.. милыя Божьи коровки, эти муравьи-труженики. а Слишкомъ будничны и просты ихъ незатѣйливыя натуры и качества. Въ нихъ, выражаясь языкомъ циниковъ, соли нѣтъ, перца... Намъ такія, какъ Маринаъ

нужны: холодныя, гордыя, рожденныя для того, чтобы принимать поклоненіе съ достоинствомъ королевы".

Звонкій смѣхъ Лелечки разбудилъ Кодынцова отъ его задумчивости.

— Какой вы смѣшной, Сержикъ! — хохотала дѣвушка, — вы сейчасъ зонтикомъ чуть цилиндръ съ того господина не сбили. Онъ бранится, а вы самымъ серьезнымъ тономъ говорите подъ носъ: „очень вамъ благодаренъ"... Ха-ха-ха!

Но вдругъ смѣхъ ея разомъ прервался. Страшный ливень хлынулъ внезапно и мигомъ наводнилъ и тротуары, и улицу...

— Извозчикъ! — закричалъ Кодынцовъ не своимъ голосомъ, — въ Галерную гавань! Живо!

— Что вы, Сержикъ?.. Вѣдь, мы на конкѣ можемъ! — запротестовала Леля, — отлично на конкѣ-бы.

Но было уже поздно. Не торгуясь съ шельмоватымъ на видъ „ванькой", заломившимъ, глядя на ненастье, чудовищную цѣну, Кодынцовъ отстегнулъ фартукъ и, энергично взявъ Лелю за руку, подсадилъ ее подъ закрытый верхъ въ пролетку.

— Такъ будетъ скорѣе, — произнесъ онъ весело, самъ усаживаясь подлѣ дѣвушки.

— Ну, а про кофточку вы мнѣ все-таки не сказали, Сержикъ! — снова заговорила Лелечка, когда ихъ пролетка миновала стоявшія у Александровскаго сквера конки и легко покатилась по торцовой мостовой по направленію къ Дворцовому мосту.

— Какую кофточку? — недоумѣвающе переспросилъ Кодынцовъ.

— Ахъ, какой вы разсѣянный, Сержикъ! — заволновалась она. — Я васъ про маринину кофточку спрашиваю. Какого цвѣта ей шелка купить: краснаго или желтаго? По-моему, краснаго, потому что Марина немного блѣдна, а въ красной кофточкѣ она будетъ чудо какая хорошенькая! Желтая къ ея цвѣту лица не подойдетъ. Правда?

— Правда, Лелечка, — весело согласился Кодынцовъ.

— Ну, и отлично, — обрадовалась она. — Я тогда ей выберу красную. Скажу — женихъ приказалъ. Хорошо?

И Лелечка съ лукавой улыбкой заглянула въ его глаза, сіявшіе ей съ нѣжной лаской изъ-подъ козырька чиновничьей фуражки.

— Лелечка! — неожиданно произнесъ Кодынцовъ. — Смотрю я на васъ и думаю: всегда-то вы всѣмъ довольная, радостная, хлопотливая, какъ воробушекъ. И, глядя на васъ, самому весело на сердцѣ станетъ... Все-то у васъ такъ гладко и хорошо выходитъ. Счастливы вы, Лелечка?

Лелечка только звонко расхохоталась въ отвѣтъ своимъ дѣтскимъ серебристымъ смѣхомъ.

— Странный вы сегодня, Сержикъ! — произнесла она сквозь смѣхъ, — то цилиндры съ прохожихъ зонтикомъ сбиваете, а то философствовать начинаете... Смотрите, я Маринѣ пожалуюсь! Она вамъ задастъ!

— За что? за что, Лелечка? — такъ и всполошился Кодынцовъ.

— Ага, испугались! — поддразнивала его спутница. — А вотъ возьму, да и скажу нарочно... Ну, ну, не скажу, не скажу, успокойтесь! — поспѣшила она добавить, увидя, какъ вытянулось его румяное свѣжее лицо. — Марина сказала сегодня: „Сергѣй измѣнился въ послѣднее время... Боюсь, что онъ не надѣется быть счастливымъ со мною"!.. Вотъ что сказала про васъ ваша Марина.

— Лелечка, милая! и вы не врете? — радостно заволновался Кодынцовъ. — Неужели, правда? Такъ и сказала? Неужто сказала? Значитъ, замѣтила! Значитъ, любитъ! Ура! Значитъ, любитъ она меня, Лелечка!

И Кодынцовъ такъ крѣпко сжалъ своей сильной, крупной ладонью крошечную руку Лелечки, что та чуть не вскрикнула отъ боли.

— Сумасшедшій вы, Сержикъ! Ну, право, сумасшедшій! — проговорила она, — да неужто вы сомнѣвались?.. И чего-бы ей тогда за васъ замужъ идти? Или жалованьемъ она вашимъ прельстилась, господинъ чиновникъ? — и Лелечка лукаво сощурилась.

Кодынцовъ покраснѣлъ, какъ ракъ. Онъ получалъ около семидесяти пяти рублей въ мѣсяцъ, и мизерное жалованье составляло больное мѣсто молодого человѣка, бывшаго универсанта.

— Ну, вотъ видите! — торжествовала Лелечка. — Ну, вотъ видите! Значитъ, по любви Марина идетъ за васъ, если расчета у нея не имѣется! Ахъ, вы, глупый, глупый, милый Сержикъ! Еще сомнѣваться выдумалъ!

— Какая вы прелесть, Лелечка! Какъ вы утѣшить

умѣете. А я было, дѣйствительно, отчаяваться началъ. „Разлюбила, — думаю, — Марина. Пропала моя головушка!“ Вѣдь, для меня она, какъ солнышко для міра, нужна. Ахъ, не поймете вы этого, Лелечка! Дитя — вы! — произнесъ онъ внезапно задрожавшимъ голосомъ. — И дай вамъ Господи подольше такимъ дитяткомъ оставаться! Богъ съ нею, съ любовью этой, Лелечка. Ни задумываться, ни страдать не пристало вашей головкѣ, дѣтка...

— Потому что она рыжая, — съ комическою серьезностью заключила та, — а всѣ рыжыя ужасно веселыя и ужасно глупыя! — закончила Лелечка со смѣхомъ и, разомъ сдѣлавшись серьезной, произнесла тихимъ, ласковымъ голоскомъ: — мнѣ и полюбить-то некогда!

— Какъ некогда? — удивился Кодынцовъ.

— Да такъ, некогда, Сержикъ! Утромъ надо Граню чаемъ поить, въ лавку сбѣгать—Θекла мяса порядочнаго выбрать не умѣетъ, Павлука отправить... А тамъ, смотришь, завтракъ. Пошить что-нибудь надо... А потомъ Граня возвращается. Съ нимъ потолкуешь. Глядишь, и Павлукъ является. Опять обѣдъ. А тутъ и вы тутъ-какъ-тутъ. Самоваръ... закуска... Марина отъ своего старичка вернется... Къ одиннадцати часамъ такъ устанешь, что только-только до постели дотянешься. Какая ужъ тутъ любовь!

— Марина-же полюбила, — съ загорѣвшимися глазами произнесъ Кодынцовъ.

— То Марина: Марина — красавица. Ей и работать-то грѣшно. У нея, взгляните, ручки — точно у принцессы крови. А мои — глядите!

И она протянула къ самому лицу Сергѣя Владиміровича крошечныя ручонки въ старенькихъ перчаткахъ, сквозь прорванные пальцы которыхъ выглядывали ея розовые коротко остриженные ноготки.

ва — Славная вы! — произнесъ Кодынцовъ и поцѣловалъ старенькія перчатки въ томъ самомъ мѣстѣ, откуда выглядывали розовые пальчики. — Славная вы моя, родная вы моя сестренка!

Онъ хотѣлъ добавить еще что-то, но въ ту-же минуту пролетка остановилась у небольшого сѣраго домика-особняка въ одной изъ маленькихъ улицъ Галерной гавани.

— Вотъ и пріѣхали! — радостно произнесла Лелечка,

вылѣзая изъ пролетки. — Вы къ намъ или домой зайдете, господинъ государственный чиновникъ?

— Если позволите, къ вамъ!

— „Если позволите“! — передразнила его Лелечка съ усмѣшкой. — Вотъ еще какъ разговаривать выучился. Нечего важничать! Ну, руки по швамъ и маршъ за мною. Живо!

Кодынцовъ съ улыбкой послѣдовалъ за нею.

II.

Лоранскіе жили въ сѣромъ домикѣ „у самаго синяго моря“, какъ говорилъ старшій изъ дѣтей Лоранскихъ, Павелъ Денисовичъ, или Павлукъ, по семейному прозвищу, студентъ медицинской академіи.

Марья Дмитріевна Лоранская овдовѣла какъ разъ предъ рожденіемъ своего послѣдняго сына, Грани, и теперь жила на пенсію, оставленную ей мужемъ-чиновникомъ, да приработкомъ старшихъ дѣтей, Марины и Павла, изъ которыхъ первая, въ качествѣ чтицы, занималась у одного богатаго старика, другой давалъ уроки. Кромѣ того, верхъ домика отдавался внаймы.

Сѣрый домикъ былъ данъ въ приданое за Марьей Дмитріевной и всѣ ея дѣти родились и выросли въ немъ. Это былъ совсѣмъ особенный домикъ. Съ утра до ночи тамъ кипѣла жизнь, звучали молодые, свѣжіе голоса, мелькали юныя здоровыя лица. Утромъ всѣ расходились, чтобы сойтись снова къ обѣду, а вечеромъ, послѣ чая, въ сѣромъ домикѣ поднимался дымъ коромысломъ: молодежь пѣла, играла, хохотала... Товарищи Павла по академіи приходили сюда запросто, въ рубашкахъ-косовороткахъ или въ старенькихъ заплатанныхъ тужуркахъ, пили чай съ булками или съ простымъ ситнымъ, ѣли грошевую колбасу и веселились такъ, какъ, навѣрное, уже не умѣютъ веселиться въ княжескихъ палатахъ.

И не блѣдная спокойная Марина, не рыженькая хлопотливая Лелечка притягивали къ себѣ молодежь,— просто въ сѣромъ домикѣ все располагало къ веселью, смѣху, дружескимъ спорамъ и милымъ бесѣдамъ. На глазахъ этой молодой толпы поднялась и расцвѣла Марина, выросла Лелечка, и никому въ голову не приходило влюбиться въ ту или другую и, когда въ одинъ прекрасный день сіяющая Марья Дмитріевна объявила

за чаемъ, что „Мариночка просватана“, всѣ какъ-будто тутъ только замѣтили и то, что Марина—взрослая дѣвушка, и то, что она—почти красавица. И вдругъ всей этой шумно веселившейся молодежи стало обидно, что одинъ изъ членовъ ея какъ-бы отпадаетъ отъ нихъ, ставъ на положеніе барышни-невѣсты. Явилась къ тому-же и непріятная мысль, что появленіе новаго лица, жениха Марины, Сергѣя Владиміровича Кодынцова, навлечетъ неизбѣжное стѣсненіе на ихъ кружокъ. Но ничего этого не случилось. Кодынцовъ оказался милѣйшимъ „рубахой-парнемъ“, а Марина была совершенно исключительная барышня-невѣста: она не уединялась шептаться по укромнымъ уголкамъ со своимъ женихомъ, какъ это обыкновенно происходитъ у помолвленныхъ, а просто и мило держала себя съ нимъ въ обществѣ товарищей брата, попрежнему бѣгала съ ними „на верхи“ въ Александринку и отбивала себѣ мозоли, хлопая любимцамъ-актерамъ. И всѣ какъ-то разомъ позабыли прежнія опасенія, передружились съ молодымъ Кодынцовымъ, и снова въ сѣромъ домикѣ поднимался дымъ коромысломъ и молодежь бѣжала сюда отдыхать отъ лекцій, а иной разъ повѣрять свои невзгоды доброй, чуткой, какъ-то матерински-отзывчивой ко всѣмъ имъ Марьѣ Дмитріевнѣ, или незамѣнимому другу-совѣтнику во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, Лелечкѣ, и, наконецъ, къ Павлуку, готовому содрать съ себя послѣднюю рубашку и дружно подѣлиться ею съ неимущимъ.

Съ Мариной и Граней откровенничали меньше: съ первой—вслѣдствіе ея внѣшней холодности и исключительнаго положенія невѣсты, съ которымъ, какъ-никакъ, а приходилось все-таки считаться, со второмъ—въ виду его крайней молодости.

Но больше всѣхъ въ смыслѣ дружескихъ откровенностей и всякихъ душевныхъ изліяній перепадало Лелечкѣ. Съ нею обращались за-панибрата, по-товарищески; ей разсказывали съ особенной охотой про маленькія и большія невзгоды, про сердечныя тайны... Лелечка имѣла драгоцѣнную способность помочь, утѣшить, посовѣтывать, выпутать изъ бѣды.

— Мірская печальница!—любовно приглаживая ея рыжыя кудри, говорила Марья Дмитріевна, гордясь своей любимицей.

Впрочемъ, изъ всѣхъ своихъ четверыхъ дѣтей Лоранская особенно любила своего „послѣдыша“, Граню, родившагося двумя мѣсяцами позднѣе смерти отца. Граня былъ общимъ кумиромъ. Онъ жилъ точно юный принцъ среди своихъ подданныхъ. Каждый изъ членовъ маленькой семьи считалъ своей обязанностью баловать Граню. Происходило-ли это вслѣдствіе того, что ребенокъ, не видѣвшій отцовской ласки, возбуждалъ нѣжное сочувствіе близкихъ, или самъ по себѣ Граня, красавчикъ собой, нѣжный, какъ дѣвушка, располагалъ къ себѣ своими внѣшними достоинствами.

Даже Марина, не любившая проявлять особенную нѣжность, и та, нѣтъ-нѣтъ, да и выражала ее по отношенію къ младшему брату. А о Лелечкѣ и Павлукѣ и говорить нечего—тѣ просто-таки боготворили Граню.

Вообще, семья Лоранскихъ шутливо раздѣлялась ихъ ближайшими друзьями и знакомыми на двѣ половины: аристократическую, состоящую изъ Марины и Грани, и демократическую, въ составъ которой входили сама Лоранская, Павлукъ, Леля и краснощекая глуповатая, но честнѣйшей души дѣвушка Ѳеклуша, жившая уже десятый годъ въ сѣромъ домикѣ.

Когда Лелечка съ Кодынцовымъ вошли черезъ крошечную прихожую въ столовую, вся семья была въ сборѣ, готовясь приступить къ обѣду. Изъ открытой въ прихожую двери кухни шелъ чѣмъ-то очень вкусно пахнувшій паръ и наводнялъ собою столовую, такъ что сидѣвшія за столомъ четыре фигуры казались плавающими въ облакахъ.

— Наконецъ-то! Гдѣ тебя носило?—весело крикнулъ по адресу вошедшей Лели молодой некрасивый медикъ съ веснушчатымъ лицомъ и мясистымъ носомъ, но съ большими умными карими глазами, смотрѣвшими бойко, весело и добродушно.

Забавный хохолокъ бѣлокурыхъ волосъ, торчавшій надъ его умнымъ высокимъ лбомъ, придавалъ всему лицу молодого человѣка не то задорный, не то безшабашный видъ. Плотный, широкоплечій, въ разстегнутой тужуркѣ, изъ-подъ которой алѣла кумачевая красная косоворотка, съ этимъ бойкимъ, задорнымъ, улыбающимся лицомъ, Павелъ Лоранскій казался именно тѣмъ „рубахой-парнемъ“, какимъ его считали окружающіе. Совсѣмъ противоположнымъ ему былъ младшій братъ

Граня, сидѣвшій подлѣ матери, полной маленькой добродушной женщины съ чудомъ сохранившимися черными, какъ смоль, волосами, несмотря на ея преклонныя пятьдесятъ шесть лѣтъ. Граня былъ миніатюренъ и строенъ, какъ дѣвушка; тѣ-же огненно-рыжіе волосы, какъ у сестры, только съ болѣе крупными кудрями, обрамляли нѣжный бѣлый лобъ юноши; большіе синіе глаза, немного вызывающіе и гордые, настоящіе глаза общаго баловня, зорко и насмѣшливо поглядывали изъ-подъ тонкихъ темныхъ бровей. Эти брови при рыжевато-красной шапкѣ волосъ да тонкій породистый, точеный носикъ на нѣжно-розовомъ почти дѣвичьемъ лицѣ и составляли главную прелесть красоты Грани.

Марина, высокая, стройная брюнетка, на первый взглядъ, не поражала красотою. Но достаточно было вглядѣться въ ея матово-блѣдное, какъ-будто всегда немного усталое лицо, заглянуть въ глубь ея загадочно-странныхъ зеленоватыхъ глазъ подъ темными рѣсницами, на ея гордый ротъ, рѣдко даряшій улыбкой, и невольная мысль прокрадывалась въ голову при видѣ молодой дѣвушки:

„Да, это — какая-то странная, не заурядная внѣшность, какая-то исключительная красота, богатая не обиліемъ красокъ, а тайнымъ смысломъ, проглядывающимъ изъ-подъ каждой черточки этого блѣднаго спокойнаго лица“.

При видѣ Кодынцова глаза Марины, опущенные до того на тарелку, чуть сощурились. Легкая краска оживила лицо. Она разомъ похорошѣла и какъ-бы просвѣтлѣла.

— Сергѣй! — прозвучалъ ея грудной нѣжный голосъ. — Вотъ пріятный сюрпризъ!

— Не хотѣлъ идти! Я притащила силкомъ! — весело крикнула Лелечка и, быстро наклонившись къ уху сестры, произнесла шепотомъ: — пять рублей дали! Понимаешь? Торговалась я... какъ извозчикъ!

— Милая ты! — произнесла Марина, улыбнувшись одними своими зелеными глазами, и подвинула свой стулъ, чтобы дать около себя мѣсто Кодынцову.

— Не взыщи, братъ, что въ паровую ванну попалъ, — со смѣхомъ произнесъ Павелъ Денисовичъ, дружески хлопнувъ по плечу Кодынцова. — Это, братъ, у насъ случается.

— Мама, а все-таки не мѣшаетъ дверь прикрывать, — вмѣшался Граня съ легкой гримаской, — а то весь кухней пропахнешь... Въ гимназіи замѣтили. Василій Никандрычъ за урокомъ и то сказалъ: „что это у васъ, братцы, лукомъ душатся?“. Срамъ. И всѣ на меня посмотрѣли... какъ по командѣ. Чуть не сгорѣлъ, ей-Богу!

— Такъ ужъ вотъ сразу и на тебя, — недовольно замѣтила Лоранская. — Воображеніе это одно!

— Постойте, мама, — примиряюще замѣтила Марина, — правда, неловко, если кухней пахнетъ... Слушай, Граня, ты у меня духовъ возьми завтра, какъ пойдешь. Знаешь, Сергѣя духи, которые онъ мнѣ на рожденье подарилъ... Только не все, слышишь... А то ты весь обольешься. Знаю я тебя, пусти козла въ огородъ! — и она улыбнулась, показавъ частые крупные зубы, сверкающіе бѣлизной.

— Марина, — тихо произнесъ Сергѣй Владиміровичъ, — можно мнѣ тебя проводить сегодня?

Она подняла на него свои зеленые глаза, непроницаемые и таинственные, какъ ночь, и, покачавъ головою, произнесла:

— Нѣтъ, Сергѣй. Ты знаешь мои воззрѣнія. Нельзя. Пока я числюсь на службѣ у этого оригинала, необходимо исполнять его условія. А дѣйствовать потихоньку... это — такое мальчишество, на которое ни ты, ни я не способны. Потерпи, милый: теперь недолго!

И зеленые непроницаемые глаза на мгновеніе стали вдругъ понятными и ясными для Кодынцова. Онъ прочелъ въ нихъ мимолетную ласку, оживившую его, словно солнечный лучъ.

Послѣ обѣда Марина отказалась отъ обычнаго чая, быстро одѣлась и, сказавъ всѣмъ одно общее „до свиданья“, вышла изъ дома.

III.

Марина шла не торопясь, точно на прогулкѣ, по лѣвой сторонѣ Большого проспекта. Ей не къ чему было спѣшить. Старикъ Вакулинъ, у котораго она состояла въ качествѣ лектрисы, ждалъ ее ежедневно къ шести часамъ, а теперь было только половина шестого. Жилъ Вакулинъ недалеко, въ Семнадцатой линіи, и Марина успѣвала въ какихъ-нибудь двадцать минутъ попасть къ нему изъ своей Гавани.

Ровно безъ десяти шесть дѣвушка звонила у большого одноэтажнаго дома-особняка, окрашеннаго въ мрачную коричневую краску. Тщедушный пожилой лакей съ сѣрыми бакенами открылъ ей дверь. Марина поднялась по широкой лѣстницѣ, устланной ковромъ, на круглую площадку, съ правой и лѣвой стороны которой было по двери; одна вела въ пріемную старика, другая въ его кабинетъ, столовую и прочія комнаты. Марина вошла въ пріемную — большое мрачное помѣщеніе съ круглымъ столомъ посрединѣ и вѣнскими стульями у стѣнъ. Оно напоминало собою пріемную только что начинающаго практиковать врача. Какъ и въ гостиной врача, здѣсь были разбросаны на столѣ журналы, небольшіе альбомы съ видами Швейцаріи и стояла массивная лампа въ видѣ рыцаря-воина.

Но Марина знала, что не стоитъ пробѣгать журналы и газеты, потому что ровно черезъ десять минутъ раздастся звукъ колокольчика и тщедушный Францъ пригласитъ ее къ барину.

Такъ было всегда, и Марина успѣла уже привыкнуть къ порядкамъ старика Вакулина. Въ первое время своихъ занятій молодая дѣвушка приходила за полчаса раньше, мечтая также пораньше освободиться, но это не привело къ желанному результату: ее впускали только ровно въ шесть часовъ въ кабинетъ хозяина. Вначалѣ эта педантичность раздражала Марину, потомъ она къ ней привыкла, какъ привыкла и къ самой личности старика Вакулина.

А привыкнуть было къ чему. Въ первый-же день ихъ знакомства, когда смущенная новизной положенія Марина пришла по публикаціи предлагать свои услуги въ качествѣ лектрисы, она увидѣла худого длиннаго субъекта въ бархатномъ халатѣ. У старика было суровое, недовольное лицо и брезгливо оттопыренныя губы. Глаза его подъ дымчатыми стеклами было трудно разобрать.

— Вы — лектриса? — отрывисто обратился онъ къ дѣвушкѣ и, пронизавъ ее съ ногъ до головы тяжелымъ испытующимъ взглядомъ, сказалъ, какъ отрѣзалъ: — не годитесь.

— Но почему? — вырвалось у Марины, помимо ея воли.

— Молоды вы... красивы... вѣтеръ въ головѣ бро-

дитъ. О женихахъ, вѣрно, мечтаете. Ну, не годитесь, да и все тутъ. Были ужъ у меня такія.

Марина вспыхнула. Вся ея природная гордость поднялась и запротестовала въ ней.

— Да какъ вы смѣете оскорблять меня! — крикнула она гнѣвно и даже топнула слегка ногой.—Надо раньше испытать меня, а потомъ уже изрекать приговоръ.

Старикъ опѣшилъ. Никто еще не смѣлъ разговаривать съ нимъ такимъ образомъ. Смѣлость дѣвушки рѣшительно понравилась ему.

— Ну, ладно, испытаемъ! — буркнулъ онъ себѣ подъ носъ и сунулъ въ руки Марины газету.

Марина читала отлично. Ея грудной звучный голосъ такъ и вкрадывался въ душу. Ясная дикція не заставляла желать лучшаго. Старикъ нѣсколько разъ одобрительно покачивалъ головой во время ея чтенія и, когда она кончила статью, произнесъ:

— Спорить не стану, читаете хорошо. Только надо вамъ сказать, что и тѣ, другія, хорошо читали, а прока изъ этого вышло не много. Шуры-муры у нихъ разные въ головѣ порхали. Торопится, скачетъ черезъ строки, лишь-бы окончить скорѣе и убѣжать. А у крыльца, глядишь, вертопрахъ дожидается... У васъ жениха нѣтъ? — неожиданно оборвалъ онъ свою рѣчь и такъ и впился въ Марину взглядомъ.

— Нѣтъ, — просто отвѣчала дѣвушка (дѣло происходило еще до сватовства Кодынцова).

— Ну, вотъ и хорошо! — неожиданно обрадовался чудакъ. — А то чтица съ женихомъ — не чтица. Васъ я, пожалуй, возьму, но поставлю вамъ нѣкоторыя условія. Согласны?

— Это зависитъ отъ вашихъ условій,—соглашусь я или нѣтъ, — отвѣчала Марина спокойно.

— Ну-съ, такъ слушайте. Во-первыхъ, сидѣть спиной къ зеркалу, дабы не фиглярничать предъ нимъ, какъ ваши предшественницы; во-вторыхъ, чтобы васъ никто не провожалъ ни сюда, ни отсюда; а въ третьихъ, какъ кто посватается—мнѣ сказать... какъ на духу, сказать. Поняли?

— Разумѣется! — пожала плечами Марина.

Оригиналъ теперь больше тѣшилъ, нежели раздражалъ ее.

— Ну, а теперь возьмите „Исторію цивилизаціи“ Бокля и читайте мнѣ. Только не громко. Если меня посѣщаетъ дремота, то только при содѣйствіи Бокля. Ну-съ, я готовъ. Начинайте!

Этотъ разговоръ происходилъ годъ тому назадъ въ кабинетѣ Вакулина и теперь почему-то пришелъ въ голову Маринѣ. Теперь она невольно обманывала старика, скрывъ отъ него, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, о предложеніи Кодынцова. Занятія лектрисы были слишкомъ доходной статьей для скромнаго бюджета Лоранскихъ, чтобы Марина такъ легко могла распроститься съ ними. Около года Марина ежедневно посѣщала Вакулина, не глядя на праздники, еще менѣе ихъ на ненастье, и вполнѣ привыкла къ чудачествамъ старика...

Рѣзкій звонокъ напомнилъ Маринѣ объ ея обязанности. И снова тщедушный Францъ съ сѣрыми бакенами появился на площадкѣ, какъ-бы вынырнувъ изъ противоположной двери и безстрастно произнесъ:

— Пожалуйте, баринъ дожидается.

Марина сбросила на-ходу осеннюю пелерину на руки лакея и, миновавъ гостиную съ тяжелой допотопной мебелью, вошла въ кабинетъ.

Старикъ Вакулинъ не поднялся, даже не приподнялся навстрѣчу Маринѣ. Онъ удовольствовался однимъ короткимъ кивкомъ головы. Такъ они здоровались ежедневно.

— Сегодня будемъ читать Спенсера! — произнесъ отрывисто Вакулинъ, когда она сѣла у стола.—Вы, надѣюсь, ничего не имѣете противъ Спенсера, сударыня?

Марина поспѣшила отвѣтить, что она ничего не имѣетъ противъ Спенсера, и, поправивъ зеленый абажуръ на лампѣ, принялась за чтеніе.

Но едва только она успѣла пробѣжать первую страницу, какъ косматая рука Вакулина легла на книгу самымъ безцеремоннымъ образомъ.

— Къ черту философію! — заоралъ онъ такъ, что Марина вздрогнула отъ испуга.—Къ чему вы, спрашивается, надували меня въ продолженіе цѣлаго полугода?

— Господи! Что еще? — вырвалось у Лоранской со страхомъ и гнѣвомъ.—Я не понимаю васъ!

— Мудрено понять. Невѣста—вы... невѣста? Уговора вы не помните. Уговоръ забыли. Я узналъ. Да! Справки наводилъ. Чиновничишку какого-то подцѣпили. Все

знаю. Очень остроумно нищихъ плодить. Или неправда? скажите, что неправда, что врутъ люди, и опять примемся за Спенсера.

— Нѣтъ, люди не врутъ: я, дѣйствительно,—невѣста, Юрій Викентьевичъ, — твердо произнесла Марина.—Не говорила я вамъ этого изъ боязни лишиться заработка, и только. И потомъ, согласитесь сами, какой-же вредъ будетъ нанесенъ этимъ нашему чтенію? Я попрежнему внимательна къ вамъ, пунктуально исполняю свои обязанности, женихъ не провожаетъ меня сюда, и, слѣдовательно, у васъ нѣтъ причинъ быть недовольнымъ мною. Даже къ зеркалу я сажусь спиной попрежнему,— заключила она съ улыбкой, дѣлавшей ее прелестной.

— Не ваше дѣло, не ваше дѣло, — снова забрюзжалъ Вакулинъ.—Надо было раньше сказать, такъ, молъ, и такъ, а теперь... теперь вы меня изъ колеи вышибаете... Нужна новая лектриса... Не люблю привыкать. Глупо это — замужъ... очень глупо.

— Ну, а это—ужъ мое дѣло, — холодно прервала его Марина.—Предложивъ свои услуги въ качествѣ лектрисы, я вовсе не имѣла въ виду накладывать путы на свою свободу. Прошу это понять. А теперь позвольте мнѣ откланяться и пожелать вамъ всего лучшаго, такъ какъ и вы, вѣроятно, не пожелаете меня удерживать, да и я должна откровенно сознаться, не особенно жажду продолжать у васъ мою дѣятельность, — и, гордо поднявъ красивую головку, Марина съ самымъ рѣшительнымъ видомъ двинулась къ двери.

— Стойте! стойте, вамъ говорятъ! — почти въ голосъ завопилъ старикъ.—Стойте-же! Я согласенъ терпѣть васъ, хотя вы и наглупили... Я привыкъ... да, привыкъ къ вашей методѣ чтенія... и потомъ... Да сядьте-же вы, наконецъ! Чего боитесь? Не укушу.

Марина, едва удерживая улыбку, отошла отъ двери и снова заняла свое мѣсто.

Вакулинъ пристально взглянулъ на нее поверхъ очковъ и вдругъ спросилъ.

— Вы... вы... очень въ женихa вашего врѣзались?

Марина слегка прищурила на него свои зеленые глаза.

— Т. е., иными словами, — отвѣчала она, рѣзко отчеканивая каждое слово, — люблю-ли я Сергѣя? Да, люблю!

— А за что, позвольте васъ спросить?

— Какъ за что? Онъ добрый, славный, красивый!

— Красивый? Вздоръ! Красота — вещь проходящая. Я былъ тоже красивъ въ свое время, а что осталось? Мумія, высохшая мумія, съ вашего позволенія! А что добръ онъ — такъ доброта, это — нѣчто неизбѣжное при достаточной дозѣ глупости... А вотъ, что влюбленности этой въ васъ не видно, что вы не кажетесь ошалѣлой кошкой въ вашемъ положеніи, это тоже хорошо.

— Благодарю васъ, — насмѣшливо произнесла Марина.

— Безъ иронiи, прошу покорно. Пока вы служите у меня, прошу быть почтительнѣе.

— Я не служу больше у васъ! — произнесла твердо и рѣзко дѣвушка.

— Женихъ не позволитъ? — съехидничалъ старикъ.

— Мнѣ никто ничего не смѣетъ позволить или не позволить, — гордо произнесла Марина, — я слишкомъ свободна для того. Я и ухожу отъ васъ потому, что не терплю, чтобы мнѣ проникали въ душу и потрошились въ ней. Мнѣ остается еще разъ пожелать вамъ всего лучшаго! — и, кивнувъ головкой, она приподняла тяжелую портьеру и скрылась за ней.

Вакулинъ, какъ былъ, такъ и остался, ошеломленный, недоумѣвающій, въ своемъ массивномъ вольтеровскомъ креслѣ. Марины давно уже не было въ комнатѣ, а онъ все еще ощущалъ ароматъ ея дешевыхъ духовъ, видѣлъ строгій мерцающій взглядъ на блѣдномъ гордомъ лицѣ, и вдругъ тяжелое чувство одиночества тоскливо ущипнуло за сердце старика.

Онъ привыкъ къ своей молоденькой чтицѣ и ея оригинальной холодной красотѣ, къ ея бархатному голосу, западающему въ душу. Чѣмъ-то роднымъ, давно позабытымъ при знакомствѣ съ ней пахнуло ему въ душу... Молодость, сладкія грезы, далекое прошлое вспомнились ему, какъ давняя позабытая сказка. И другая женщина, до странности похожая на Марину, съ такимъ-же гордымъ, холоднымъ лицомъ предстала въ его памяти. И эта женщина дарила ему счастье и ушла отъ него, его собственная жена, не пожелавшая подчиниться его тираннической власти. Ея образъ, почти позабытый, снова воплотился въ лицѣ новой женщины, и чуждой Вакулину, и странно дорогой.

— Гордая, славная дѣвушка! — произнесъ Вакулинъ. — Гордая, славная! — повторилъ онъ еще разъ, и вдругъ лицо его исказилось неожиданной гримасой и глаза подъ дымчатыми стеклами наполнились непрошенными слезами: потеря Марины показалась вдругъ чѣмъ-то ужаснымъ и безысходнымъ.

А Марина не шла, а летѣла домой. Она была вся поглощена пріятнымъ чувствомъ сознанія своей свободы. Отнынѣ ея вечера принадлежатъ ей, отнынѣ она уже не должна бѣжать къ скучному старикашкѣ и переносить его чудачества и брюжжанье. Она можетъ заниматься ролями, серьезно подготовить себя къ сценѣ. Братъ выхлопоталъ ей дебютъ въ Василеостровскомъ театрѣ. Она будетъ дебютировать на будущей недѣлѣ. Какъ хорошо! И вдругъ она окажется талантливой, очень талантливой!.. Сергѣй будетъ гордиться ею!

„Сергѣй“! При одномъ воспоминаніи о немъ Марину обдавало пріятнымъ тепломъ, сердце наполнялось радостнымъ сознаніемъ счастья. Впереди все было такъ опредѣленно, ясно и хорошо... Безоблачная жизнь съ Сергѣемъ, священное служеніе искусству — это шло дружно, рука объ руку въ мысленномъ представленіи Марины. Непріятный эпизодъ потери мѣста скрашивался отъ сознанія молодости, силъ и счастья. Даже потеря тридцатирублеваго жалованья казалась теперь неизбѣжнымъ зломъ, которое рано или поздно должно было постигнуть ее, Марину. И самая ея выходка не казалась ей простой ребяческой вспыльчивостью. Нѣтъ, въ ней Марина видѣла поддержаніе своего престижа, несокрушимость своихъ убѣжденій. И это пріятно волновало и радовало ее.

IV.

Вѣсть о потерѣ мѣста Мариною была встрѣчена совершенно различно каждымъ изъ обитателей сѣраго домика.

Марья Дмитріевна мысленно прикинула свой хозяйственный расчетъ и пришла къ невеселому заключенію, что по утрамъ придется брать ситный вмѣсто булокъ и бѣличью шубку въ приданое Марины придется сшить только къ будущему сезону.

Граня тоже не безъ разочарованья сообразилъ, что

новыя ботинки и перчатки ему не придется получить къ гимназическому балу. Положимъ, Лелька могла бы дать свои, благо руки и ноги у нихъ почти одинаковыя, но Лелька бережетъ перчатки, какъ зѣницу ока, для маринной свадьбы, а сапоги у нея съ пуговицами, и ихъ не напялишь на балъ.

Зато Павлукъ, услыша новость, заоралъ благимъ матомъ.

— Молодчага, Маринка! Наша взяла! Ишь, вѣдь, отдѣлала стараго скрягу! Пусть подавится своими тридцатью рублями! Чертъ съ нимъ! Не найдетъ онъ другой такой лектрисы. У тебя голосъ—бархатъ ліонскій... А знаете, господа, у этого Вакулина, говорятъ, деньжищъ видимо-невидимо,—дѣлая большіе глаза, сообщилъ онъ семьѣ.—И сквалыга-же онъ! Къ нему нашъ третьекурсникъ Махинъ ходилъ. У старикашки сердце не въ порядкѣ. Цѣлковый далъ... Ей-Богу, цѣлковый. А, вѣдь, домохозяинъ! Домохозяинъ, каналья!

Кодынцовъ ужасно обрадовался „свободѣ“ Марины. Теперь онъ могъ безъ помѣхи сидѣть цѣлые вечера съ любимой дѣвушкой.

Правда, Марина теперь больше чѣмъ когда-либо отдастся театру, будетъ штудировать роли, но онъ не послужитъ ей помѣхой въ этомъ дѣлѣ, постарается даже помочь, чѣмъ можетъ, хотя-бы провѣрять ее по репликамъ, послушать ея читку, подать совѣтъ. О! онъ такъ чутокъ ко всему, что касается Марины, его Марины! И эта чуткость поможетъ ему быть ей необходимымъ.

Что-же касается самой Марины, то она была особенно оживлена сегодня. Къ вечернему чаю пришли два медика, товарищи Павлука, и Сонечка Гриневичъ, подруга Лели, тайная пассія Лоранскаго перваго, маленькая быстроглазая блондиночка, съ миловиднымъ личикомъ и удивительно симпатичнымъ голоскомъ.

Играли въ фанты, въ веревочку, въ свои сосѣди. Потомъ Леля сѣла за разбитое піанино, купленное еще при бабушкѣ, и по слуху сыграла модное „pas d'Espagne“, въ то время какъ Сонечка, при помощи Грани, учила этому танцу трехъ медиковъ, чрезвычайно похожихъ по ловкости на медвѣжатъ. И всѣ хохотали до упаду.

А Марина съ Кодынцовымъ сидѣли, тѣсно прижавшись другъ къ другу, въ амбразурѣ окна.

— Марина! Марина!—шепталъ Сергѣй Владиміро-

вичъ. — Я такъ счастливъ, такъ счастливъ съ тобой, дорогая! Спроси Лелечку, я еще утромъ сомнѣвался въ твоей любви. Прости, Марина! Ты иногда бываешь такая сосредоточенная, хмурая, ты точно не принадлежишь этому міру. И тогда... тогда мнѣ кажется, что ты такъ далека и непонятна мнѣ. А потомъ ты снова ласковая, снова точно возвращаешься ко мнѣ изъ своего далекаго міра и вновь дѣлаешь меня безумно счастливымъ. Марина, скажи, любишь ты меня?

— Да, я люблю тебя, — отвѣчала Марина. — Я люблю тебя, Сержикъ, такъ хорошо, тепло и радостно люблю. Я знаю, я странная, я „не будничная", говорилъ про меня покойный папа,—уже въ дѣтствѣ я была не будничною, Сергѣй. Меня плѣняютъ блескъ, шумъ, слава или богатство, огромное богатство... Мнѣ хочется видѣть все, узнать все! всю роскошь постичь! Меня это манитъ, Сержикъ, какъ огонь—мотылька. И какое счастье, Сержикъ, что этого нѣтъ! Я не была-бы тогда такою, какъ теперь. Я гордая была-бы, деспотка, пожалуй, какъ Вакулинъ. Вѣдь, я очень, очень тщеславная, Сержикъ, и люблю поклоненіе!.. Знаешь, — продолжала она послѣ минутнаго молчанія, — что я сдѣлала особеннаго, что отказалась сегодня отъ мѣста? А меня это такъ взвинтило, точно я ни вѣсть что натворила. И мнѣ пѣть, веселиться хочется, безумствовать! Да, да, твоей спокойной, холодной Маринѣ, какою вы всѣ меня считаете, тоже хочется безумствовать порой. Звуковъ хочу, веселья, шума, пѣть, кричать, декламировать!..

— Ну, и отлично, за чѣмъ-же дѣло стало?—подхватилъ послѣднее ея слово подвернувшійся Павлукъ: — валяй себѣ... Эй, вы, команда!—прикрикнулъ онъ на не въ мѣру расшалившуюся молодежь. — Тише вы! Марина намъ сейчасъ изобразитъ нѣчто.

— Мариночка! Марина Денисовна! Марина, милая! — послышалось со всѣхъ сторонъ и Лелечка, бросивъ піанино, кинулась на шею сестры.

Марина вышла на средину комнаты и, скрестивъ руки и обернувшись къ старшему брату, спросила:

— Павлукъ, какъ ты думаешь, что мнѣ прочесть?

— „Дары Терека" валяй! „Дары Терека"! Это у тебя такъ выходитъ, что хоть мозги въ потолокъ!

— Или „Старую цыганку" Апухтина, — попросила Лелечка.

— Лелечка, — съ упрекомъ произнесъ лохматый медикъ Декунинъ, знавшій барышенъ Лорѣнскихъ еще съ дѣтства. — Ну, зачѣмъ она вамъ? Вы сами — воплощеніе молодости, и вдругъ „Старая цыганка“! И потомъ, неужели-же вы Апухтина Лермонтову предпочитаете? А?

Лелечка сконфузилась, залепетала что-то, оправдываясь, но на нее яростно зашикали со всѣхъ сторонъ, потому что Марина уже начала:

«Терекъ воетъ дикъ и злобенъ
Межъ увѣсистыхъ громадъ,
Буръ гласъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ»...

Марина читала прекрасно, съ захватывающимъ выраженіемъ беззавѣтной удали, свойственной только очень немногимъ натурамъ. И куда дѣвались ея холодная сдержанность, ея усталое спокойствіе! Предъ молодыми слушателями стояла новая Марина. Блѣдное лицо ея слегка заалѣло, зеленые непроницаемые, загадочные, какъ у русалки, глаза сіяли теперь какимъ-то фосфорическимъ блескомъ. Что-то вакхическое, страстное и непонятно-влекущее было въ ея чудно похорошѣвшемъ молодомъ лицѣ.

Молодые слушатели словно застыли, восторженно сіявшими глазами устремлясь въ прекрасные горючіе, какъ звѣзды, глаза Марины. Груди волновались... Дыханіе замерло...

И вдругъ чей-то незнакомый, чужой голосъ произнесъ за ними:

— Какъ хорошо! Какъ хорошо вы читали!

И вмигъ сладкій дурманъ восторга, охватившій молодежь, разсѣялся. Сонъ прошелъ — наступила дѣйствительность. Всѣ разомъ, какъ по командѣ, обернулись въ ту сторону, откуда слышался голосъ. Въ дверяхъ стоялъ неизвѣстный молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, высокій, стройный, бѣлокурый, въ безукоризненномъ сюртукѣ и изящномъ жилетѣ. Бѣлоснѣжные воротнички и манжеты съ блестящими запонками, небрежно повязанный галстухъ, — все въ немъ поражало особеннымъ аристократическимъ изяществомъ, присущимъ весьма немногимъ. Его свѣтлые глаза надменно и остро смотрѣли съ блѣднаго лица, обличающаго породу. Тонкія губы улыбались смѣлой,

положительной улыбкой. Видя общій переполохъ, молодой человѣкъ съ любезной улыбкой отдѣлился отъ двери и прямо подошелъ къ Маринѣ, смотрѣвшей еще затуманенными отъ экстаза глазами на неизвѣстнаго никому пришельца.

— Простите великодушно, — произнесъ онъ пріятно ласкающимъ слухъ мягкимъ голосомъ, — простите, что невольно оказался непрошеннымъ свидѣтелемъ вашего чуднаго чтенія, но такъ какъ прислуга, открывшая мнѣ дверь, сказала, что у васъ гости, то я рискнулъ войти безъ доклада въ вашъ пріемный день.

— „Пріемный день“... „Безъ доклада“! Слышишь?— незамѣтно подтолкнулъ Павлукъ Лелечку, растерявшуюся при видѣ такого важнаго гостя, и юркнулъ за ея спину, силясь удержать обуревавшій его смѣхъ.

— Я — Вакулинъ! — дѣлая видъ, что не замѣтилъ общаго смятенія, произнесъ посѣтитель. — Вы были такъ любезны занимать моего отца въ продолженіе года своимъ дивнымъ чтеніемъ... Нѣтъ ничего удивительнаго, что мы не встрѣчались, такъ какъ я возвращался домой только къ десяти часамъ, а иной разъ и позднѣе, тогда какъ вы кончали свои занятія въ девять. Теперь-же я являюсь по предписанію отца и рѣшаюсь безпокоить васъ, Марина Денисовна, только въ силу его усиленнаго желанія.

— Чѣмъ могу служить? — спокойно спросила Марина.

— Но позвольте мнѣ быть представленнымъ обществу, — немного замявшись, произнесъ Вакулинъ.

— Пожалуйста. Мой братъ Павелъ... Граня... т. е., Герасимъ... — поправилась она съ улыбкой.—Сестра...— указала она на пылающую отъ смущенія Лелечку, чуждающуюся всѣхъ незнакомыхъ, — подруга сестры, m-lle Гриневичъ, наши почтенные эскулапы Навадзе и Декунинъ. Мой женихъ, Кодынцовъ, Сергѣй Владиміровичъ... И всѣ... Вотъ и мама...

Марья Дмитріевна, оповѣщенная уже Θеклой, вышла какъ разъ въ эту минуту изъ столовой, со своей добродушной улыбкой, навстрѣчу гостю.

Вакулинъ поспѣшилъ къ ней и склонился предъ ней въ такомъ почтительномъ поклонѣ, цѣлуя ея руку какъ-будто предъ нимъ была знатная барыня-аристократка, а не простая „гаванская чиновница“.

Смущенная, красная, Марья Дмитріевна поспѣшно „клюнула“, по выраженію Павлука, Вакулина въ надушенную опопонаксомъ голову и произнесла, чуть-чуть захлебываясь отъ волненія:

— Милости просимъ, милости просимъ... Мы всегда гостямъ рады, батюшка! У насъ попросту. Ужъ не побрезгайте, чайку-съ. Милости просимъ, — и вдругъ чуть не вскрикнула, потому что Лелечка, пробравшаяся къ ней поближе, умышленно наступила ей на ногу.

— Богъ съ вами! Богъ съ вами! — зашептала она, пользуясь минутой, когда гость знакомился съ молодежью. — У насъ, вѣдь, колбаса чайная и холодная корюшка отъ обѣда... А, вѣдь, его позвали! Ну, какъ-же можно это, мамочка? Вѣдь, сынъ домовладѣльца, богачъ!

— Ну, такъ что-же дѣлать, Лелечка? — растерянно мигая, залепетала старуха. — Ну, скажи Θеклушкѣ, чтобы за ванильными сухариками сбѣгала въ нѣмецкую булочную да морошки подала къ чаю!

— Какъ-же! будетъ онъ ѣсть ваши сухарики и морошку! А впрочемъ...—и Лелечка поспѣшно „нырнула“ въ кухню.

А гость въ это время говорилъ Маринѣ:

— Отецъ просилъ меня, Марина Денисовна, уговорить васъ вернуться къ своимъ занятіямъ у него. Будьте снисходительны къ старику. Онъ раскаивается, что былъ нѣсколько рѣзокъ съ вами. Простите его...

— „Нѣсколько рѣзокъ“? — усмѣхнулась Марина, и оживленное, за минуту до того прелестное лицо ея стало разомъ холоднымъ и устало-спокойнымъ. — Онъ былъ непростительно рѣзокъ, онъ былъ грубъ со мною...

— Онъ раскаивается, Марина Денисовна, увѣряю васъ. Онъ — большой чудакъ, мой отецъ, но золотой души человѣкъ. Его всѣ считаютъ скрягой, но онъ дѣлаетъ втайнѣ много-много добра, — торопливо проговорилъ молодой Вакулинъ.

— Сомнѣваюсь, — и жесткая улыбка скользнула по лицу Марины.

— А, между тѣмъ, это такъ, — подтвердилъ тотъ,— и не дальше, какъ сегодня, едва дождавшись моего возвращенія, старикъ мой командировалъ меня къ вамъ съ письмомъ.

И Вакулинъ вынулъ изъ кармана сюртука конвертъ большого формата, съ четко надписаннымъ на немъ

именемъ, отчествомъ и фамиліей Марины, и передалъ его молодой дѣвушкѣ.

Марина вскрыла конвертъ и прочла:

„Не придирайтесь къ старику-чудаку и умѣйте относиться снисходительно къ человѣческимъ слабостямъ. Я успѣлъ за годъ привыкнуть къ вашему голосу и методѣ чтенія и, теряя васъ, ощущаю большое неудобство. Поэтому предлагаю вамъ увеличенное жалованье ровно на треть вашего оклада и не ставлю болѣе условія приходить безъ провожатаго, разъ уже зло совершено и вы — невѣста. Вакулинъ".

Марина кончила и съ досадой скомкала записку.

— Передайте вашему батюшкѣ, что мнѣ неудобно это занятіе у него и вообще я никогда не возвращаюсь къ разъ оставленному дѣлу, — произнесла она вѣско по адресу молодого Вакулина.

Глаза ея холодно блеснули при этомъ. Алый румянецъ вернулся на блѣдныя щеки и сдѣлалъ холодное лицо снова живымъ и прекраснымъ.

Гость невольно любовался ею.

„Эдакая прелесть,—произнесъ мысленно Вакулинъ,— и подумать только, что этотъ благоухающій цвѣтокъ расцвѣлъ въ гаванскомъ захолустьѣ!"

Его мысли прервала подбѣжавшая Лелечка, успѣвшая оправиться отъ перваго смущенія, хлопотливая, свѣженькая, привѣтливая.

— Марина, — бросила она сестрѣ, — зови твоего гостя чай кушать!

— Но...— замялся тотъ, — моя миссія, кажется, окончена, и...

— Ну, такъ что-же? Недоразумѣніе, вышедшее съ отцомъ, не должно распространяться на сына,— произнесла Марина и улыбнулась.

Она точно знала чарующую прелесть своей улыбки и улыбалась, когда ей хотѣлось или произвести пріятное впечатлѣніе, или загладить непріятное. Далеко не кокетка по натурѣ, Марина все-таки была женщиной, и красивой женщиной, вдобавокъ сознающей свои внѣшнія достоинства.

„Какая прелесть!" — еще разъ подумалъ гость и послѣдовалъ за нею въ крошечную столовую, гдѣ за круглымъ столомъ размѣстилась уже молодежь и Лелечка помогала матери хлопотать за самоваромъ

— Садитесь, пожалуйста! — радушно пригласила она Вакулина.

На столѣ, на простыхъ фаянсовыхъ тарелкахъ, лежали нарѣзанная тоненькими ломтиками чайная колбаса, холодная корюшка, стояла сухарница, наполненная доверху тѣми ванильными сухариками, за которыми успѣла уже слетать Лелечка въ нѣмецкую булочную „на уголокъ“.

Павлукъ предупредительно налилъ изъ графинчика водки сидящимъ за столомъ мужчинамъ, не обидѣвъ при этомъ и себя, и подвинулъ закуску къ Вакулину.

Молодежь косо поглядывала на „этого барина“, затесавшагося незваннымъ гостемъ въ ихъ тѣсный кружокъ. Но послѣ второй рюмки водки они нѣсколько примирились съ его присутствіемъ. Языки развязались и потекла бесѣда.

— Ну, что ты вздоръ мелешь! — громко произнесъ голосъ Навадзе съ сильнымъ восточнымъ акцентомъ, очевидно, продолжавшаго начатую подъ сурдинку бесѣду. — Больно ты нуженъ въ твоемъ „Куринковѣ“.

— Не скажи... — протестовалъ Павелъ Лоранскій, — не скажи, братъ, тамъ, во всякомъ случаѣ, нужнѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Тамъ мужикъ слѣпъ. Уяснить ему пользу латинской кухни надо, просвѣтить душу темную, пріучить къ методу леченія. Эхъ, братецъ ты мой! Дайте мнѣ кончить только, дайте крыльямъ отрости—махну я въ самыя дебри, и ни тифъ, ни холера, ничто такое повальное у меня въ округѣ не прогоститъ долго. Ручаюсь!

— Что это вашъ братъ въ провинцію собирается? — спросилъ Вакулинъ Марину.

— Не говорите, батюшка, — вмѣшалась Марія Дмитріевна, услышавъ вопросъ гостя, — не говорите, спитъ и бредитъ захолустьями разными. Въ самую-то глушь его тянетъ!

— По призванію? — чуть-чуть насмѣшливо сощурился гость въ сторону Лоранскаго.

— По призванію, потому что выгоды тутъ ожидать не приходится, — спокойно отвѣтилъ Павелъ. — А васъ это удивляетъ?

— Признаюсь, да, — отвѣчалъ Вакулинъ, — т. е., не влеченіе въ молодомъ существѣ удивляетъ — оно понятно въ ваши годы, — а что теперь, при настоящей

распущенности вѣка, при постоянномъ стремленіи къ наживѣ или карьерѣ, встрѣчаешь человѣка, стремящагося приносить пользу безкорыстно... Это, знаете, явленіе не совсѣмъ обыкновенное въ наше время.

— Павлукъ нашъ — уродъ нравственный, — неожиданно поднялъ голосъ Граня, — онъ съ десятилѣтняго возраста безкорыстно хромоногихъ кошекъ лечилъ, которыхъ, по-моему, топить слѣдуетъ...

— Молчи ты, мелюзга! — презрительно-ласково осадилъ его старшій братъ, — молчи о томъ, чего не разумѣешь... Нѣтъ, знаете, — обернулся онъ снова въ сторону Вакулина, — я, дѣйствительно, уродъ. Тянетъ вотъ меня туда, въ глушь, къ сѣрымъ людямъ, лечить ихъ зловонныя раны, ихъ немощи... Тянетъ, да и все! И не по добротѣ, замѣтьте. Доброта у меня еще вилами по водѣ писана—я нищему никогда не подамъ, потому что знаю, отъ моего гроша сытъ онъ не будетъ, а просто потребность, на манеръ какъ-бы запоя... вотъ какъ у Лельки потребность всѣхъ корюшкой кормить и пуговицы пришивать, — лукаво подмигнулъ онъ на младшую сестру, вспыхнувшую, какъ зарево, — или какъ у нашей Ѳеклы, дѣвицы весьма нравственнаго калибра, тяготѣніе къ городовымъ, каковы-бы они ни были: молодые, старые, рябые, курносые... лишь-бы городовые только и, замѣтьте, лишь-бы поговорить на перекресткѣ ей съ ними — ни больше, ни меньше. Такъ вотъ и у меня тяготѣніе къ сѣрому рваному люду, находящемуся на самой низой степени общественнаго развитія. Хочется мнѣ къ этимъ дѣтямъ природы махнуть... да и помочь ихъ тѣлесному и нравственному запустѣнію.

— И это васъ удовлетворитъ?

— Что, т. е.? Принесеніе пользы рваньмъ сермягамъ, полудикарямъ россійскаго захолустья? Да это за цѣль своего существованія, за прямое свое назначеніе считаю! Вѣдь, сколько пользы-то принести можно! Вѣдь, молодъ я, молодъ, поймите! Все еще впереди меня... Правда, Сережа? — неожиданно прервалъ себя Павлукъ, встрѣчаясь глазами съ ласково сіявшимъ ему взглядомъ Кодынцова.

— Вѣрно, Паша! Вѣрно, голубчикъ. Давай твою лапу, скорѣе!

— Обѣ, — протягивая къ будущему шурину свои

загрубѣлыя сильныя руки, произнесъ со смѣхомъ Лоранскій.

— А вы... не раздѣляете его мнѣнія? — спросилъ Вакулинъ у мрачно насупившагося Навадзе.

— Не совсѣмъ, — отвѣтилъ армянинъ своимъ гортаннымъ голосомъ, — я самъ жажду приносить пользу. Для того и пріѣхалъ сюда съ моей родины, изъ моей маленькой Арменіи. Пріѣхалъ оттуда, чтобы вернуться туда снова съ большимъ запасомъ знанія. Но не вижу надобности залѣзать въ нѣдра самыя отдаленныя, когда кругомъ тебя есть тысячи нуждающихся въ твоей помощи.

— А я понимаю Павла! — произнесъ Кодынцовъ. — Онъ знаетъ, что и вы, Навадзе, и вы, Декунинъ, — кивнулъ онъ другому студенту, не принимавшему участія въ разговорѣ и усердно ухаживавшему за Лелечкой, — и Граня, — всѣ вы изберете ближайшіе по возможности пункты и никого изъ васъ не потянетъ „по собственному влеченію въ нѣдра“, какъ выразился Навадзе. А по „указанію свыше“ туда ѣхать — ужъ это выходитъ особая статья. Стало быть, надо ѣхать Павлуку и десятку другихъ, ему подобныхъ... Я смѣло говорю — десятку, больше не найдется... Г. Вакулинъ правъ, говоря, что нашъ вѣкъ — вѣкъ карьеры и наживы.

— Спасибо, Сержикъ, за косвенный дифирамбъ, только онъ у тебя въ пустую сыгранъ, — ласково остановилъ Лоранскій Кодынцова, — потому что, повторяю, заслуги у меня въ томъ нѣтъ никакой, а просто тянетъ меня, ну, какъ тянетъ мужика на сивуху, беременную бабу на капусту съ конопляннымъ масломъ... Барышни, прошу извиненія за неподходящее къ мѣсту сравненіе.

Барышни сконфузились и покраснѣли. Одна Марина попрежнему сидѣла спокойная, безъ малѣйшаго смущенія подлѣ Кодынцова и говорила ему что-то, наклонившись въ его сторону. Казалось, она благодарила его за участіе къ брату, потому что до Вакулина долетѣло не разъ повторенное имя Павла.

И вдругъ почему-то Юрію Юрьевичу (такъ звали Вакулина) стало непріятно это странное общество альтруистовъ-гаванцевъ съ ихъ устарѣлыми, по его мнѣнію, влеченіями, съ ихъ наивнымъ гостепріимствомъ, съ грошевой колбасой и холодной корюшкой, со смѣш-

ными свѣженькими поминутно краснѣющими барышнями и этимъ современнымъ Гракхомъ, въ лицѣ широколицаго добродушнаго, мужиковатаго Павла Лоранскаго.

Даже Граня и Марина, рѣзко отличающіеся изъ общей среды, носили, какъ казалось ему, въ себѣ зародыши гаванскаго мѣщанства, всосавшіеся въ нихъ съ молокомъ матери.

„Мѣщанское счастье!—произнесъ онъ мысленно при видѣ ласково сіяющихъ Кодынцову глазъ Марины.— Гаванская чаровница съ неизбѣжнымъ элементомъ допотопнаго антуража“.

И неожиданно предъ его мысленнымъ взоромъ предсталъ тотъ образъ Марины, который онъ увидѣлъ въ первую минуту своего прихода сюда, съ вдохновеннымъ лицомъ, пылающими щеками, съ загадочно сіяющими глазами.

— Вы учились декламаціи?— спросилъ Вакулинъ, обращаясь къ дѣвушкѣ.

— Нѣтъ... А что?

— Вы читаете безподобно, какъ актриса.

— Да она и есть актриса, — неожиданно вмѣшался Павелъ Лоранскій,—до сихъ поръ—любительница, въ пользу студентовъ и курсистокъ не разъ выступала. А въ будущее воскресенье дебютируетъ въ качествѣ профессіональной актрисы въ Василеостровскомъ театрѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—произнесъ Вакулинъ, чуть-чуть сощурившись по привычкѣ.—Это интересно!

Что-то недовѣрчивое, обидное послышалось въ возгласѣ Вакулина, что задѣло за живое всѣхъ сидящихъ а столомъ. Сама Марина вспыхнула до корней волосъ.

— Что васъ такъ удивляетъ? Что въ нашемъ медвѣжьемъ углу есть доморощенные таланты?—спросилъ Павелъ, съ чуть замѣтной ироніей.

— О, помилуйте! Въ талантѣ Марины Денисовны я не сомнѣваюсь! — заторопился Вакулинъ. — По крайней мѣрѣ, судя по тому, что я слышалъ часъ тому назадъ...

— Ну, по тому, что слышали, еще судить нельзя: декламація — одно, сцена — другое! — рѣзко вмѣшался Кодынцовъ, съ явнымъ недоброжелательствомъ смотря въ лицо гостя.

„Ого, какъ его задѣло за живое!.. Пламенный Ромео изъ Галерной гавани“,—мысленно сыронизировалъ Юрій Юрьевичъ.

— Марина талантлива!—произнесъ безапелляціонно Граня. — Хотите убѣдиться, я вамъ билетъ пришлю на ея дебютъ. Пьеса хорошая! Данченко пьеса.

— Очень обяжете! — поклонился Вакулинъ и тотчасъ же добавилъ съ любезной улыбкой въ сторону Марины: — не сомнѣваюсь, что вы украсите спектакль своимъ участіемъ.

Гость посидѣлъ еще минуты двѣ, потомъ извинился и сталъ прощаться.

Въ дверяхъ онъ задержался немного и, обращаясь къ Маринѣ, сказалъ:

— А можетъ быть, вы измѣните ваше рѣшеніе по поводу отца... Можетъ быть, осчастливите старика своимъ возвращеніемъ къ старому занятію, Марина Денисовна?—и глаза его съ ласковой настойчивостью остановились на дѣвушкѣ.

Эти глаза, помимо воли, ласкали Марину долгимъ дерзкимъ, любующимся взглядомъ, и Марина инстинктивно отшатнулась, словно обожженная имъ.

— Я никогда не возвращаюсь назадъ! — произнесла она отчетливо-рѣзко и, кивнувъ головой гостю, вернулась къ молодежи.

Вакулинъ отвѣсилъ почтительный поклонъ и вышелъ.

— Уфъ! — вырвалось облегчающимъ вздохомъ изъ груди Павлука, — наконецъ-то! А манишка-то, манишка! А ногти какіе? Вотъ дѣлать-то кому нечего, должно быть! Каковъ гусь! „Это интересно“! Я на мѣстѣ Сережи ему ребра переломалъ-бы!

— Не безпокойся, свое возьму! — откликнулся Кодынцовъ и тихо произнесъ по адресу Марины: — какъ онъ смотрѣлъ на тебя! Какъ онъ смѣлъ такъ смотрѣть на тебя, чистую, гордую дѣвушку!

— Полно, Сергѣй, — произнесла она спокойно, — ты преувеличиваешь. Никакъ онъ особенно не смотрѣлъ, а что онъ — пренепріятный господинъ, это — правда. Ты, Граня, — обратилась она къ брату, — не смѣй ему на мой дебютъ билетъ посылать, а то я разсержусь. Слышишь?

— Ну, само собой разумѣется, — откликнулся тотъ.

Вакулинъ, между тѣмъ, несся на лихачѣ въ это время по Большому проспекту Васильевскаго острова, весь уйдя въ поднятый воротникъ модпаго пальто, и думалъ о Маринѣ.

Гос. Публичная б-ка

„Дѣвочка красива и эффектна, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія! И что она оцарапала въ достаточной мѣрѣ сердце отца, въ этомъ тоже нѣтъ сомнѣнія никакого. А вотъ странно одно, какъ могла такая выскаться въ этой медвѣжьей берлогѣ? И жениха своего она не любитъ. Въ снисхожденіе играетъ — сразу видно... Словомъ, не то. А дѣвица съ огонькомъ, хотя пора еще не наступила... И если-бы не эта гаванская патріархальность и не женихъ съ румянцемъ во всю щеку, можно было-бы допустить невинный флиртъ въ изящной формѣ... Глаза у нея особенно хороши. Ради однихъ такихъ глазъ упускать досадно!“

И Вакулинъ еще глубже ушелъ въ поднятый воротникъ пальто.

А Марья Дмитріевна, Марина и Лелечка долго не спали въ эту ночь. Изъ своей крохотной комнатки въ одно оконце, выходящее на заливъ, Марина пробралась къ матери и сестрѣ и сидѣла на ихъ двуспальной постели, поджавъ подъ себя босыя ножки.

— Вѣдь, я хорошо сдѣлала, что отказалась возвращаться къ этому привереднику, какъ вы думаете, мама? — шепотомъ спрашивала она утонувшую среди груды подушекъ Марью Дмитріевну.

— Какъ тебѣ, дѣточка, удобнѣе, такъ и поступай! — уклончиво отвѣчала та, не безъ тайной грусти вспомнивъ о внезапно утерянной статьѣ тридцатирублеваго мѣсячнаго дохода.

— А по-моему, Мариночка права! — какъ-бы угадывая тайныя мысли матери, вступилась Лелечка. — Гордость, прежде всего! Вотъ еще! Богачъ онъ, такъ и издѣваться надъ бѣдными можетъ!.. А тутъ еще щелчекъ по носу отличный вышелъ. Молодецъ, Марина, люблю такихъ! — и она звонко чмокнула сестру въ самыя губы.

— Да дадите-ли вы спать, наконецъ, сороки неугомонныя? Вѣдь, завтра на вскрытіе ни свѣтъ, ни заря надо! — раздался недовольный голосъ Павлука, спавшаго за дощатой перегородкой вмѣстѣ съ братомъ, въ гостиной, по-походному.

— Самому не спится — все о Сонечкѣ мечтаетъ, а мы, видишь, помѣшали! — бойко отрѣзала изъ-за стѣнки Лелечка.

— Ну, ужъ ты молчи, стрекоза! я самъ видѣлъ, какъ ты влюбленными глазами Навадзе ѣла! Молчи ужъ!

— Я? Навадзе! Фу! Пашка, ты съума сошелъ? Да у него носъ, какъ у филина. Гадость!—послышался негодующій голосокъ Лели.

— Ну, васъ, горластые!—послышался недовольный сонный голосъ Грани,—къ завтра латыни не готовилъ, вставать рано надо, а они трещатъ!

— Гранѣ вставать рано! Слышите?—озабоченно произнесла Марья Дмитріевна. —Спите съ Богомъ, дѣти, завтра наговоритесь!

Шепотъ прекратился. Дѣти улеглись...

Черезъ полчаса мирный храпъ наполнялъ всѣ уголки сѣраго домика. Не спала одна Марина. Она лежала, вытянувшись на своей узенькой дѣвичьей постели, и думала о Кодынцовѣ, о Вакулинѣ и о томъ ласково-любящемъ взглядѣ, которымъ такъ дерзко наградилъ ее послѣдній.

V.

Скромный маленькій Василеостровскій театръ былъ набитъ биткомъ. Этому способствовали отчасти и праздничный день, и дебютъ молодой актрисы, „Марины Денисовны Лавровской“, какъ гласила розовая афиша, наклеенная у входа. Преобладали по большей части студенты, курсистки, приказчики, изрѣдка мелькалъ скромный сюртукъ армейскаго офицера... Кое-гдѣ чернѣли въ своихъ форменныхъ курточкахъ гардемарины и кадеты морского корпуса. Все это непринужденно болтало и смѣялось, разсаживаясь по мѣстамъ и весело привѣтствуя знакомыхъ.

Десятка два медиковъ старшаго курса столпились около входа въ партеръ, окруживъ Павла Лоранскаго и нетерпѣливо поглядывая на сцену. Павлукъ казался озабоченнымъ. Онъ, видимо, волновался за Марину.

— Что, Сержикъ,—поймалъ онъ за рукавъ шедшаго изъ-за кулисъ Кодынцова,—волнуется она?

— Ужъ и не говори! — махнулъ рукою тотъ. — Лелечка за мадерой для подкрѣпленія меня два раза уже въ буфетъ посылала! Ты-бы ей брома предъ театромъ далъ!

— Ну, вотъ еще вздоръ! Маринка—и бромъ! И чего волнуется, какъ дѣвченка, право! Надо пойти... — и,

пожавъ плечами, Павлукъ энергично двинулся за кулисы.

— Постороннимъ входъ воспрещается!—остановилъ его у самой двери внушительнаго вида сторожъ.

— Кой чертъ посторонніе! сестра моя тамъ!—завопилъ Лоранскій и, отстранивъ бдительнаго сторожа съ дороги, прошелъ за кулисы.

Марина сидѣла въ отведенной для нея маленькой уборной, одѣтая въ ярко-красную шелковую кофточку, сшитую совмѣстными усиліями ея и Лелечки. Гладкая съ небольшимъ треномъ песочная юбка обтягивала нѣколько полныя для дѣвушки бедра Марины. Блѣдная, безъ тѣни румянца, съ подведенными глазами, которые горѣли изъ-подъ черныхъ тоже слегка подведенныхъ бровей какимъ-то страшнымъ фосфорическимъ блескомъ, она была очень эффектна. И странно, подведенные глаза кажутся всегда черными подъ гримомъ, но зеленые глаза Марины не потеряли своего естественнаго цвѣта: они оставались свѣтлыми, прозрачными, какъ морская волна, и только горѣли нестерпимымъ блескомъ, отъ котораго все лицо ихъ обладательницы казалось еще загадочнѣе и красивѣе.

— Что ты?—проронила Марина въ сторону вошедшаго Павла, устремившаго на нее восхищенный взоръ.

— Ахъ, чертъ возьми!—произнесъ онъ растерянно,—и Марина, и не Марина. Ну, и красавица-же ты! Скажу безъ лести, какъ братъ... красавица!

— Правда? правда? — полувопросительно, полуутвердительно произнесла Лелечка и, какъ дѣвочка, запрыгала на одномъ мѣстѣ и захлопала въ ладоши.

Марина заглянула въ зеркало и по блѣдному прекрасному лицу проскользнула самодовольная усмѣшка. Потомъ брови сдвинулись и она сказала озабоченно:

— У меня четвертый актъ не выходилъ на репетиціи! Непріятно.

— Брось, тебѣ такой, какъ ты есть, и играть не надо. Ты только выйди. Съ такой красотой да о неудачѣ думать! Глупышка...

— Паша! я—актриса, прежде всего... Понимаешь?—гордо блеснувъ глазами, произнесла Лоранская. — Пойми, въ чистомъ искусствѣ и рѣчи не можетъ быть о красотѣ. Я рада, что Сержикъ согласенъ со мною.

— Твой Сержикъ исчезъ. Сержика ужъ нѣтъ, онъ весь испарился въ влюбленномъ пламени. Осталось одно еще пылающее сердце. И это пылающее сердце прислало тебѣ розу!—съ веселымъ смѣхомъ произнесъ Граня, появляясь на порогѣ уборной, съ великолѣпной палевой розой въ рукахъ.

— Ахъ, онъ, милый!—произнесла Марина и, понюхавъ цвѣтокъ, приколола его къ груди.

Послышались первые звуки оркестра.

— Уходите, уходите!—накинулась Лелечка на братьевъ, шутливо выталкивая ихъ изъ уборной.—Марининъ выходъ изъ первыхъ. Спѣшите на мѣста, чтобы не пропустить ни одного слова!

Молодые люди покорились со смѣхомъ, звучавшимъ, однако, не совсѣмъ естественно: братья волновались за сестру, потому что маленькая семья Лоранскихъ билась однимъ пульсомъ и жила одними общими интересами.

На порогѣ они столкнулись съ высокимъ худымъ старичкомъ, трагикомъ труппы.

— А-а!—радостно протянула ему навстрѣчу руку Марина.—Какъ я рада, что вы пришли!

— Я не могъ не придти, дитя!—произнесъ актеръ.—Я, какъ истинный жрецъ искусства, считаю своимъ долгомъ благословить каждую или каждаго, вновь вступающаго въ его священный храмъ. Я благословляю лишь талантливыхъ, Марина Денисовна, потому что сцена и такъ ломится подъ напоромъ бездарностей, годныхъ быть ремесленниками, но не артистами. Благослови васъ Богъ, дитя!—произнесъ онъ торжественно и со слезами, застлавшими его добрые юношески-живые глаза.—Несите высоко знамя искусства, Марина Денисовна, работайте, трудитесь, потомъ и кровью создавайте роли... Добивайтесь совершенства и Боже васъ упаси играть ради бездѣлья, скуки, ради выставки красоты и нарядовъ. Я первый тогда отвернусь отъ васъ, какъ теперь первый протягиваю къ вамъ благословляющую руку. Клянитесь мнѣ, Марина Денисовна, что вы не оскверните искусства, эксплоатируя его, какъ средство культированія красоты!

— Михайло Михайлычъ! — произнесла Марина дрогнувшимъ голосомъ.—Сестра—свидѣтельница,—и она обняла Лелечку,—что я исполню ваше желаніе. Я вамъ даю эту клятву.

— Ну, тогда съ Богомъ! — и старикъ Строгановъ (фамилія трагика) съ отеческой нѣжностью перекрестилъ и поцѣловалъ Марину.

И Лелечка увидѣла нѣчто, чего не видѣла никогда: зеленые фосфорически-горящіе глаза ея сестры были полны слезъ. Гордая, холодная Марина плакала впервые.

Въ этотъ вечеръ шла увлекательная, захватывающая своимъ сюжетомъ драма Немировича-Данченко — „Цѣна жизни“. Марина играла героиню драмы, Анну, случайно „павшую“, будучи замужемъ за очень гуманнымъ и уважаемымъ человѣкомъ. Пассія Анны, молодой инженеръ, застрѣлился, не будучи въ состояніи увлечь душу Анны, какъ увлекъ ея тѣло. И Анна борется съ мучительными угрызеніями совѣсти. Братъ самоубійцы открываетъ глаза мужу, давъ ему письма покойнаго къ его женѣ. Но мужъ не отталкиваетъ отъ себя Анны, пережившей мучительную драму, обманувшейся въ своихъ иллюзіяхъ женщины, и Анна пріобрѣтаетъ вновь утерянное было счастье.

Плѣнительный, странный и загадочный характеръ героини вполнѣ отвѣчалъ даннымъ Марины, и потому, когда послѣдняя вышла на сцену, только что узнавъ о самоубійствѣ любовника, съ трагическимъ взглядомъ своихъ зеленыхъ глазъ, блѣдная, какъ смерть, театръ встрѣтилъ молодую дѣвушку громкимъ взрывомъ рукоплесканій. Этимъ публика отдавала дань несравненной красотѣ артистки.

И Марина какъ-то разомъ наэлектризовалась при первомъ-же звукѣ этого привѣтствія. Легкая краска естественнаго румянца, пробившагося сквозь слой бѣлилъ, заиграла на лицѣ дѣвушки, оживляя его.

Лелечка, сидѣвшая въ третьемъ ряду креселъ, вся похолодѣла отъ ожиданія.

— Господи, Господи! вывези! Мариша, голубушка! — лепетала она беззвучно однѣми губами и поминутно взглядывала на своего сосѣда, Граню.

Окружающая публика съ удивленіемъ оглядывала рыженькую дѣвушку съ короткими кудрями и возбужденнымъ личикомъ.

— Родственница дебютантки! — снисходительно произнесъ какой-то студентъ позади кресла Лелечки.

— Сиди смирно, Лелька! — сердито буркнулъ Граня. — Что за охота срамиться: смотрятъ, вѣдь.

Но Лелечка притихла и безъ него, потому что Марина заговорила.

И точно не Марина заговорила, а кто-то другой, обладающій нѣжнымъ бархатистымъ контральто, съ чуть вибрирующими верхними нотами. По крайней мѣрѣ, ни Лелечка, ни братья ея не подозрѣвали, что можетъ сдѣлать акустика театра съ красивымъ, звучнымъ голосомъ ихъ сестры.

И играла Марина точно, опредѣленно, искренне, съ тѣмъ неуловимымъ отпечаткомъ индивидуальности, который такъ дорогъ въ каждомъ талантливомъ человѣкѣ.

Измученная до послѣдняго фибра своего существа, героиня достигла той точки невмѣняемости, душевнаго холоднаго отчаянія, для котораго есть только одинъ выходъ — могила.

Такъ, по крайней мѣрѣ, передавала роль Анны Марина, такъ она трактовала ее, и это выходило прекрасно. Что-то мертвое, покончившее всѣ земные счеты было въ этой молодой женщинѣ, только что потерявшей любовника, который кончилъ самоубійствомъ изъ-за нея,—мертвое душевно въ то время, какъ молодое прекрасное тѣло жаждало жизни и тянулось къ ней инстинктивно, помимо тупого отчаянія, захватывавшаго душу. И Маринѣ особенно удалось подчеркнуть этотъ психологическій моментъ борьбы, задуманный авторомъ.

Занавѣсъ опустили подъ громъ аплодисментовъ. Марина - актриса захватила толпу гораздо болѣе, нежели Марина - женщина при своемъ появленіи на сценѣ. Публика неистовствовала, какъ можетъ только неистовствовать публика съ неиспорченнымъ вкусомъ и здоровыми требованіями: стучали каблуками, хлопали до мозолей на рукахъ, кричали до хрипоты. И Марина выходила на авансцену въ какомъ-то сладкомъ дурманѣ, потрясенная и взволнованная и еще болѣе красивая въ этомъ несвойственномъ для нея волненіи.

Въ уборной ее уже ждали свои: Леля, Павелъ, Граня и Кодынцовъ.

Лелечка, лишь только вошла Марина, бросилась ей на грудь со слезами, лепеча совсѣмъ по-дѣтски, растерянно и пылко:

— Милая! милая! Господи! какъ хорошо! Я плакала! Мариночка! прелесть! восторгъ мой!

— Да ты и теперь плачешь, — насмѣшливо прищурился на нее Павлукъ и потомъ взялъ руку Марины и галантно приложился къ ней, произнеся съ комической важностью: — моя великая сестра! пріими лобзанье твоего не великаго брата!

Кодынцовъ молчалъ. Но его сіяющіе глаза съ такимъ краснорѣчивымъ восторгомъ были устремлены на лицо невѣсты, что Маринѣ не надо было никакихъ изліяній съ его стороны: она и безъ нихъ видѣла, какъ гордъ и счастливъ ею ея Сергѣй. И не только онъ, а и всѣ ея гордились ею, Мариной; даже сдержанный Граня, и тотъ не удержался отъ похвалы:

— Молодецъ! Жаль, что мамы нѣтъ... А знаешь,— добавилъ онъ, слегка нахмурясь, — Вакулинъ здѣсь

— Старикъ?

— Нѣтъ, молодой! Въ первомъ ряду сидитъ. Важно!

— Какъ онъ явился? Вѣдь, ты ему не послалъ билета, — взволновалась Марина.

— Купилъ въ кассѣ, благо сіе не возбраняется,— разсмѣялся Павелъ. — Да ну его! Непріятный онъ господинъ и говорить о немъ не стоитъ... А вотъ еще гость къ тебѣ жалуетъ, Марина,—добавилъ онъ весело.

Всѣ обернулись къ двери. На порогѣ ея стоялъ Строгановъ. Его лицо такъ и сіяло подъ гримомъ. Онъ протянулъ обѣ руки Маринѣ и голосъ его дрогнулъ, когда онъ произнесъ задушевно:

— Спасибо, дѣтка! Не обманулся въ тебѣ. Большая актриса изъ тебя выйдетъ. Только работать, работать, какъ батрачка. Слышишь? Работать, какъ батрачка, а играть, какъ богиня! Поняла? А то дядя Миша Строгановъ и знать тебя не захочетъ!

Радостная улыбка заиграла на гордомъ прекрасномъ лицѣ Марины. Даже непріятное извѣстіе о присутствіи молодого Вакулина, переданное Граней, какъ-то разомъ стушевалось при этой похвалѣ строгаго ветерана сцены. Ей хотѣлось еще разъ подтвердить во всеуслышаніе, что отнынѣ становится вѣрной и чистой служительницей искусства, хотѣлось поблагодарить за участіе, за похвалы, хотѣлось расцѣловать Строганова,— и она ничего не могла ни говорить, ни сдѣлать, а только сіяла своими необыкновенными глазами, ставшими теперь прекрасными, какъ никогда, и оглядывала всѣ эти милыя, близкія ей лица съ такимъ радостнымъ торже-

ствомъ, съ такимъ счастливымъ возбужденіемъ, что ея счастье передавалось и имъ всѣмъ. Веселый молодой смѣхъ особенно звонко звучалъ въ маленькой уборной и оборвался только тогда, когда раздался звукъ колокольчика, возвѣщавшаго объ окончаніи антракта. Молодежь поспѣшила въ партеръ, Строгановъ—къ себѣ въ уборную. Лелечка замедлила у порога и, когда всѣ скрылись за дверью, она порывисто обняла одной рукой Марину, другой быстро перекрестила ее и птичкой выпорхнула за порогъ уборной.

Второй актъ подѣйствовалъ на публику еще болѣе сильно, нежели первый. Наэлектризованная общими похвалами Марина, получившая уже нѣкоторый апломбъ, благодаря шумнымъ овацiямъ послѣ перваго акта, играла еще съ большей увѣренностью и подъемомъ.

Въ ту самую минуту, когда мужъ узнаетъ изъ намека гостя, брата самоубійцы, объ ея измѣнѣ, она такъ искренне и правдоподобно провела сцену ужаса, что лучшаго и нельзя было ожидать.

Публика не удержалась и зааплодировала среди акта. Выведенная изъ своего сладкаго экстаза этимъ новымъ поощреніемъ толпы, Марина невольно подняла голову и глянула черезъ рампу въ партеръ. И первое, что бросилось ей въ глаза, были два насмѣшливо сощуренные глаза и странная улыбка подъ выхоленными бѣлокурыми усами. Марина узнала эту улыбку — и насмѣшливую, и ободрительную, и чуть-чуть нѣжную въ одно и то-же время—и вспыхнула.

„Ага, — подумала она съ невольнымъ приливомъ внезапнаго озлобленія,—ага! ты все-таки пришелъ, несмотря на свою барскую спесь и мое полное нежеланіе угождать тебѣ и твоему отцу. И, несмотря на эту насмѣшливую улыбку, ты все-таки сидишь и смотришь меня, потому что я хороша, потому что я хорошо играю, и у тебя не хватаетъ силы воли встать и уйти. И я презираю тебя, какъ и ты презираешь всѣхъ насъ, все то, что стоитъ ниже тебя, потому что ты — богачъ и тебѣ нѣтъ дѣла до другихъ! Да, я тебя презираю за твою улыбку, за твое обидное снисхожденіе и за весь твой самодовольный видъ!“

Этотъ мигъ размышленія привелъ въ особенное настроеніе Марину. Новый порывъ подхватилъ ее и понесъ куда-то высоко-высоко... Ее окончательно за-

хлестнула та горячая лава, которую театралы называютъ „нервнымъ подъемомъ“... Но играла она теперь какъ-будто не для всего театра, встрѣтившаго ее такими восторженными овацiями, а для одного человѣка, сидѣвшаго въ первомъ ряду и не спускавшаго съ нея насмѣшливо-одобрительнаго взгляда. И послѣ каждаго удачнаго штриха, послѣ каждаго вѣрнаго момента Марина мысленно произносила, довольная собою:

„Смотри, смотри! Смѣйся, сколько себѣ желаешь, но смотри и убѣждайся, что среди людей, которыхъ ты считаешь ничтожествомъ, бываютъ существа талантливыя, способныя дать эстетическое наслажденiе толпѣ!

Въ третьемъ актѣ это озлобленное настроенiе достигло своего апогея. Оно какъ нельзя больше подходило къ роли Марины. Она въ антрактѣ не пошла даже въ уборную, боясь, что при видѣ своихъ потеряетъ это охватившее ее состоянiе.

Въ третьемъ актѣ, происходящемъ ночью въ кабинетѣ мужа, героиня пьесы сознается въ измѣнѣ и передастъ мужу трагическую исторiю своей призрачной любви. И опять двойственность чувствъ Анны: ея безсознательная привязанность къ человѣку, давшему ей имя, и былое страстное влеченiе къ любовнику, удалось подчеркнуть особенно рельефно, противъ ожиданiя, молодой артисткѣ. Эта исповѣдь возбуждала невольный трепетъ и сочувствiе толпы къ несчастной душевно-одинокой женщинѣ, потерявшей однажды почву подъ ногами и не могущей выйти на прямой путь.

Когда Марина окончила свой монологъ, въ маленькомъ Василеостровскомъ театрѣ стало внезапно тихо-тихо, какъ въ могилѣ. Но только на минуту, на одну минуту,—потомъ оглушительный взрывъ аплодисментовъ наполнилъ, казалось, всѣ его уголки и закоулки. И среди этого гула рукоплесканiй, среди криковъ восторга бѣснующихся верховъ Марина внятно услышала звучное лаконическое „браво“, долетѣвшее до ея слуха изъ перваго ряда креселъ. Это „браво“ крикнулъ Вакулинъ. Марина не видѣла теперь его лица, потому что какой-то туманъ застилалъ ея зрѣнiе, туманъ счастья, восторга, почти лишавшихъ ее силъ. Но, когда снова взвился тяжелый занавѣсъ и она вышла къ рампѣ, съ гордо приподнятой молодой головкой, она близко-близко, у самаго барьера, увидѣла Вакулина,

который въ упоръ смотрѣлъ на нее, машинально отбивая тактъ ладонями, затянутыми въ свѣтлыя перчатки. На его чуть поблѣднѣвшемъ самоувѣренномъ лицѣ не было теперь уже насмѣшливой улыбки. Дерзкіе глаза не щурились на Марину. Что-то недоброе и страстное теперь было въ этихъ горящихъ глазахъ, что-то упорное и жестокое во всемъ молодомъ красивомъ лицѣ. Но Маринѣ было пріятнѣе это новое выраженіе, нежели прежнее, въ лицѣ Вакулина.

„А-а, ты злишься, — говорила она мысленно, — ты злишься, что я не оказалась бездарностью и ничтожествомъ, какъ-бы ты этого желалъ! Что-же, злись! Ненавидь меня! Это все-таки лучше обидныхъ недовѣрія и насмѣшки!“ — и она ушла торжествующая за кулисы подъ нескончаемый шумъ и аплодисменты публики.

Послѣдній актъ Марина играла, какъ во снѣ, благо въ послѣднемъ актѣ не требовалось ни подъема, ни силы. Въ немъ, по ходу пьесы, Анна снова сходится съ мужемъ и все оканчивается полнѣйшимъ примиреніемъ и торжествомъ добродѣтели.

Въ томъ-же блаженномъ снѣ Марина, послѣ окончанія спектакля, вышла, окруженная своими, на театральный подъѣздъ, гдѣ неистовствовала кучка особенно рьяныхъ поклонниковъ и поклонницъ, пріобрѣтенныхъ Лоранской въ этотъ вечеръ.

На улицѣ было темно и промозгло. Шелъ дождь. Лелечка торопила всѣхъ домой, гдѣ Марья Дмитріевна ждала съ нетерпѣніемъ извѣстія о результатѣ дебюта. Но извозчики были всѣ расхватаны вышедшей заблаговременно публикой и ни одного не осталось для барышенъ Лоранскихъ. Наконецъ, Граня съ Павлукомъ, разыскали гдѣ-то у 16-й линіи соннаго „ваньку“ и подъѣхали на немъ къ театру. Но тутъ Марина энергично запротестовала. Ей, не остывшей еще отъ своего нервнаго возбужденія, не хотѣлось трусить на скучномъ „ванькѣ“. Она предпочитала идти домой пѣшкомъ съ Кодынцовымъ.

— Да побойся Бога, вѣдь, дождь идетъ!—сокрушалась Лелечка.

— Не сахарная, не растаю! — усмѣхнулась Марина и настояла на своемъ, по обыкновенію.

На извозчика усадили Лелечку и Граню. Павлукъ поспѣшилъ домой въ обществѣ трехъ приглашенныхъ

имъ „на чаепитіе“ товарищей-медиковъ, въ томъ числѣ и Навадзе. Марина раскрыла зонтикъ и, взявъ подъ руку жениха, двинулась по знакомому ей троттуару по направленію къ Гавани.

Не успѣли молодые люди сдѣлать и пяти шаговъ, какъ ихъ обогнала щегольская пролетка, съ сидящимъ въ ней молодымъ Вакулинымъ.

— Доброй ночи! — услышала Марина несимпатичный ей голосъ, какъ-то до странности прочно западавшій въ душу, и съ изысканной вѣжливостью Юрій Юрьевичъ приподнялъ въ ихъ сторону свой модный котелокъ.

Показалось-ли Маринѣ, но глаза Вакулина съ тѣмъ-же дерзкимъ выраженіемъ откровеннаго одобренія скользнули по ея лицу и фигурѣ.

— Противный! — произнесла она тихо и прижалась плечомъ къ плечу ничего не замѣтившаго Кодынцова, какъ-бы инстинктивно ища его защиты.

Впрочемъ, это непріятное настроеніе недолго гостило въ ея душѣ. Когда пролетка Вакулина была далеко и его любующійся, дерзкій взглядъ болѣе не преслѣдовалъ дѣвушки, снова прежнее радостное волненіе охватило Марину.

— Милый, — заговорила она, обращаясь своимъ сіяющимъ лицомъ въ сторону спутника, — милый, я никогда не была такъ счастлива, какъ сейчасъ! Это — самый лучшій день въ моей жизни!

— Вечеръ, — поправилъ ее Сергѣй Владиміровичъ съ улыбкой, — вечеръ, потому что днемъ ты была такъ далека отъ счастья, волнуясь предстоящимъ исходомъ дебюта.

— Ахъ, мой дебютъ! — прервала радостно Марина. — Вѣдь, главнаго я и не сказала тебѣ! Меня такъ захлестнулъ мой успѣхъ, Сержикъ! что я и забыла обо всемъ остальномъ...

— И обо мнѣ, разумѣется? — спросилъ онъ шутливо.

Марина откровенно кивнула своей красивой головкой. Она, дѣйствительно, забыла весь міръ сегодня, самое себя, — словомъ, всѣхъ и все, кромѣ спектакля.

— Онъ мнѣ сказалъ, — помолчавъ минуту, начала она снова, — что беретъ меня на первое время съ окладомъ въ семьдесятъ пять рублей, что радъ былъ-бы дать и больше, да ихъ скромный бюджетъ не позво-

ляетъ. И этотъ окладъ считается у нихъ въ театрѣ однимъ изъ лучшихъ для драматическихъ ingenue. У меня для героинь, — говоритъ, — голосъ слабъ... И есть у нихъ героиня хорошая, а драматической ingenue нѣтъ. Вотъ я и буду занимать это амплуа. И знаешь, что онъ еще сказалъ?..

— Да, все это хорошо, но кто этотъ таинственный „онъ“? — улыбаясь счастливому настроенію Марины, прервалъ ее Кодынцовъ.

— Ахъ, Боже мой, я и не сказала! — разсмѣялась Марина и опять въ этомъ смѣхѣ выглянула на него совсѣмъ иная, новая Марина.—„Онъ“, это—режиссеръ, это — богъ, это — все!.. Онъ и сказалъ, что я талантливая, и знаешь, что онъ еще прибавилъ, Сержикъ? „Только вы, — говоритъ, — клаку, барышня, напрасно подсадили! Не годится это у насъ“. А? каково?

— Да, клаки при твоемъ талантѣ не слѣдуетъ; онъ, должно быть, и не подозрѣвалъ, что ты такое... — произнесъ Кодынцовъ разсѣянно и вдругъ, взглянувъ на Марину, произнесъ неожиданно, съ дрожью въ голосѣ: — голубка, милая! не бросай меня!

— Сережа! Что ты? — такъ и встрепенулась Лоранская. — Какъ это тебѣ въ голову придти могло? Да съ чего ты взялъ, милый?

— Видишь, Марина! — произнесъ Кодынцовъ тѣмъ же глубоко прочувствованнымъ голосомъ, — сегодняшній вечеръ убѣдилъ меня, голубка, насколько ты стоишь выше меня. Что я предъ тобою? Ничтожество, чинушка мелкій съ кокардой... А ты — талантъ, Марина! большой талантъ! И тебя ждетъ великая будущность! Не такого тебѣ мужа, какъ я, надо, а знатнаго, богатаго, который придалъ-бы надлежащую оправу твоему такъ пышно расцвѣтающему таланту. И вотъ я боюсь, боюсь... что ты когда-нибудь пожалѣешь о томъ, что связала свою судьбу съ моею... когда-нибудь, позднѣе.

— Молчи! Молчи, если любишь меня! — послышался взволнованный шепотъ дѣвушки у самаго уха Кодынцова, и маленькая горячая рука легла на его губы.

Кодынцовъ крѣпко поцѣловалъ эту маленькую руку и въ сердцѣ его разомъ расцвѣла свѣтлая надежда на радостное, счастливое будущее. И въ то-же время память подсказала ему то недалекое милое прошлое, тотъ чудный день, когда эта талантливая дѣвушка отдала

ему свое сердце. Онъ давно любилъ Марину. Любилъ еще въ ту пору, когда куцымъ гимназистикомъ бѣгалъ къ своему товарищу Павлуку Лоранскому готовить съ нимъ совмѣстно уроки. Тогда уже высокая, стройная зеленоглазая дѣвочка заставляла какъ-то особенно биться и трепетать его отроческое сердчишко. Потомъ уже позднѣе, въ свою бытность студентомъ-универсантомъ, онъ посѣщалъ сѣрый домикъ часто-часто, благо онъ со старушкой-матерью жилъ по сосѣдству. Съ трогательнымъ обожаніемъ смотрѣлъ онъ на кончавшую гимназическій курсъ Марину, поклоняясь ей, какъ только рыцарь могъ поклоняться своей дамѣ, робко, трепетно, съ полнымъ забвеніемъ самого себя. Старушка-мать одобряла эту чистую любовь Сергѣя; она чуть не съ пеленокъ знала сестеръ Лоранскихъ, и серьезная, спокойная Марина вполнѣ отвѣчала требованіямъ старушки, хотя хлопотливая семейственная, Лелечка, съ, дѣтства проявлявшая всѣ способности рьяной семьянинки, какъ-то больше располагала въ свою пользу Екатерину Степановну Кодынцову, нежели нѣсколько апатичная къ будничной обстановкѣ Марина. Но ея „ненаглядный“ Сержикъ любилъ Марину, а не Лелечку, а старушка привыкла уже благоговѣть предъ выборомъ своего „ненаглядпаго Сержика“.

Кодынцовъ отлично помнилъ тотъ счастливый день, когда его молчаливая любовь къ Маринѣ нашла, наконецъ, возможность высказаться предъ ней. Это было въ самой срединѣ мая, когда всѣ домики Галерной гавани буквально утопаютъ въ липовыхъ и яблоновыхъ цвѣтахъ, распространяющихъ вокругъ себя чудесный медвяный ароматъ. Онъ тогда уже ходилъ на службу около года и былъ отчасти обезпеченъ ею. Марина, сама по себѣ, принадлежала къ разряду трудовыхъ дѣвушекъ, и потому Кодынцовъ рискнулъ заговорить съ ней о свадьбѣ.

Вышло это такъ неожиданно и хорошо.

Они читали автора, входившаго только что въ моду, и, умиленные міротерпимостью и красотой его твореній, какъ-то разнѣжились сердцами, близко-близко соприкасающимися между собою въ силу ихъ молодости и жизнерадостности, захватившей ихъ. И сердце Кодынцова забилось еще сильнѣе, когда, отбросивъ книгу на скамью, на которой они сидѣли, закрытые вѣтвями

развѣсистой яблони, осыпавшей ихъ, какъ снѣгомъ, своими бѣлыми лепестками, онъ взволнованно сказалъ:

— Я люблю васъ, Марина... давно люблю. Хотите быть моей женой?

Она не вспыхнула, не измѣнилась въ лицѣ. Она, казалось, преждевременно знала, что такъ должно было случиться. И такъ-же простъ и ясенъ былъ ея отвѣтъ, когда она произнесла спокойно:

— Да, Сержикъ, потому что я тоже люблю васъ.

И потомъ началось счастье, безумное счастье, въ которое даже вѣрить боялся Кодынцовъ. Правда, бывали минуты сомнѣнія, страха. Но онѣ проходили быстро и безслѣдно. Марина казалась странной и слишкомъ холодной, и это заботило Сергѣя. Но отъ ея малѣйшей ласковой улыбки въ немъ снова расцвѣтало счастье и снова, какъ и сейчасъ, припоминались цвѣтущій май, бѣлая, какъ невѣста подъ фатою, яблоня и красивая, стройная дѣвушка, такъ довѣрчиво и просто отдавшая ему свою руку на цѣлую жизнь.

Эти думы о недавнемъ прошломъ и сейчасъ овладѣли мыслями и сердцемъ Сергѣя Владиміровича. Марина, его талантливая прекрасная Марина, только что приведшая въ восторгъ весь театръ, принадлежала ему, ему одному! Она—его невѣста, его будущая жена. Кодынцовъ почти задыхался при одной думѣ объ этомъ счастьѣ и все крѣпче и крѣпче прижималъ къ себѣ руку Марины, довѣрчиво покоившуюся на его рукѣ. А Марина, и не подозрѣвая его мыслей, говорила, говорила безъ умолку:

— Ты радъ за меня, не правда-ли, Сержикъ? А мама-то какъ рада будетъ, подумай! Тридцать рублей потеряли, а семьдесятъ пять пріобрѣли. И не скучнымъ, непріятнымъ занятіемъ у брюзги-старика, а свободнымъ, вольнымъ, любимымъ! Ахъ, какъ хорошо! „Работай, какъ батрачка, а играй, какъ богиня!“—сказалъ Строгановъ. Прекрасно онъ это сказалъ, Сержикъ! Да, именно, „какъ богиня“! Чтобы эта усидчивая работа батрачки была незамѣтна для глазъ публики. И тогда это будетъ хорошо! Чудесно! Думалъ-ли ты, Сержикъ, когда-нибудь, что твоя жена будетъ настоящею актрисою?

— Милая!—могъ только произнести Кодынцовъ.

Теперь они уже не шли впередъ, а стояли другъ

противъ друга на панели, молодые, счастливые, улыбаясь другъ другу радостною улыбкою, не замѣчая дождя и вѣтра.

Кодынцовъ оглянулся кругомъ. Пѣшеходовъ поблизости не было. Онъ быстро обнялъ Марину и, приблизивъ къ ней свое лицо, поцѣловалъ ее.

Марина улыбнулась и безъ всякаго жеманства потянулась губами къ его лицу...

И вдругъ нежданный звукъ, протяжный и страшный, похожій на стонъ какого-то невѣдомаго чудовища, потрясъ воздухъ и, прокатившись надъ проспектомъ, замеръ на дальней окраинѣ города.

Марина вскрикнула, пошатнулась и лицо ея изъ возбужденнаго, розоваго разомъ сдѣлалось мертвенно-блѣднымъ.

— Что ты? — поддерживая ее, произнесъ Кодынцовъ. — Это — сирена... морская сирена. Успокойся, дорогая!

— Да... да!.. морская сирена! — какъ-то машинально произнесла Марина упавшимъ до хрипоты голосомъ.— Я совсѣмъ забыла про нее! Тамъ гибнетъ судно, должно быть, — помолчавъ немного, добавила она. — Тамъ несчастье... А знаешь, Сержикъ? Мнѣ что-то страшно!

— Отчего, голубка? Испугалась сирены? — попробовалъ пошутить онъ.

Но Марина не приняла шутки. Попрежнему печально и хмуро было ея лицо, когда она заговорила:

— Какой зловѣщій звукъ! Я думала о моемъ счастьѣ какъ разъ въ эту минуту. А „она“ своимъ крикомъ напомнила мнѣ о гибели. Не думаешь-ли, что это — предупрежденіе?

— Чего? наводненія? По всей вѣроятности, да. Погода становится ужасной. Я жалѣю, что не послалъ тебя съ Лелечкой на извозчикѣ. Завтра, пожалуй, затопитъ снова нашу Гавань.

— Нѣтъ, не то... не про наводненіе я говорю, а предупреждаетъ сирена, что мое счастье недолговѣчно, Сержикъ, что...

— Нервы у тебя расходились, родная, вотъ что! — ласково прервалъ невѣсту Кодынцовъ.—Добраться тебѣ скорѣй домой и мигомъ ложись спать. Не сиди съ гостями.

— Не буду! Мнѣ завтра на репетицію надо, — согласилась Марина.

И напоминаніе о репетиціи разомъ разогнало ея мрачныя мысли.

Дома всѣ были взволнованы въ ожиданіи ихъ. Марья Дмитріевна крѣпко расцѣловала Марину, гости выпили за ея новую карьеру, и Марина ушла къ себѣ.

Но спать она не легла. Ей хотѣлось только уединенія, покоя. Вся душа ея еще трепетала каждымъ фибромъ, переживая сегодняшній успѣхъ. Она подошла къ окну. Заливъ пѣнился и шумѣлъ. Волны съ упорной настойчивостью наскакивали на отлогій берегъ, подхлестываемыя вѣтромъ. Что-то угрожающее и роковое было въ картинѣ разсвирѣпѣвшей стихіи. Марина, стоя у окна и не отрывая отъ моря глазъ, продекламировала негромко, но съ экспрессіей:

«Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ увѣсистыхъ громадъ,
Бурѣ гласъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ».

— Что это я? — остановила самое себя молодая дѣвушка съ улыбкой. — Это — не Терекъ, а властное, жуткое чудовище... измѣнчивая и роковая „Маркизова лужа“, приносящая столько горя бѣднымъ гаванцамъ... Это — судьба... Судьба и море, море и судьба! Не одно-ли это цѣлое! Двѣ сродныя стихіи! Однако, философію въ сторону! Надо лечь и постараться уснуть.

И, отойдя отъ окна, молодая дѣвушка стала медленно раздѣваться.

VI.

На репетицію на другой день Марина не попала, какъ и не сомкнула всю ночь глазъ вмѣстѣ со всѣми остальными жителями Гавани. Ровно въ два часа ночи раздался надъ спящимъ Петербургомъ залпъ пушекъ, возвѣщающій наводненіе. По первому залпу жители нижнихъ этажей должны были перебираться въ верхніе, и началась невообразимая суматоха по всѣмъ раіонамъ мирной въ обычное время окраины. Изъ нижняго этажа перетаскивали вещи въ верхній, если таковой находился въ маленькихъ, по большей части, домикахъ; если-же нѣтъ, размѣщались у ближнихъ сосѣдей, знакомыхъ и незнакомыхъ, благо несчастье сближало людей... Во время наводненія всѣ жизни ма-

ленькой Галерной гавани бились, казалось, однимъ общимъ пульсомъ.

Семья Лоранскихъ перебралась въ верхній этажъ къ жильцамъ, снимавшимъ у нихъ двѣ маленькія комнатки антресолей. Старичекъ-капитанъ въ отставкѣ, смѣшной молодящійся человѣчекъ въ военномъ сюртукѣ съ поперечными погонами и крашеными усами, и его невзрачная толстушка-жена, съ утинымъ носомъ, не знали, какъ принять и куда посадить хозяекъ, къ которымъ они очень благоволили.

Скоро присоединились къ нимъ и Кодынцовы, мать съ сыномъ, не имѣвшіе у себя дома пристанища, въ видѣ верхняго этажа. Къ тремъ часамъ раздался второй залпъ. Вода выступила изъ береговъ и медленно текущей темной лавой поползла по улицамъ, покрывая своей пеленою всѣ площади, улицы и переулки Гавани. Она прибывала не часами, а минутами, и жутко было смотрѣть, какъ эта сверкающая при легкомъ освѣщеніи фонарей темная лава бѣжала все впередъ и впередъ, словно живая, гонясь и настигая кого-то. Вѣтеръ рябилъ и гналъ эту темную непроницаемую массу воды, наводнившую Гавань и казавшуюся цѣлымъ моремъ изъ оконъ сѣраго домика. Изъ нижняго этажа поспѣшно перетаскивали узлы съ платьями, бѣлье и болѣе хрупкія вещи, боявшіяся сырости. Марья Дмитріевна сокрушенно вздыхала, мысленно подсчитывая убытокъ, приносимый каждый разъ наводненіемъ.

Лелечка и Марина съ братьями и Кодынцовымъ помогали Θеклѣ таскать вещи снизу. Потомъ, когда уже переносить было нечего и внизу, кромѣ громоздкихъ вещей, ничего не оставалось, Павелъ Лоранскій велѣлъ сторожу Тарасу, служившему сразу при четырехъ домахъ въ качествѣ дворника, готовить лодку.

Марья Дмитріевна вздрогнула и перекрестилась: она знала, что означало это приказаніе; она знала, что ея отважные сыновья съ прочей молодежью, когда вода поднимается до уровня первыхъ этажей, поѣдутъ помогать спасаться тѣмъ, кто не успѣлъ спасти себя и имущество. И каждый разъ, когда Павлукъ отдавалъ это приказаніе Тарасу, сердце бѣдной женщины сжималось отъ боли. И все-же у нея не хватало духа остановить ихъ, умолять не подвергаться опасности.

Павлукъ, Граня и Кодынцовъ уѣхали. Старый капитанъ присоединился къ нимъ. Въ сѣромъ домикѣ остались одни женщины. Онѣ сошлись въ тѣсный кружокъ и говорили шепотомъ. Изрѣдка съ моря долетали до нихъ протяжный и жуткій звукъ ревущей сирены да плескъ воды, поднимавшейся все выше и выше съ каждой минутой.

Марина зябко куталась въ платокъ и, приткнувшись у окна, смотрѣла въ бушующую стихію, прямо въ море, зловѣще вздымающее свои тяжелыя волны. Слабые отблески набережныхъ фонарей позволяли ей видѣть бушующую стихію. И Марина безъ всякаго волненія и страха смотрѣла на нее. Ей за ея коротенькую молодую жизнь пришлось видѣть не разъ подобныя передряги. Да и она какъ-то мало думала о нихъ. Мысли дѣвушки все еще кружились вокругъ ея вчерашняго успѣха. Какъ истый пьяница требуетъ похмелья, такъ и сердце Марины жаждало вновь пережить хотя-бы въ воспоминаніи вчерашнія впечатлѣнія и подѣлиться съ кѣмъ-нибудь ими. Но три старушки, оживленно шептавшіяся на животрепещущую тему о наводненіи, были въ данную минуту далеки отъ ея размышленій. Онѣ всѣ были тамъ, на затопленныхъ гаванскихъ улицахъ въ небольшомъ яликѣ съ четырьмя отважными пловцами. И Лелечка, присоединившаяся къ ихъ кружку, помимутно вздрагивала при каждомъ новомъ порывѣ вѣтра, набожно крестилась и шептала:

— Господи, сохрани! Господи, не попусти!

Уже при первомъ брезженьѣ разсвѣта, когда прояснилась черная полоса неба и воды и подъ вліяніемъ осенняго утра приняла мутный, сѣрый оттѣнокъ, домикъ Лоранскихъ весь содрогнулся отъ неожиданнаго толчка.

Всѣ четыре женщины разомъ вскочили съ мѣстъ и устремились къ двери, за которой слышались громкіе голоса и тяжелое хлюпанье ногъ по водѣ.

— Г-жа Лоранская здѣсь? — послышался чей-то запыхавшійся голосъ. — Марина Денисовна Лоранская?

— Я! — откликнулась Марина и раскрыла дверь.

На лѣстницѣ стояла высокая фигура въ непромокаемомъ плащѣ, съ наброшеннымъ поверхъ шляпы такимъ-же капюшономъ. Вода текла по клеенкѣ и мед-

ленными тяжелыми каплями скатывалась на полъ мутными ручейками.

— Марина Денисовна! — произнесъ дрожащимъ голосомъ пришедшій, — простите, что вторично непрошенно являюсь къ вамъ. Съ моимъ отцомъ случилось несчастье. Онъ спасалъ отъ наводненія сосѣдей и получилъ смертельный ушибъ головы. Старикъ при смерти и очень проситъ васъ къ себѣ. Надѣюсь, вы не откажете умирающему, какъ нѣкогда отказали здоровому.

Вакулинъ сбросилъ съ головы капюшонъ и стоялъ теперь предъ Мариной, блѣдный отъ пережитаго волненія, съ дрожащими губами на такъ недавно еще гордомъ, самодовольномъ лицѣ.

Марина смотрѣла теперь въ взволнованное лицо и не ощущала уже больше ни недавняго озлобленія, ни ненависти къ молодому человѣку.

Вчерашнее чувство злого торжества куда-то разомъ исчезло изъ сердца Марины, добраго и отзывчиваго по натурѣ. Теперь онъ былъ жалокъ ей.

Марина задумалась на минуту. Предъ ея мысленнымъ взоромъ промелькнуло недовольное, брезгливое лицо, непроницаемые глаза подъ дымчатыми стеклами, вся фигура Вакулина - отца, никогда, однако, не возбуждавшаго въ ней ни гнѣва, ни отвращенія, а тѣшившаго ее скорѣе своими чудачествами, — и она отвѣтила ожидавшему ея отвѣта молодому человѣку:

— Я согласна. Ѣдемъ.

— Я на лодкѣ съ двумя гребцами, — проговорилъ онъ отрывисто. — Иначе не проберемся. Такимъ-же способомъ пришлось доставить и доктора къ отцу. Но не бойтесь, безопасно вполнѣ. Уже свѣтаетъ.

И, прежде чѣмъ Марина могла опомниться, онъ схватилъ ея руку и поднесъ ее къ губамъ.

— Мариночка! побереги себя, родная! — напутствовала дочь Марья Дмитріевна, суетливо застегивая на ней драповую кофточку и обвязавъ голову и грудь молодой дѣвушки большимъ чернымъ платкомъ.—Ужъ вы, батюшка, мнѣ ее въ цѣлости предоставьте! — чуть-ли не со слезами просила она Вакулина.

— Будьте покойны. Что-бы ни было, Марина Денисовна сегодня будетъ здѣсь... что-бы ни было! —

умышленно подчеркнулъ онъ и скрылся за дверью слѣдомъ за молодой дѣвушкой.

А буря бушевала и злобствовала попрежнему. Весь дворикъ и садъ сѣраго домика и окружающія улицы представляли изъ себя одно сплошное водное пространство. Торчащіе изъ него дома и деревья казались частыми островками самыхъ разнообразныхъ и прихотливыхъ формъ. Что-то таинственно-жуткое было въ этой безпредѣльности водной стихіи, сливавшейся воедино съ другой стихіей, еще болѣе страшной въ своей рокочущей бурливости.

У крыльца Лоранскихъ, т. е., на томъ мѣстѣ, гдѣ должно быть крыльцо, затопленное теперь водою, покачивалась лодка съ двумя дюжими парнями; въ одномъ изъ нихъ Марина узнала кучера Вакулиныхъ.

— Садитесь скорѣе, не то оторветъ, — командовалъ Тарасъ, стоя по-поясъ въ водѣ и силясь удержать яликъ за веревку.

— Васъ придется перенести! — тихо сказалъ Вакулинъ Маринѣ: — иначе вы не попадете въ лодку.

И, прежде чѣмъ Марина могла отвѣтить, онъ легко приподнялъ ее съ лѣстницы и передалъ одному изъ сидѣвшихъ въ лодкѣ парней. Марина помѣстилась на кормѣ и обѣими руками ухватилась за края ялика.

Юрій Юрьевичъ ловко перепрыгнулъ туда-же. Лодка усиленно закачалась. Тарасъ отпустилъ веревку, и они поплыли.

Вода впереди, вода сзади, вода съ боковъ, — вотъ все, что окружало теперь Марину. Въ этой водѣ барахтались лошади, пролетки, ялики, люди... Слышались крики, стоны, зовъ о помощи... И надъ всей этой тяжелой, безотрадной картиной занимался скупой, чахлый разсвѣтъ октябрьскаго тусклаго утра. Навстрѣчу имъ попадались такія-же лодки, доверха нагруженныя дѣтьми, женщинами, домашнимъ скарбомъ.

Марина плотнѣе закуталась въ платокъ и старалась не смотрѣть на бушующую стихію. Сладкая дремота сковывала ея вѣки и туманила голову, глаза слипались сами-собой подъ шумъ бури, укачивающей ее.

— Вамъ холодно? вы дрожите? — услышала Марина надъ собою голосъ Юрія Вакулина.

Она отвѣтила кивкомъ головы. Ей хотѣлось спать, но пронизывающій сыростью вѣтеръ разгонялъ дре-

моту. Голова тяжелѣла съ каждой секундой, а тяжелая истома сковывала члены.

— Марина Денисовна, — услышала она снова голосъ своего спутника и, преодолѣвъ дремоту, открыла глаза,—не спите, въ такое ненастье нельзя спать: скорѣе простудитесь.

— Что съ вашимъ отцомъ? — спросила она черезъ силу. — Можетъ быть, есть еще надежда на выздоровленіе?

— Надежды нѣтъ! — произнесъ онъ глухо, — иначе я не потревожилъ-бы васъ при такихъ обстоятельствахъ, рискуя подвергнуть заболѣванію, простудѣ... По крайней мѣрѣ, такъ сказалъ докторъ.

— Доктора часто ошибаются, а впрочемъ... отъ судьбы не уйдешь! — произнесла она тихо и тутъ-же подумала:

„Какъ это пошло, все то, что я говорю въ такую минуту".

И они снова замолкли.

— Вы дивно играли сегодня, — произнесъ Вакулинъ послѣ продолжительной паузы раздумья.

— Оттого вы, вѣрно, изволили такъ презрительно улыбаться! — противъ воли вырвалось у Марины, и прежнее озлобленіе къ этому богачу-барину снова зашевелилось въ ея сердцѣ. — Вы не подозрѣвали, что гаванская уроженка можетъ оказаться талантливой.

Теперь ей уже не хотѣлось спать. Ея широко-раскрытые лихорадочно-блестящіе отъ безсонницы глаза враждебно впились въ лицо Вакулина.

— Вы не поняли меня, — произнесъ онъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ. — Не то выражалъ мой взглядъ, Марина Денисовна. Нѣтъ, повѣрьте, мнѣ было только жаль васъ и вашъ талантъ, который долженъ расцвѣсти и погибнуть, заключенный въ мизерныхъ рамкахъ вашего захолустья.

— Но почему-же?—произнесла она горячо.—Почему не развиваться и не идти дальше? Мало-ли вышло знаменитостей изъ совсѣмъ незамѣтныхъ маленькихъ актрисъ?

— Да, вы правы! Но, Марина Денисовна, не сердитесь на меня, это не для васъ. Васъ заѣстъ обстановка, семья, будничные интересы...

— О, нѣтъ! — такъ-же горячо вырвалось у нея.

И вдругъ ей пришла внезапно въ голову мысль, какъ несвоевременен ея разговоръ объ ея личномъ счастьѣ съ человѣкомъ, у котораго умираетъ отецъ.

„Странно, что онъ такъ любитъ отца! — подумала она невольно. — Такіе типы далеки отъ нѣжныхъ привязанностей. Тѣмъ болѣе, говорятъ, что старикъ богатъ и скупъ и, навѣрное, оставитъ ему большое наслѣдство".

Юрій Юрьевичъ точно отгадалъ мысли своей молодой спутницы.

— Простите, что не поддерживаю нашего разговора съ вами, — сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, — но безнадежное состояніе отца очень удручаетъ меня, Марина Денисовна. Мы мало сходились съ нимъ въ понятіяхъ, во взглядахъ. Отецъ представляетъ изъ себя отжившій типъ и притомъ онъ — чудакъ и оригиналъ, но при всемъ томъ онъ — прекрасный человѣкъ по натурѣ, добрый, отзывчивый, хотя по виду — брюзга и эгоистъ. Люди сдѣлали ему много зла, онъ давно извѣрился въ ихъ порядочность. Но онъ никому ничего не сдѣлалъ, кромѣ добра, и совѣсть его чиста, какъ совѣсть ребенка. Сегодняшній поступокъ, спасеніе бѣдняковъ собственными силами по собственному желанію, не говоритъ-ли уже за него? А такихъ случаевъ было много-много. Онъ всегда помогалъ, помогалъ втайнѣ и сердился, когда узнавали объ этомъ. А сегодня... Ужасно подумать, что онъ сдѣлалъ, слабый старикъ. Онъ вмѣстѣ въ вѣрнымъ Францомъ и вотъ этими молодцами въ этомъ-же яликѣ отправился спасать погибающихъ... И самъ работалъ наравнѣ съ сильными, здоровыми мужиками... И вдругъ наткнулась лодка на что-то и онъ проломилъ себѣ голову въ темнотѣ о шальную балку. Какой ужасъ! Неправда-ли, Марина Денисовна? Я — скверный, порочный человѣкъ, я не скрываю этого, и никого я не люблю на свѣтѣ... но отца люблю, люблю и мнѣ жаль потерять его, — и при послѣднихъ словахъ Вакулинъ закрылъ лицо рукою и погрузился въ задумчивость.

А Марина сидѣла въ тихо покачивающейся теперь лодкѣ (вода здѣсь едва доходила до колѣнъ и волненіе было значительно меньше) и думала:

„Какъ странно все случилось сегодня: и успѣхъ, и наводненіе, и этотъ Вакулинъ, казавшійся ей такимъ антипатичнымъ и въ свой первый визитъ, и вчера въ

театрѣ, а теперь такъ просто высказывавшійся въ своемъ горѣ предъ ней, чужой ему и, должно быть, также далеко не симпатичной ему дѣвушкой. И куда пропали его надменный видъ, его дерзкій, почти наглый взглядъ, любующійся ею?"

И снова сладкая истома сна охватила Марину. Она прикрыла лицо шалью и безсильно отдалась побѣдившей ее дремотѣ.

VII.

Сильный толчекъ отрезвилъ Марину.

Попрежнему полусвѣтъ утра боролся съ полутьмой ночи. Лодка стояла. Марина узнала фасадъ знакомаго мрачнаго дома, куда ежедневно спѣшила она въ продолженіе цѣлаго года на свои обычныя занятія лектрисы.

— Пріѣхали! — услышала она надъ ухомъ голосъ Вакулина. — Позвольте, я вамъ помогу.

Онъ протянулъ руки. Марина привстала со своего мѣста, но затекшія въ неудобномъ положеніи ноги плохо повиновались ей. Она пошатнулась и почти упала назадъ, на скамью. Тогда Вакулинъ приподнялъ Марину и, перешагнувъ бортъ ялика вмѣстѣ съ дѣвушкой, поставилъ ее на верхнюю ступеньку крыльца, не залитаго водою.

Въ дверяхъ ихъ встрѣтилъ Францъ съ фонаремъ.

Во всѣхъ окнахъ виднѣлся свѣтъ и за сторами мелькали тѣни снующихъ по комнатамъ людей.

— Слава Богу, пріѣхали! — радостно произнесъ старый лакей. — Баринъ очень безпокоились.

И онъ повелъ ихъ по знакомой Маринѣ лѣстницѣ на площадку, въ старомодную гостиную, съ тяжелой допотопной мебелью.

— Онъ лежитъ въ кабинетѣ, — произнесъ шепотомъ Вакулинъ и сталъ помогать дѣвушкѣ раскутывать ея платокъ.

Дверь въ кабинетъ была плотно прикрыта, но, несмотря на это, Марина ясно разслышала стоны за ней.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ кабинета вышелъ маленькій плотный господинъ съ бритымъ, какъ у актера, лицомъ.

— Ну, что, докторъ? — кинулся къ нему Вакулинъ.

— Плохо! — отвѣтилъ тотъ съ равнодушіемъ, свой

ственнымъ врачу. — Обнадеживать было-бы крайне нетактично съ моей стороны. Врядъ-ли онъ доживетъ до завтра.

— Можно молодой особѣ пройти къ нему? — спросилъ снова Юрій Юрьевичъ, указывая глазами на Марину.

— Безъ сомнѣнія. Только поменьше разговора. Надо, насколько можно, постараться облегчить агонію, — и, поклонившись молодой дѣвушкѣ, онъ пожалъ руку хозяину и вышелъ.

— Пройдите къ нему, Марина Денисовна! — попросилъ Вакулинъ и, открывъ дверь кабинета, пропустилъ ее впередъ.

Первымъ, что бросилось въ глаза Маринѣ, были большая тяжелая постель, выдвинутая на средину комнаты, и забинтованная голова человѣка съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, покоившаяся на подушкѣ. Лицо это такъ страшно перемѣнилось въ часы страданій, что Марина едва узнала Юрія Викентьевича Вакулина. На головѣ лежалъ пузырь со льдомъ, казавшійся громаднымъ, въ сравненіи съ этимъ высохшимъ старческимъ лицомъ. Обычныхъ дымчатыхъ очковъ не было на глазахъ старика и прямо навстрѣчу приближающейся дѣвушкѣ смотрѣли два ярко горящіе глаза со страннымъ для больного выраженіемъ тупого упрямства и досады. А губы улыбались безпомощной, почти дѣтской улыбкой.

— Ага! — разслышала она задавленный хриплый шепотъ старика, — ага, ты все-таки пожаловала ко мнѣ, я зналъ, что ты придешь, Серафима, иначе ты не былабы ангеломъ, не была-бы Серафимой... Жалостливая! Я зналъ, что ты придешь! Ну, и хорошо! ну, и хорошо! Останься со мною!

— Онъ принимаетъ васъ за мою мать. Она оставила его, когда я былъ ребенкомъ, — тихо произнесъ Юрій Юрьевичъ, наклоняясь къ уху пораженной Марины.

Потомъ онъ нѣжно склонился къ больному и произнесъ такимъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятъ съ дѣтьми:

— Папаша, ты ошибся, это Марина Денисовна Лоранская пришла навѣстить тебя. Помнишь, ты просилъ меня съѣздить за нею? Я и привезъ ее къ тебѣ.

— А, что ты понимаешь? — заволновался старикъ,

и глаза его блеснули безумными огоньками. — Всѣ онѣ—Серафимы... и та, и эта... всѣ... всѣ... весь міръ... вся вселенная. Вѣдь, ты — Серафима? — обратился онъ неожиданно къ Маринѣ, стоявшей у его постели.

— Серафима, — потерявшись, отвѣчала дѣвушка.

— Это хорошо! Это чудо, какъ хорошо, что ты вернулась ко мнѣ! Ты опять будешь читать мнѣ Спенсера. Только безъ жениха, прогони жениха, прогони, прогони! Не надо его! Не надо! Прогонишь?

— Прогоню! — произнесла Марина, не желая раздражать больного.

— Я зналъ, что прогонишь, я зналъ. Зачѣмъ тебѣ женихъ, когда ты — Серафима, ангелъ безъ тѣла и крови? Всѣ мы безъ тѣла и крови.... и ты, и я... всѣ, всѣ, всѣ!

Онъ началъ метаться, бредить. Безсвязный лепетъ срывался съ его устъ.

— Вода! вода! — кричалъ онъ въ какомъ-то изступленіи.—Возьмите ее, возьмите... Сюда! сюда! на помощь... Тамъ дитя... ребенокъ... Скорѣе, скорѣе! Онъ захлебнется! Причаливай!..

Больной затихъ, пересталъ стонать и, казалось, забылся, не выпуская, однако, руки Марины изъ своей сухой горячей руки.

Лоранская видѣла, какъ изрѣдка пробѣгали судороги по его изможденному лицу, какъ посинѣвшія губы силились произнести что-то. Она быстро наклонилась къ умирающему, и странныя слова бреда донеслись явственно до ея слуха:

— Зачѣмъ ты пришла и ушла снова, Серафимочка? Я такъ ждалъ, я такъ долго ждалъ тебя! Всю мою жизнь ждалъ! А ты пришла и опять ушла. Гордая ты! независимая! Опять потерять свою свободу побоялась! А развѣ онъ не лишитъ тебя ея? Или лучше быть рабыней молодого, сильнаго, ничтожнаго духомъ человѣка, чѣмъ старика, слабаго, больного, но съ твердой чистой душой?

Это былъ уже не бредъ. Изъ послѣднихъ рѣчей умирающаго Марина ясно поняла всю тяжелую драму его жизни. И ея чуткое сердце сжалось отъ обиды и горечи за него.

— Послушай,—залепеталъ онъ, между тѣмъ, снова,— ты должна исполнить мою просьбу, Серафима, потому

что желаніе умирающаго должно быть свято для живущихъ... — и глаза его страшно сверкнули на измождённомъ отъ страданій лицѣ.

Они, казалось, впивались въ самыя нѣдра души Марины своимъ острымъ, пронизывающимъ взглядомъ.

Дѣвушка невольно отшатнулась и выдернула руку изъ руки больного.

— Что вы дѣлаете? — съ ужасомъ въ голосѣ остановилъ ее молодой Вакулинъ.—Вы губите его! Я знаю это желаніе отца. Его исполненіе вполнѣ въ вашихъ силахъ и ни въ коемъ случаѣ не повредитъ ни вамъ, ни вашимъ близкимъ. Согласитесь! Ради умирающаго согласитесь на него!

— Хорошо, я исполню, что вы хотите!—произнесла Марина, обернувшись лицомъ къ больному, но онъ уже снова не понималъ дѣйствительности, бредилъ водою, домами и балкой, ударившей его по головѣ.

Вскорѣ затѣмъ началась агонія. По совѣту Юрія Вакулина, Марина ушла въ гостиную и прикурнула тамъ на отоманкѣ. И, только усталая голова молодой дѣвушки добралась до мягкаго валика дивана, тяжелая дремота подкралась къ ней и разомъ сковала всѣ ея члены.

Странный сонъ приснился Маринѣ. Ей казалось, что она плыветъ въ томъ-же яликѣ, но не по затопленнымъ наводненіемъ улицамъ Гавани, а по какому-то громадному бушующему океану, безъ малѣйшихъ признаковъ земли и острововъ. Волны съ ревомъ вздымаются вокругъ утлой лодченки, подбрасывая ее, какъ щепку, и грозя каждую минуту разломать въ куски. Марина ѣхала не одна. Однако, она не могла припомнить и понять во снѣ, кто былъ ея спутникъ. Изъподъ сѣраго надвинутаго капюшона нестерпимо сіяли ей его огненные глаза. Блѣдное лицо, знакомое и незнакомое въ одно и то-же время, гипнотизировало ее заодно съ этими огненными глазами.

— Куда мы ѣдемъ? — спросила съ трепетомъ молодая дѣвушка.

И до-нельзя знакомый голосъ отвѣчалъ ей:

— Въ страну золота и счастья.

— Но я хочу домой!—вскричала Марина. —Пустите меня домой!

— Этого нельзя! — холодно усмѣхнулся незнако-

мецъ.— Ты сама — жительница золотой страны и тебѣ нечего дѣлать въ сѣрой обстановкѣ будничнаго міра. Взгляни! Неужели тебя тянетъ туда?

Марина оглянулась назадъ по направленію руки и увидѣла свою маленькую Гавань. По берегу метались, простирая къ ней руки, ея мать, братья, Лелечка, Кодынцовъ... Они кричали ей что-то, пересиливая голосъ вѣтра, и манили ее обратно къ себѣ. Но ея спутникъ держалъ ее за руки, тихо, зло смѣялся и говорилъ:

— Вѣдь, ты — Серафима? Вѣдь, ты — золотая Серафима? Останься со мною! Я люблю тебя и дамъ тебѣ счастье. Потому что я одинъ могу тебѣ дать счастье, котораго жаждетъ твоя душа.

И тутъ только поняла Марина, кто былъ ея спутникъ. Вакулинъ-младшій сидѣлъ уже подлѣ нея и держалъ ее въ своихъ нѣжныхъ, но сильныхъ объятіяхъ.

— Я не хочу, не хочу! — лепетала она и рвалась изъ его рукъ.

А впереди нея прямо изъ воды выростали, какъ въ сказкѣ, красивые дома, залитые свѣтомъ, съ ярко освѣщенными также сказочными, по роскоши убранства, комнатами. И внезапно все старое словно отошло куда-то далеко-далеко... Что-то влекло Марину теперь туда впередъ, по направленію этихъ домовъ. Вотъ они близко-близко... Вотъ уже не слышно больше голосовъ призыва съ берега. Высокій мутный валъ поднялся между нимъ и яликомъ и сдѣлалъ невидимымъ для взоровъ Марины все, что не касалось золотой страны, въ которую она вступала.

„Тебя ждетъ великая будущность!“ — услышала она во снѣ пророчески произнесенныя слова Сергѣя, и не то стонъ, не то плачъ, пронесшійся съ того берега, похожій на вопль ревущей сирены...

Марина вздрогнула и проснулась. Въ комнатѣ были подняты сторы, и промозглое, гнилое утро смотрѣло въ комнату. За окнами слышалась брань дворниковъ, усердно работавшихъ послѣ наводненія. Около нея стоялъ Вакулинъ. По его блѣдному, усталому отъ волненія и безсонницы лицу было видно, какъ онъ страдаетъ.

— Марина Денисовна, — услышала она тотъ-же голосъ, которымъ ея спутникъ во снѣ говорилъ съ нею,—

отецъ мой только что скончался. Онъ вспоминалъ васъ, но я не рѣшился васъ будить и тревожить, тѣмъ болѣе, что скоро онъ впалъ снова въ безпамятство. Вотъ это онъ просилъ передать вамъ, когда умретъ. Вы дали слово исполнить его желаніе, — и Юрій Юрьевичъ протянулъ ей конвертъ большого формата съ фамильною печатью старика Вакулина.

— Что это? — удивилась Марина.

— Здѣсь пять тысячъ, подарокъ моего отца вамъ въ память вашихъ усердныхъ занятій съ нимъ въ продолженіе года. Мой отецъ зналъ, что вы, съ вашей гордостью, не возьмете большей суммы, и, несмотря на свое крупное богатство, удѣлилъ вамъ только это.

Марина вспыхнула.

„Ничтожная сумма!.. О! для нихъ, богачей, она кажется ничтожной, но для нея, не имѣвшей никогда въ рукахъ болѣе ста рублей, эти деньги казались феноменальнымъ богатствомъ... Вотъ она, золотая страна!— подумала она. — Сонъ сбывается не на шутку“, — и произнесла вслухъ:

— Юрій Юрьевичъ! я никогда не взяла-бы этихъ денегъ, если-бы вашъ покойный отецъ не обязалъ меня словомъ. Это—огромный подарокъ, я не стою его.

— Пустяки! — произнесъ Вакулинъ. — Для отца, повторяю, эта сумма слишкомъ ничтожна. Даже Францъ получитъ вдвое больше по завѣщанію. Но то лакей Францъ, а то вы, единственный человѣкъ, услаждавшій своимъ присутствіемъ его сиротство въ этотъ послѣдній годъ. Отецъ не хотѣлъ включать эту маленькую сумму въ свое завѣщаніе, чтобы люди не нашли чего-либо предосудительнаго въ его поступкѣ, и потому взялъ ее изъ обиходныхъ суммъ и просилъ передать вамъ...

Марина не слышала, казалось, послѣднихъ словъ Вакулина. Она машинально приняла пакетъ изъ его рукъ и сунула его въ карманъ платья.

„Вы услаждали послѣдній годъ его сиротства“, — звенѣло и переливалось въ ея ушахъ на тысячу ладовъ.

А она-то? Хорошо услажденіе! Она безжалостно бросила измученнаго, изстрадавшагося человѣка, не желая выносить его безвредныя чудачества! Она видѣла въ этомъ стѣсненіе своей свободы, торжество богатаго

надъ бѣднымъ, сильнаго надъ слабымъ. О! какъ она была жестока и несправедлива! Какъ она не понимала его!

— Послушайте, — обратилась она къ Вакулину, — скажите, вашъ отецъ отдалъ вамъ эти деньги послѣ катастрофы, да?

— О, нѣтъ! Въ тотъ-же вечеръ, когда я вернулся отъ васъ послѣ моей неудавшейся депутаціи, онъ долго говорилъ со мною объ одной необыкновенной дѣвушкѣ, рѣшившейся ради сохраненія своихъ принциповъ отказаться отъ выгоднаго заработка. Онъ восторгался ею и ея неподкупностью, хотя и подтруниваль надъ нею. И, должно быть, тогда-же у него и созрѣло это рѣшеніе, потому что на другой день онъ далъ мнѣ эти деньги для передачи вамъ послѣ его смерти. Очевидно, онъ предчувствовалъ свой скорый конецъ. Ваша порядочность и гордость восхитили его. И потомъ, насколько я понялъ его, мнѣ кажется, вы очень напомнили отцу мою мать, не пожелавшую остаться съ нимъ въ первые-же годы ихъ супружества. Она ушла къ другому и оправдывала свой поступокъ деспотизмомъ отца. Можетъ быть, это и такъ. Я былъ еще малюткой въ ту пору, но мы, Вакулины, всѣ — деспоты немного... — Онъ провелъ рукой по лицу, какъ-бы силясь отогнать отъ себя тяжелое воспоминаніе, потомъ спросилъ уже болѣе спокойнымъ и твердымъ голосомъ: — хотите взглянуть на покойника? Онъ мало перемѣнился. Совсѣмъ, какъ живой, — и, не дожидаясь отвѣта Марины, провелъ ее въ кабинетъ.

VIII.

Юрій Юрьевичъ былъ правъ. Старикъ Вакулинъ мало измѣнился послѣ смерти. По крайней мѣрѣ, онъ показался Маринѣ совсѣмъ такимъ, какимъ былъ въ ихъ послѣднее свиданіе при размолвкѣ. Онъ попрежнему лежалъ на своей громадной постели, выдвинутой на средину комнаты. Заботливый Францъ обмылъ, согласно традиціямъ, мертвое тѣло своего барина, облачилъ его въ черный сюртукъ и, скрестивъ руки на груди, накрылъ его до пояса простынею. Но мертвые глаза остались открытыми, такъ какъ ихъ забыли закрыть послѣ кончины, и странно было видѣть этотъ стеклянный остановившійся взглядъ, дѣлавшій все лицо покойника похожимъ на лицо громадной восковой

куклы. И все-таки это мертвое лицо было очень похоже на лицо живого Вакулина, какимъ его знала Марина. Даже брезгливая складка губъ, исчезнувшая за часы предсмертныхъ страданій, теперь снова появилась на этомъ мертвомъ лицѣ.

Марина молча опустилась на колѣна, поклонилась праху, поднявшись, вновь взглянула на покойника и мысленно произнесла:

„Спасибо тебѣ. Беру этотъ подарокъ отъ мертваго, какъ не взяла-бы отъ живого. Прости меня, если я невольно причинила тебѣ тяжелыя минуты своимъ отказомъ и рѣзкостью".

Тутъ-же рядомъ двѣ старушки безъ стѣсненія высчитывали богатство старика.

— Домъ этотъ... перво-наперво... да имѣніе, сказываютъ, въ Уфимской полосѣ черноземное... Да деньжищъ! И все ему, потому единый наслѣдникъ. Вотъ и раскинь умомъ, бабушка, опосля всего!

Маринѣ стало невыносимо и отъ этихъ безцеремонныхъ пересудовъ, и отъ общей картины смерти. Она тоскливо оглянулась и страшно обрадовалась, увидя въ дверяхъ Кодынцова.

— Я за тобою. Ваши безпокоятся. Пора домой, Мариночка! — шепотомъ пояснилъ онъ.

— Да, да, домой! — какъ эхо, отозвалась дѣвушка.

— Я велѣлъ вамъ лошадь запречь. Вода убыла и вы попадете на пролеткѣ въ Гавань,—поспѣшилъ сказать Юрій Юрьевичъ, подойдя къ нимъ и молча здороваясь съ Кодынцовымъ.

— Не безпокойтесь! — отклонилъ онъ сухо: — я уже нанялъ извозчика... Ѣдемъ, Марина! — произнесъ онъ тономъ, не допускающимъ возраженія.

И этотъ тонъ какъ-то странно рѣзнулъ сердце Марины и она подумала:

„Что сталось съ ея чуткимъ, тихимъ Сергѣемъ? съ ихъ общимъ безобиднымъ Серяжкомъ, такимъ податливымъ и постоянно ровнымъ? Неужели у него ничего не нашлось въ запасѣ, помимо этой сухости къ человѣку, только что потерявшему отца?"

Ей стало досадно и непріятно за жениха и неловко предъ Вакулинымъ и, какъ-бы желая загладить неловкость Сергѣя, она протянула обѣ руки Юрію Юрьевичу и произнесла ласково:

— Не печальтесь, примиритесь съ неизбѣжностью У каждаго, вѣрьте, есть свое горе, но каждое горе проходящее! Я тоже потеряла своего отца; это была очень тяжелая потеря, но потомъ она загладилась иными хорошими сторонами жизни!

Вакулинъ съ благодарностью и удивленіемъ взглянулъ на эту обычно холодную и гордую дѣвушку, еще недавно такъ враждебно относившуюся къ нему и теперь ласкавшую его загадочнымъ свѣтомъ своихъ странныхъ мерцающихъ глазъ. Онъ почтительно склонился къ ея маленькой рукѣ и произнесъ, цѣлуя ее:

— Вы позволите мнѣ пріѣхать поблагодарить васъ за вашу доброту къ моему отцу, неправда-ли?

— Конечно... Но онъ самъ уже такъ незаслуженно отблагодарилъ меня,—намекая на подарокъ покойнаго, произнесла Марина съ смущеніемъ.

Марина быстро одѣлась и, въ сопровожденіи Кодынцова, вышла на улицу.

Воды уже не было. Она, сдѣлавъ свое дѣло, намутивъ, набурливъ и нагубивъ вволю, снова вошла въ берега, по крайней мѣрѣ, въ этой части острова. Только разные щепы, доски, обломки вещей, домашней утвари, исковерканной и переломанной до неузнаваемости, свидѣтельствовали о ночной вакханаліи разсвирѣпѣвшей стихіи.

Кое-гдѣ стояли лужи, а мѣстами и цѣлыя небольшія озера, не успѣвшія высохнуть на мостовой.

— Что наши? все благополучно? — обратилась Марина къ Кодынцову, когда они ѣхали по Большому проспекту мимо послѣдней линіи острова.

— Наконецъ-то, ты вспомнила о нихъ, Марина! А я ужъ думалъ, что ты совсѣмъ позабыла насъ, попавъ въ хоромы богача Вакулина, — тономъ обиженнаго ребенка произнесъ Сергѣй.

— Что это — шутка или ревность? — холодно сощурилась на своего спутника Марина, отчего румяное лицо Кодынцова разомъ поблѣднѣло.

— Ты обидѣлась, Мариночка?—залепеталъ онъ растерянно. — Прости меня, прости, дорогая!

Но она и безъ того уже не могла сердиться, разомъ вспомнивъ о подаркѣ, лежавшемъ у нея въ карманѣ. Лицо ея мигомъ просвѣтлѣло.

— Мы богаты, — вырвалось у Марины счастливымъ

звукомъ. — Мы очень богаты, Сержикъ! — повторила она весело, какъ ребенокъ, и смотрѣла въ глаза жениха загорѣвшимися глазами.

Потомъ, не дожидаясь его разспросовъ, она разсказала Кодынцову все, что случилось этою ночью съ нею.

— И ты считаешь себя серьезно богатой? — узнавъ всѣ подробности ея новаго счастья, спросилъ Сергѣй Владиміровичъ у Марины.

— Не только себя, но и всѣхъ насъ, маму, Лелечку, Павлука, Граню, потому что, вѣдь, подѣлюсь-же я съ ними всѣми...

— Пятью тысячами?—прервалъ ее со смѣхомъ Сергѣй. — Это, значитъ, по тысячѣ на человѣка? Ну, это — не великое богатство, Мариночка!

— Для меня великое, потому что я и десятой части не имѣла... Не зли меня сегодня, Сержикъ, я сегодня совсѣмъ не твоя спокойная, уравновѣшенная Марина. Вчерашній успѣхъ, наводненіе, эта смерть — геройская смерть человѣка, котораго мы всѣ такъ несправедливо считали мелкимъ и ничтожнымъ—и, наконецъ, неожиданное появленіе, какъ въ сказкѣ, этой крупной суммы, — есть отъ чего перемѣниться! Нѣтъ, какъ мама-то, мама какъ будетъ довольна! Подумай! Съ долгами расплатимся. Ее такъ мучаютъ долги. Всѣмъ, вѣдь, задолжали, даже тебѣ... и вдругъ на смарку!..

— Ну, мнѣ пустяки! Я свой. А вотъ ты мнѣ скажи, изъ какихъ суммъ она будетъ долги выплачивать: изъ общихъ частей или изъ своей?

— Ты злой, Сергѣй! — разсмѣялась Марина своимъ беззвучнымъ смѣхомъ. — Только я не сержусь на тебя за твою иронію, потому что, знаешь-ли, я умираю отъ усталости и хочу спать, какъ ребенокъ... Пріѣду, и ни слова нашимъ о подаркѣ... Просто завалюсь спать... спать, спать и спать!

И Сергѣй, дѣйствительно, полусонную довезъ ее до Гавани, гдѣ вода еще стояла по-щиколодку лошадямъ, и сдалъ съ рукъ на руки безпокоившимся домашнимъ. Марина едва дотащилась до постели юркаго капитана, предупредительно уступившаго ей свой одръ, такъ какъ въ квартирѣ Лоранскихъ еще стояла вода, и въ ту-же минуту уснула мертвецки-глубокимъ сномъ безъ всякихъ грезъ и видѣній.

IX.

Инцидентъ съ пятью тысячами былъ встрѣченъ съ подобающей экспрессіей семьей Лоранскихъ. Въ первую минуту сообщенія Мариной интереснаго извѣстія всѣ замолчали и глядѣли другъ на друга широко раскрытыми потерянными глазами.

Первымъ пришелъ въ себя Павлукъ. Онъ вскочилъ на стулъ и заоралъ „ура“.

— Вотъ кстати деньги подоспѣли... Кухню у жильцовъ ремонтировать надо! И сапогъ нѣтъ у Грани, — съ самымъ сосредоточеннымъ видомъ произнесла Лелечка.

— Лелька, ты—зулуска,— заоралъ снова Павлукъ,— пять тысячъ съ неба свалились, а она о мелочахъ бренчетъ... кухня, сапоги. Вѣдь, пять тысячъ, поймн, глупышка!.. Давай ихъ сюда, Марина! давай ихъ, голубчиковъ, — обратился онъ къ старшей сестрѣ, — чтобы я воочію могъ убѣдиться, что тутъ онѣ у меня, милушки...

— Не надо забывать, что это — деньги Марины и ничьи больше! — ласково остановила расходившагося сына Марья Дмитріевна.

— А Марина-то чья? Не наша развѣ? Какъ это странно, мама, у васъ выходитъ, право! Марина наша и деньги наши! — безапелляціонно произнесъ Граня.— Скажи, не правъ я развѣ, Марина? — обратился онъ къ сестрѣ.

— Ну, конечно, правъ! Объ этомъ и рѣчи быть не можетъ! — поторопилась успокоить брата Марина.—Эти деньги мы подѣлимъ поровну, чтобы каждому было по части, которой онъ могъ-бы распорядиться по своему усмотрѣнію... Не такъ-ли, мама?

— А по-моему, не такъ, дѣточка! По-моему, долги выплатить, это — да, а остальную сумму, т. е., тѣ-же пять тысячъ, за вычетомъ двухсотъ семидесяти рублей долга, положить въ банкъ да проценты подрѣзать два раза въ годъ для нуждъ вашихъ. А сумма на черный день останется.

— Отлично! Съ государственной ренты-то проценты!— такъ и закипѣлъ Павлукъ, — тогда, конечно, и на сапоги Гранѣ не хватитъ!.. Нѣтъ, не такъ я поступилъ-бы.

Вы, мама, насчетъ долга правильно разсудили. Долгъ выплатить, а остальныя деньги поровну между пятерыми нами.

— Нѣтъ ужъ, голубчикъ, я отказываюсь. Кухню-бы мнѣ вскладчину поправить и долги выплатить, а больше ничего не надо, — протестовала старушка-Лоранская.

— И мнѣ не надо!—эхомъ ей отозвалась Лелечка.— Не хочу ихъ! Ну, ихъ совсѣмъ! Когда деньги есть, только и думаешь, куда-бы ихъ употребить, забота лишняя, а тутъ живешь себѣ безъ заботъ и думъ!

— Ты-то безъ заботъ живешь, моя безсеребреница?— ласково обнявъ и цѣлуя младшую дочь, произнесла Марья Дмитріевна. — Хлопотуша ты моя милая!

— Ну, ладно! Мама и Елена отказываются, — поднялъ голосъ Граня, — значитъ, ихъ части остаются какъ-бы въ резервѣ.

— И Гранѣ тоже на руки давать деньги не слѣдуетъ, — перебилъ его Павелъ, — принимая во вниманіе его несовершеннолѣтіе. И гранины деньги будутъ у мамы лежать и по мѣрѣ силъ и возможности на разныя надобности сему несовершеннолѣтнему юнцу выдаваться. Такъ?

— Вотъ ужъ это ты напрасно, — вступился Граня,— что-же, что я не достигъ совершеннолѣтія! Иные въ семнадцать лѣтъ много опытнѣе бородатыхъ мужчинъ бываютъ, — заключилъ онъ съ дѣтской напыщенностью.

— А по-моему, — вставила свое слово Марина, — лучше намъ всѣмъ выбрать опекуншей маму и спрашивать у нея деньги по мѣрѣ необходимости. Правда? Вѣдь, собственно говоря, всѣ мы такіе-же несовершеннолѣтніе, какъ и Граня, въ денежныхъ вопросахъ.

— Вотъ это хорошо! Что хорошо, то хорошо!—возликовалъ Павлукъ. — А деньги-то ты все-таки вынь да положь. Еще, чего добраго, фальшивыя! — прибавилъ онъ полусерьезно, полушутливо.

— Стыдись, Паша! Вѣдь, онъ — покойникъ! — укоризненно произнесла Марина и протянула ему конвертъ.

Павлукъ вскрылъ конвертъ. На столъ выпало нѣсколько облигацій. Ихъ пестрый видъ пріятно подѣйствовалъ на членовъ маленькой семьи. Даже Марья Дмитріевна взглянула на бумаги и, набожно поднявъ глаза на небо, перекрестилась.

— Господи, упокой его душу! Доброе дѣло сдѣлалъ для сиротъ.

И всѣмъ стало на минутку хорошо и грустно на душѣ. Жаль было этого одинокаго, обиженнаго судьбою старика, не понятаго никѣмъ и не оцѣненнаго до послѣдняго дня его жизни.

Первымъ вышелъ изъ задумчивости Павелъ.

— Давайте, кутнемъ сегодня основательно! Пригласимъ Навадзе, Декунина, Сонечку...

— Вотъ-вотъ, тебѣ только-бы Сонечку! — возмутилась Леля. — А кто послѣ наводненія будетъ все въ порядокъ приводить?

— Мы.

— Кто это „мы“? Ты и гости? Нѣтъ, ужъ оставь, пожалуйста. Всѣ комоды переломаете. Теперь они разбухли. Сегодня-то хоть, Христа ради, обойдитесь вы безъ сутолоки!

— Лелька, ты злая! Смотри, старой дѣвой останешься, — пошутилъ Павлукъ, грозя сестрѣ.

— Ну, и очень рада! Мы съ мамочкой, по крайней мѣрѣ, вдвоемъ проживемъ тихо да мирно. Марина замужъ выйдетъ, ты, Паша, въ провинцію... Граня...

— Я юристомъ буду, — заявилъ Граня: — мнѣ одна барыня сказала, что я эффектнымъ адвокатомъ буду, что у меня въ глазахъ что-то такое! — и Граня неопредѣленно повертѣлъ пальцами, со слѣдами чернильныхъ пятенъ, предъ лицомъ.

— Мамочка, знаете, кто это сказалъ? — оживляясь, со смѣхомъ произнесла Лелечка: — купчиха Люлюшкина. Она въ Граню такъ врѣзалась, что небу жарко, ей-Богу! Каждый день по Большому катается, когда онъ изъ гимназіи идетъ! крашеная, брр... противная!

— И сама-то ты противная! — разсердился Граня:— цвѣтъ лица у нея такой, что... бываетъ такой...

— Бываетъ въ аптекарскихъ магазинахъ за рубль коробка! — звонко расхохоталась Лелечка, — румянами онъ называется!

— Глупа ты! — окончательно разсвирѣпѣлъ Граня.

— Рано тебѣ, Гранюша, бабьи лица разбирать. Вотъ кончишь учиться, ухаживай себѣ на-здоровье, а теперь не дѣло! — ласково пожурила его Марья Дмитріевна.

— Да что вы, мамочка? Это она все выдумываетъ,—

вспыхнувъ до ушей и кивая на Лелечку, оправдывался Граня. — Это я нарочно Люлюшкину похвалилъ, чтобъ Лелькѣ досадить. А по мнѣ, она — туша сорокапудовая, и больше ничего.

— Да ну васъ съ вашей Люлюшкиной! — прервалъ его Павлукъ. — Лучше рѣшимъ, какъ отпраздновать наше неожиданное наслѣдство. Послать за закусками, за донскимъ — и по-семейному, тишкомъ? Развѣ только Сержика съ матерью позвать?

— И лучше, Пашенька, тишкомъ-то! Деньги хоть и не очень велики, а все лучше ихъ отъ завистливаго глаза схоронить.

— Мамочка, да вы, кажется, воровъ боитесь? — искренне расхохоталась Лелечка.

— Боюсь, дѣточка, и скрывать не хочу, боюсь! А тутъ молчкомъ да секретомъ, смотришь, никто и знать не будетъ.

— Правда, мама, а то ни вѣсть что выдумаютъ! — подхватила Лелечка, во всемъ всегда соглашавшаяся съ Марьей Дмитріевной. — А знаешь, — обратилась она къ Маринѣ, — тебѣ на панихиду надо было-бы пойти. Надѣнь суконную юбку и черное джерси и иди на панихиду! право!

— А не будетъ это имѣть видъ, что изъ-за денегъ, изъ-за пяти тысячъ пришла? — нерѣшительно спросила Марью Дмитріевну Марина.

— Ну, вотъ глупости! — вмѣшался Павлукъ. — Да и кто знаетъ про деньги-то? Одинъ сынъ покойнаго. Вѣдь, помимо завѣщанія сорудовано.

Марина кивнула головою. Дѣйствительно, о полученныхъ ею деньгахъ зналъ только Юрій Вакулинъ, но именно предъ нимъ и хотѣлось ей показаться безупречной. Почему — она и сама не могла дать себѣ отчетъ. Съ минуту она колебалась, но потомъ новое опасеніе — не показаться предъ тѣмъ-же Юріемъ безчувственной и неблагодарной по отношенію къ его отцу — точно подтолкнуло идти Марину, и она отправилась въ тотъ-же вечеръ на панихиду.

X.

Большая гостиная Вакулиныхъ была биткомъ набита самой разношерстной публикой. Тутъ были и какія-то полныя барыни, говорившія шепотомъ по-фран-

цузски, дальнія родственницы Юрія Викентьевича, и три-четыре товарища по вѣдомству его сына, желавшіе сдѣлать любезность своему сослуживцу, пріѣхавъ на панихиду по его отцѣ, и какой-то генералъ суроваго вида, стоявшій на видномъ мѣстѣ, держа свѣчу предъ носомъ, и духовенство, и пѣвчіе въ парадныхъ кафтанахъ съ кистями, и какія-то старушки, шушукавшіяся и отбивающія поклоны въ углу.

Но ничего этого не видѣла Марина, когда переступила порогъ гостиной. Ея взоръ сразу отыскалъ Юрія, стоявшаго въ сторонѣ, съ высоко поднятой головой. Теперь его лицо было такъ-же спокойно, какимъ Марина его видѣла до катастрофы, и молодая дѣвушка съ удивленіемъ замѣтила, что это былъ совсѣмъ иной человѣкъ, нежели сегодня ночью, съ такимъ волненіемъ повѣрявшій ей свои чувства къ отцу.

Только глаза его, вперенные въ пространство, горѣли сухимъ, яркимъ огнемъ. Они напоминали теперь Маринѣ другіе глаза, которые были такъ близко-близко около нея во время ея страннаго сна сегодняшней ночи, и она невольно вздрогнула, охваченная суевѣрнымъ трепетомъ.

„Странный человѣкъ, — глядя на стройную фигуру Вакулина, думала она, — точно хамелеонъ, смѣняющій свой цвѣтъ и окраску“.

И потомъ Марина перевела взоръ на покойнаго Вакулина, лежавшаго посреди комнаты въ дорогомъ парчевомъ гробу.

„И этотъ — странный, и этотъ — хамелеонъ, по-своему, — мысленно произнесла молодая дѣвушка, и что-то общее показалось ей между этимъ мертвымъ человѣкомъ, покоящимся подъ золоченымъ покровомъ, и его живымъ сыномъ, стоящимъ со свѣчой въ рукахъ и гордо приподнятой головой. — Точно одинъ изъ нихъ дополняетъ другого. Но отецъ былъ добрѣе и лучше сына!“

Послѣ панихиды гости окружили молодого Вакулина, выражая ему въ банальныхъ словахъ свои сожалѣнія и сочувствіе его горю. Темная толпа одѣтыхъ въ трауръ родственницъ и черныхъ сюртуковъ скрыла его отъ глазъ Марины.

Марина перекрестилась и вышла изъ гостиной.

„Это хорошо, что онъ не видѣлъ меня, — произнесла мысленно молодая дѣвушка по дорогѣ къ дому, — иначе

онъ могъ-бы подумать, что я изъ-за полученныхъ денегъ пришла отдать этотъ долгъ умершему. И мнѣ было-бы непріятно, если-бы онъ такъ подумалъ".

И, не вполнѣ отдавая себѣ отчетъ, почему ей было-бы непріятно такое мнѣніе совершенно чужого ей человѣка, Марина старалась перевести свои мысли на иную тему. Это было къ тому-же легко сдѣлать, потому что въ эти сутки она пережила слишкомъ много разнородныхъ впечатлѣній. Она жила, какъ въ сказкѣ. Вчерашній успѣхъ и начало ея службы въ театрѣ, такое благопріятное и хорошее начало, положили какъ-бы фундаментъ ея дальнѣйшему счастью, для полноты котораго только развѣ недоставало до сихъ поръ денегъ.

Теперь явились и деньги, благодаря чудачеству и добротѣ покойнаго Вакулина. И эти деньги радовали Марину, какъ радуетъ дешевая игрушка неизбалованнаго ребенка.

Несмотря на всю свою серьезность и положительность, Марина была болѣе женщиной, нежели кто-либо другой. Ее раздражали мелкіе недочеты и недохваты въ туалетахъ, вѣчныя перекрашиваніе и перешиваніе изъ стараго въ новое, вѣчное стараніе скрыть убожество и дешевизну нарядовъ. Теперь это несносное обстоятельство надолго исчезнетъ съ ея пути. Она можетъ накупить себѣ по желанію и платьевъ, и бездѣлушекъ и одѣваться на сценѣ и въ жизни не хуже другихъ.

Подумавъ о сценѣ, Марина перенеслась мысленно къ предстоящимъ репетиціямъ.

Режиссеръ труппы обѣщалъ ей новую роль въ самомъ непродолжительномъ времени — роль феи Раутенделейнъ въ прекрасной символической пьесѣ Гауптмана „Потонувшій колоколъ". Роль заранѣе приводила въ восхищеніе Марину. Она знала пьесу давнымъ-давно и постоянно мечтала включить ее въ свой репертуаръ.

И тутъ счастье, казалось, улыбалось молодой дѣвушкѣ своей широкой, многообѣщающей улыбкой.

„Какъ хорошо жить! какъ хорошо жить!" — мысленно повторяла Марина.

Дома Марину уже ждалъ Кодынцовъ, завернувшій къ нимъ со службы, по пути къ себѣ. Его обыкновенно здоровое румяное лицо теперь было недовольно, хмуро и даже какъ-будто поблѣднѣло. Добрые глаза старались смотрѣть недовольно, брови супились.

— Что съ тобой, Сержикъ? ты боленъ? — спросила его невѣста при видѣ этого необыденнаго выраженія на всегда счастливомъ и довольномъ лицѣ.

При первомъ-же звукѣ любимаго голоса Сергѣй Владиміровичъ переродился, словно по волшебству.

— Мнѣ надо поговорить съ тобой, Мариночка!—произнесъ Кодынцовъ такъ серьезно и таинственно, что подвернувшаяся при этомъ Лелечка звонко расхохоталась.

— Батюшки, какъ важно! Что это съ вами, Сержинька? Точно волкъ изъ „Красной шапочки“ смотрите. Марина, берегись! Онъ тебѣ носъ откуситъ! — шутливо предупредила она сестру.

— Что это, въ самомъ дѣлѣ, съ тобою, Сергѣй? Ты самъ не свой сегодня? — уводя жениха въ свою крошечную комнатку, озабоченно спросила Марина.

— Милая, голубка моя! — вырвалось изъ груди Кодынцова, какъ только онъ переступилъ порогъ комнатки, гдѣ жила любимая имъ дѣвушка. — Милая, голубка, не ходи больше туда! не ходи! Умоляю тебя ради всего-всего на свѣтѣ!

— Куда? Куда не ходить? Что ты мелешь, Сергѣй?— недоумѣвала та, глядя на жениха широко раскрытыми изумленными глазами.

— Туда, къ нему... къ Вакулину этому... — срывалось съ его губъ въ неудержимомъ порывѣ. — Ненавистенъ онъ мнѣ, Марина! Пойми! До мозга костей ненавистенъ! И самъ не знаю почему. Инстинктивно это выходитъ. Недобрый онъ... хитрый... несимпатичный. Погоди немного... сама убѣдишься. Знаю я эти типы холеныхъ баричей-краснобаевъ; перевѣшалъ-бы ихъ съ великимъ наслажденіемъ на первомъ попавшемся осиновомъ суку...

— Постой, Сергѣй! — удержала его невѣста. — Постой, ты... ты ревнуешь? Да?

Ея голосъ былъ странно холоденъ и глаза непроницаемо мерцали на Кодынцова хорошо знакомымъ ему загадочнымъ свѣтомъ.

Кодынцовъ опѣшилъ. Ему стало разомъ и неловко, и непріятно, что Марина такъ легко поняла чувства, волновавшія его, и, можетъ быть, его ярыя нападенія на Вакулина сочла за клевету, ради спасенія собственнаго престижа.

Но лгать Кодынцову не хотѣлось, какъ не хотѣлось

и сознаваться въ угаданномъ ею чувствѣ, такъ волновавшемъ его.

А загадочные глаза были такъ близко-близко отъ него и спрашивали теперь настойчиво-упорно:

— Ты ревнуешь? Скажи мнѣ, Сергѣй, ты ревнуешь меня?

И, словно загипнотизированный этими глазами, Кодынцовъ отвѣчалъ тихо, чуть слышно:

— Да.

— Значитъ, ты сомнѣваешься? значитъ, ты не вѣришь въ мою любовь? — продолжала Марина тѣмъ-же спокойно-холоднымъ тономъ, который былъ Кодынцову страшнѣе всего на свѣтѣ.

— Я люблю тебя! — простоналъ онъ и прильнулъ лицомъ къ ея рукѣ, лежащей на обшлагѣ его сюртука.

— Этого мало, Сергѣй! Этого мало — любить, надо вѣрить! — тихо и вдумчиво произнесла Марина, покачивая головкой, и потомъ прибавила вѣско, положивъ ему обѣ руки на плечи и приблизивъ къ его лицу свое поблѣднѣвшее, взволнованное лицо: — мнѣ особенно надо вѣрить, Сергѣй, потому что я не изъ тѣхъ, которыя притворяются и лгутъ. Понимаешь? И если-бы я полюбила, то, разумѣется, пришла-бы и сказала-бы это тебѣ. Иначе я не была-бы сама собой, не была-бы твоей Мариной... Понимаешь?

Сергѣй понималъ одно: что безконечно, безумно любитъ эту чудную дѣвушку, что отдастъ безъ сожалѣнія жизнь за нее, если только она потребуетъ отъ него этой жертвы. И больше ему нечего было понимать. Ея близость захватывала его, ея загадочные глаза сіяли такъ близко-близко, ему хотѣлось теперь упасть къ ея ногамъ и плакать, и молиться, и просить у нея прощенія за то, что онъ дерзнулъ усомниться въ ея любви...

А она уже попрежнему стояла предъ нимъ милой, снисходительно-ласковою Мариной, улыбаясь ему своей очаровательной улыбкой.

И Сергѣй Владиміровичъ разомъ забылъ все на свѣтѣ, кромѣ этой улыбки.

— Милая! Милая! — глядя съ восхищеніемъ на Марину произнесъ онъ въ неизъяснимомъ порывѣ любви и счастья. — Ты не сердишься на меня, не правда-ли, Марина?

— О, нѣтъ!—произнесла она просто.—Я не сержусь

на тебя, Сержикъ. Вѣдь, не каждый человѣкъ можетъ владѣть собою.

И, обласкавъ жениха взоромъ своихъ зеленыхъ глазъ, Марина повела его къ остальнымъ членамъ маленькой семьи Лоранскихъ.

Эта небольшая размолвка еще болѣе, казалось, укрѣпила вѣру Сергѣя Владиміровича въ Марину и еще сильнѣе разожгла его чувство къ невѣстѣ.

— Нѣтъ Сержика! Сержикъ растаялъ! — со смѣхомъ говорила въ тотъ-же вечеръ за чаемъ Лелечка, подтрунивая надъ влюбленностью своего будущаго зятя къ ея сестрѣ.

Впрочемъ, всѣ чувствовали себя въ этотъ день какъ-то особенно, наэлектризованные пріятнымъ сознаніемъ пріобрѣтеннаго маленькаго капитала.

Павлукъ успѣлъ днемъ слетать въ государственный банкъ и произвести операцію съ бумагами. Облигаціи были проданы и сумма торжественно вручена Марьѣ Дмитріевнѣ, положившей ее не безъ трепета въ тяжелую кованую желѣзомъ шкатулку, еще полученную ею въ приданое, когда она выходила замужъ за своего Дениса Павловича.

Одна изъ крупныхъ кредитокъ была уже тронута, по проэкту того-же Павлука, и результатомъ ея размѣна оказалась обильная закуска на столѣ, въ видѣ копченаго сига, коробокъ омаровъ, сардинъ, шпротовъ и головы голландскаго сыра. Посреди стола стояла ваза съ фруктами, большой тортъ отъ Филиппова съ кофейной начинкой (любимое лакомство Марьи Дмитріевны) и бутылка донского, безъ котораго никакъ не могъ обойтись предусмотрительный Павлукъ.

Маленькая семья разрѣшила себѣ этотъ скромный кутежъ на первыхъ порахъ. Всѣмъ было весело. Всѣ болтали разомъ, перебивая другъ друга, смѣясь безпричинно веселымъ, безпечнымъ смѣхомъ, свойственнымъ одной только молодости. Пили за успѣхъ Марины, за дальнѣйшую ея карьеру, за все, за все... Но сама виновница торжества была снова прежней сдержанной Мариной, немного апатичной, немного усталой. Дѣвушку оставили въ покоѣ, предполагая, что она думаетъ объ умершемъ Вакулинѣ, доставившемъ имъ всѣмъ такое счастье своимъ подаркомъ. Но они ошибались: Марина думала не о немъ.

XI.

„Не всѣ люди могутъ владѣть собою!“ — сказала Марина Кодынцову, и эта мысль гвоздемъ засѣла въ ея мозгъ.

Не всѣ люди, это — правда: ни Сергѣй, ни Павлукъ, ни она сама, ни хлопотливая Лелечка, эта „Марѳинька семьи“, какъ ее называли домашніе.

Но Марина знала человѣка, который, по ея мнѣнію, господинъ своего слова, своихъ поступковъ, самого себя. Она угадывала съ перваго взгляда на лицѣ этого человѣка громадную силу подъ его внѣшностью выхоленнаго сибарита... И это и влекло, и отталкивало, и страшило ее въ немъ въ одно и то-же время. Ихъ ночная поѣздка въ лодкѣ, его минутное малодушіе, навѣянное горемъ потери, заставившее Юрія высказаться ей, чужой дѣвушкѣ, оттолкнувшей его въ первое знакомство, и потомъ этотъ непроницаемый видъ на панихидѣ, это величіе спокойствія, эта маска свѣтскаго воспитанія, покрывшая искреннее горе. Этотъ человѣкъ поминутно приходилъ ей теперь на мысль. Марина не могла не думать о немъ, Вакулинѣ, помимо воли, шелъ въ ея мозгъ и Марина возвращалась къ нему послѣ каждаго посторонняго размышленія.

Теперь, придя на первую репетицію „Потопувшаго колокола“ въ театръ, ожидая ея начала и прихода прочихъ актеровъ, Марина опять-таки думала о немъ. Она стояла на пустой сценѣ и смотрѣла въ пространство партера, тоже теперь пустое, откуда недѣлю тому назадъ сіяли на нее дерзко сощуренные холодные глаза Вакулина и ласково-снисходительно усмѣхались его надменныя губы. И она, какъ дѣвочка, торжествовала свою побѣду въ тотъ вечеръ. Она „докладывала“, да, именно „докладывала“, ему свои монологи. Что она хотѣла доказать ему этимъ? Что напрасно онъ не цѣнитъ ея игры и внѣшности въ достаточной мѣрѣ? Онъ не цѣнитъ! Онъ, видѣвшій, конечно, на своемъ вѣку первоклассныхъ исполнительницъ-красавицъ, залитыхъ бриллiантами съ головы до ногъ. А она? О! ей стыдно вспомнить свою красную кофточку, такую простенькую, сшитую неискусными пальчиками Лелечки, кофточку, вполнѣ подходящую къ гаванской портнихѣ или мѣщаночкѣ. О, эта кофточка! Послѣ окончанія спек-

такля, когда режиссеръ объявилъ ей, Маринѣ, счастливую новость о зачисленіи ея въ труппу, онъ какъ-то обидно-снисходительно скользнулъ взорами по этой злосчастной кофточкѣ и сказалъ:

— Н-да... и гардеробчикъ вашъ, вѣроятно, болѣе къ ingénue подходитъ... Да и рано вамъ въ героини записываться, барышня!

И Марина чуть не сгорѣла тогда со стыда. Зато теперь, благодаря наслѣдству Вакулина, она одѣта по послѣдней картинкѣ.

Теперь, когда Марина стала „настоящей актрисой", ей необходимо одѣваться прилично: это вліяетъ на успѣхъ. Вотъ если-бы тогда вмѣсто красной кофточки она надѣла какое-нибудь изящное лѣтнее платье, подходящее къ сезону по пьесѣ, она выиграла-бы еще больше въ глазахъ толпы и „его" глазахъ...

И Марина вздрогнула, поймавъ себя на этой мысли.

„Кого „его"? Въ глазахъ Вакулина?" — мысленно переспросила она свое сердце.

И сердце отвѣтило ей: да. Дѣйствительно, сердце ея жаждало занять воображеніе этого чужого ей человѣка, котораго она, Марина, видѣла всего четыре раза счетомъ. Маринѣ хотѣлось неудержимо, чтобы онъ, этотъ человѣкъ, оцѣнилъ ее, нашелъ ее талантливой, изящной, достойной вниманія женщиной. Она считала его настоящимъ цѣнителемъ, неподкупнымъ критикомъ, въ силу того блеска и роскоши, которые его окружали. Вакулинъ казался ей человѣкомъ вполнѣ другого міра, чуждаго и обольстительнаго для нея, Марины, не видѣвшей на своемъ вѣку ничего, кромѣ своей Гавани и ея патріархальныхъ семействъ. Онъ казался молодой дѣвушкѣ мѣриломъ всего изящнаго, роскоши, вкуса, выдержки и манеръ. Онъ былъ „баринъ" до мозга костей, и этого не могла въ немъ не цѣнить чуткая, воспріимчивая, какъ-то разнившаяся отъ всей своей будничной среды, Марина. Теперь уже Вакулинъ не казался ей тѣмъ „непріятнымъ господиномъ", какимъ показался въ свой первый пріѣздъ къ нимъ и здѣсь, въ театрѣ. У „непріятнаго господина" оказывалось сердце, онъ умѣлъ и чувствовать потерю дорогого существа, умѣлъ и скорбѣть. И это уже давало ему лишній шансъ на расположеніе къ нему молодой дѣвушки.

И сейчасъ, глядя на пустое мѣсто въ пространствѣ партера, на „его“ кресло, Марина такъ ясно вообразила на немъ стройную фигуру Вакулина, что ей на минуту показалось, будто онъ, дѣйствительно, здѣсь и смотритъ на нее, и тихо ее ласкаетъ своими насмѣшливыми глазами.

— Ого, какъ мы аккуратны! Хвалю! хвалю! — послышался веселый окликъ за спиной Лоранской, и, живо обернувшись, Марина увидѣла Василія Захаровича Столпина, режиссера труппы, протягивавшаго ей дружески руку. — Давайте-ка, я перезнакомлю васъ съ вашими товарищами, съ которыми вы не успѣли еще познакомиться, — произнесъ онъ, пожимая руку молодой дѣвушки, и повелъ ее навстрѣчу рыжеволосой, очевидно, крашеной женщинѣ не первой молодости съ громадными сѣрыми глазами, единственнымъ украшеніемъ ея сильно помятаго лица.

— Наша гордость, Нина Вадимовна Донская-Звонская! — сказалъ Столпинъ, знакомя Марину съ крашеной женщиной.

Нина Вадимовна сощурила свои прекрасные чуть-чуть подтушеванные глаза и промямлила въ носъ, копируя одну очень популярную петербургскую знаменитость:

— Будемъ знакомы. Вы, милушка, только не подумайте, что я такія роли, какъ жену Генриха, играю. Это только для Васеньки: Васенька одолѣлъ, — кивнула она въ сторону лебезившаго предъ ней Столпина. — Ну, и для сбора. Вѣдь, вы еще „новая“ для публики, не „привились“ еще. Такъ надо сборъ поднять сначала. А то-бы ни-ни! У меня переѣздъ на другую квартиру! Не до игры!

Марина слушала премьершу и въ душѣ смѣялась надъ ней. Ея ломанье, ея явное подражанье знаменитости потѣшали молодую дѣвушку, оставляя почти незамѣченными всѣ колкости Донской.

Комика Лазарскаго Марина уже знала по „Цѣнѣ жизни“, какъ и многихъ другихъ членовъ труппы. Но кто ее удивилъ, такъ это — любовникъ.

Марина никакъ не могла понять, какъ этотъ человѣкъ, съ завитымъ надо лбомъ вихромъ и мрачнымъ взглядомъ большихъ воловьихъ глазъ на самодовольно улыбающемся одутловатомъ лицѣ, носившій громкую

фамилію Заволгина, могъ играть Генриха-литейщика, гипъ, сотканный Гауптманомъ изъ тончайшихъ нервовъ человѣческаго существа. Что-то тупое и безучастное сквозило во всемъ лицѣ Заволгина, такъ что Марина искренне испугалась и за себя, и за пьесу вообще.

Да, Марина испугалась, но не надолго. Съ первой-же фразы, произнесенной молодымъ актеромъ, она была принуждена взять обратно свое спѣшно составленное о немъ мнѣніе.

Голосъ Заволгина, казалось, просился въ самую душу. Глаза, когда онъ заговорилъ, утеряли свое воловье выраженіе тупого равнодушія и въ нихъ заиграла жизнь, они блестѣли. Заволгинъ имѣлъ драгоцѣнное преимущество „играть“ на репетиціяхъ, чего не дѣлали остальные, и, играя, увлекался самъ.

— Милушка, не надсаживайтесь! Прибавки все равно не получите и публики пѣть! — насмѣшливо останавливала его Донская-Звонская, торопливая читка которой окончательно стушевывалась около мастерскаго исполненія Заволгина.

Но онъ не разслышалъ даже словъ „премьерши“. Одухотворенные теперь глаза актера смотрѣли поверхъ ея головы, а голосъ переливался мощной волной, то выдерживая паузы, то усиливая, то понижая тонъ.

— Что, дѣтка, Игнашку заслушалась? — услышала Марина знакомый голосъ, и теплая большая рука легла на ея руку.

— Михайло Михайлычъ, вы? — привѣтствовала она Строганова. — Дѣйствительно, заслушалась. Хорошо!

— Что говорить? молодецъ парень. Такъ читаетъ, что умереть мало. И на спектаклѣ такъ-же будетъ, если не упьется, мазурикъ!

— А онъ пьетъ? — съ тревогой спросила Марина.

— Случается. Да и кто изъ насъ не пьетъ? И я пью, и Столпинъ пьетъ, и Нина Вадимовна забавляется насчетъ тонкихъ деликатесовъ.

— Ну, ужъ вы, Мишенька, скажете! — попробовала обидѣться та. — Ничего, кромѣ шампанскаго, въ ротъ не беру. Не слушайте его, милушка, — добавила Донская-Звонская, обращаясь въ сторону Марины.

Но та почти не разслышала ея.

Наступила очередь Марины. Она волновалась теперь,

на репетиціи, гораздо болѣе, нежели на спектаклѣ. Ее смущали насмѣшливые взгляды Звонской и репетированіе „во-всю“ ея партнера, Заволгина.

Лоранская начала читать вполголоса. Но мало-помалу настроеніе Заволгина, съ упоеніемъ декламировавшаго звучные монологи Генриха, захватило и ее.

Марина попала ему въ тонъ силою своего природнаго музыкальнаго инстинкта и они прошли дружнымъ дуэтомъ черезъ весь актъ.

— Не можетъ быть, чтобы вы не учились нигдѣ. Скажите, кто васъ наускивалъ? Школу кончили, да?— спрашивалъ Заволгинъ, когда они провели совмѣстно одно изъ труднѣйшихъ мѣстъ дѣйствія. — Впрочемъ, беру свои слова назадъ. Извините, барышня,—добавилъ онъ съ легкой ироніей,—дѣйствительно, вы—новичекъ-любительница, потому что краснѣете при каждомъ объятіи... Простите меня, это не къ чему, жантильничанье одно. Съ актеромъ, какъ съ акушеромъ, нечего стѣсняться!—произнесъ онъ и хрипло разсмѣялся.

Но холодный, суровый взглядъ Марины въ мигъ остановилъ его.

— Вы, паузы, милушка, укорачивайте! Не тяните!— вставила свое слово Звонская, незамѣтно подойдя къ нимъ.

— Не слушай ея! Она тебѣ такого наскажетъ, что потомъ галиматья одна выйдетъ, если послушаться, — зашепталъ Маринѣ Строгановъ, отводя ее въ сторону.— Меня только слушай да Игнашку, потому что славная у него душа, у Игнашки, хоть и пьяница онъ прогорклый. А Звонской ни-ни! Живьемъ въ землю закопать готова, знаемъ мы ее!

Марина слушала и улыбалась. Все ей казалось такъ ново и своеобразно здѣсь. Даже борьба не страшила ея. Борьба была необходима: постоянныя удачи могли-бы избаловать, изнѣжить ее, а эти уколы пріятно возбуждали нервы, давая извѣстный смакъ ея новому положенію. Они не пугали Марины, потому что она не сомнѣвалась уже въ успѣхѣ. Очевидно, она родилась подъ счастливой звѣздой. Она не чувствовала и до сихъ поръ горечей жизни; то, что давала ей судьба, было вполнѣ достаточно, хотя бывали и лишенія, и непріятности. Но теперь, какъ пьяница, отравленный алкоголемъ, жаждетъ его поминутно, такъ и Марина жаждала

сцены, жаждала тѣснаго соединенія съ искусствомъ, чувствуя его неизбѣжную власть.

Когда Лелечка, зашедшая за нею на репетицію, чтобы вмѣстѣ ѣхать за покупками въ Гостиный дворъ, увидѣла Марину, она съ удивленіемъ отступила отъ сестры.

— Что ты? — недоумѣвала Марина.

— Ай, какая ты хорошенькая!— съ нескрываемымъ восхищеніемъ произнесла младшая сестра.—Ты всегда красива, а теперь лицо у тебя такое... ну, какъ-бы это сказать... ну, хорошенькая ты попросту. Уди-ви-тель-но!

— Что удивительно?—усмѣхнулась Марина:— что я хорошенькая? Очень любезно!

— Ахъ, не то, не то!—всплеснула руками Лелечка.— Просто ты какая-то особенная стала, не прежняя Марина, сдержанная, спокойная, а новая, доступная, милая, простая! Знаешь? если-бъ Сержикъ сейчасъ тебя увидѣлъ, онъ голову потерялъ-бы отъ восторга.

— Ну, это — еще не великая заслуга, Сержика безъ головы оставить: онъ очень невзыскателенъ, Сержикъ нашъ!

— Не говори. Вѣдь, вотъ-же выбралъ онъ тебя, а не Сонечку Гриневичъ, ни другую. Значитъ, у него вкусъ есть и требовательность извѣстная... Ты — красавица!

— Вотъ тебѣ разъ, а сейчасъ только хорошенькой называла! — снова усмѣхнулась Марина. — Да я у тебя не по днямъ, а по часамъ хорошѣю, Лелечка. Славная ты!

Сестры вышли изъ театра и поспѣшно шагали теперь по направленію къ Первой линіи, въ ожиданіи конки. И вдругъ Лелечка взглянула на Марину и расхохоталась.

— Что съ тобой? — удивилась та.

— Вотъ что, значитъ, привычка, — смѣялась Лелечка,—вѣдь, мы утромъ рѣшили на извозчикѣ ѣхать, а теперь по привычкѣ конки ждемъ. И вовсе позабыли, что мы теперь — богачихи.

— Правда,—улыбнулась Марина,—вотъ и выходитъ, что человѣкъ не скоро отвыкаетъ отъ своихъ привычекъ, и мы еще не скоро отъ нашихъ грошевыхъ расчетовъ отвыкнемъ.

Послѣднія слова Марина произнесла съ чуть замѣт-

ной желчью. Лелечка съ удивленіемъ взглянула на сестру. Она не понимала, почему вдругъ такъ ненавистно отнеслась Марина къ тому, что составляло ихъ интересъ раньше. Лелечка хотѣла спросить объ этомъ сестру, но почему-то удержалась. Онѣ молча прошли еще немного, взяли извозчика и поѣхали въ Гостиный дворъ.

XII.

Если кто-либо особенно былъ доволенъ „свалившимся съ неба“ наслѣдствомъ изъ всей семьи Лоранскихъ, такъ это — Граня. Граня былъ окончательно вышибленъ изъ колеи. Полученіе „наслѣдства“ совпало какъ разъ со временемъ гимназическаго бала, и нѣтъ ничего удивительнаго, если Граня потерялъ голову, бѣгая по магазинамъ, выбирая себѣ сапоги, галстухи, перчатки, духи и прочіе предметы моды, роскоши и туалета.

Граня окунулся съ головою въ свою любимую стихію. Тотчасъ-же по окончаніи классовъ онъ несся домой, какъ на парусахъ, закусывалъ на скорую руку, бралъ у матери нужную ему сумму и, сломя голову, несся въ Гостиный дворъ. Граня былъ какъ въ горячкѣ. Онъ покупалъ и нужное, и ненужное, и безполезное,—словомъ, все, что только бросалось въ глаза и приковывало вниманіе юноши.

— Гранечка, не много-ли будетъ?—осторожно останавливала своего любимца Марья Дмитріевна. — Вѣдь, четвертую сотенку мѣняешь, а что купилъ? Глядѣть не на что. Бѣлье-то какое непрактичное, на годъ его не хватитъ. И воротнички опять! Раньше „монополь“ носилъ и былъ доволенъ, а теперь голландскіе! Одной прачкѣ что переплатилось..

— Прачкѣ изъ моихъ денегъ платилось!—фыркалъ недовольно Граня. — Что-же вы безпокоитесь? И какъ это вы странно, мама, „мо-но-поль“! Теперь „монополь“ никто изъ порядочныхъ людей не носитъ—приказчики одни. А бѣлье я самое модное купилъ, крапинками. И у графа Стоютина такое-же, и у Миши Завьялова, и у Берлинга, наконецъ!

— Гранюшка, да, вѣдь, то богачи, аристократы... графы да князья, а Берлингъ — сынъ банкира, есть чѣмъ разойтись... а, вѣдь, ты...

— Ахъ, мама,—досадливо перебивалъ юноша,—что у васъ за нелѣпость дѣлить людей на касты... Вѣдь, не въ древности-же мы живемъ, отстало это... Аристократы, демократы, все это—относительное понятіе. Кто гордъ и независимъ, тотъ и аристократъ... А деньги у меня есть пока, слава Богу, и скупердяйничать ими не намѣренъ.

— Гранюшка! Ты-бы полегче, все-же! Вѣдь, таютъ у тебя деньги-то, какъ сахаръ. Голубчикъ, ради тебя-же хлопочу! — и даже слезинки навернулись на глаза доброй Марьи Дмитріевны.

Граня притихъ. Легкое облачко раздумья набѣжало на его красивое лицо, потомъ всѣ черты разомъ освѣтились милымъ выраженіемъ дѣтскаго благодушія.

— Мамочка, — произнесъ онъ ласково, — мамочка, поймите вы меня, ради Бога, наголодался я! Вѣдь, до 18-ти лѣтъ, шутка-ли, въ заплатанныхъ брюкахъ ходилъ и чертъ знаетъ въ какихъ сапогахъ, отъ штопокъ на чулкахъ пальцы натеръ до мозолей. А кругомъ богатые люди, ицеголи, подъ носъ тычатъ своими достатками. Поймите, всякая мразь, ничтожество, уродъ всякій — и тотъ въ модной тужуркѣ и въ запонкахъ отъ Фаберже ходитъ. А я въ куцыхъ рубашенкахъ, какъ приготовишка какой-нибудь. Вѣдь, смѣялись они... А теперь вдругъ счастье такое упало, можно сказать, на голову. Вѣдь, пока молоды, только и жить, только и выпить полную чашу счастья. Послѣдней радости лишить хотите! Грѣхъ вамъ, мама.

— Гранюша, милый, родной! Да развѣ я... да что ты? — и старушка, чуть не плача, обняла огненно-рыжую голову своего „красавчика“ и въ неизъяснимомъ порывѣ прижала ее къ своей груди. — Дѣлай, что хочешь, родной мой! Можетъ быть, ты и правъ! Рано тебѣ заботиться о черномъ днѣ. Господь съ тобою!

Граня торжествовалъ. Мать соглашалась съ нимъ и послѣднее препятствіе отстранялось такимъ образомъ съ его дороги. И Граня наскоро цѣловалъ свою старушку и, взявъ хорошаго извозчика, летѣлъ „въ городъ“, какъ называли центръ Петербурга скромные гаванцы.

А Марья Дмитріевна, глядя вслѣдъ своему любимцу, думала:

„И правда, молодъ онъ... и много лишеній бѣдняжка видѣлъ. Пусть хоть теперь вдоволь насладится, развернется немножко. Пройдетъ у него эта лихорадка; одумается и сократитъ расходы".

Но Граня не одумывался. За новыми голландскими воротничками слѣдовалъ изящный штатскій костюмъ, сшитый у хорошаго портного, рекомендованнаго богачемъ Берлингомъ; затѣмъ шли золотыя запонки съ маленькими сапфировыми звѣздочками отъ Фаберже, точь въ точь такія, какъ у графа Стоютина; за ними — дорогой туалетный приборъ, какъ у Миши Завьялова, и, наконецъ, что болѣе всего поразило домашнихъ, покупка великолѣпнаго мраморнаго умывальника, какой Граня видѣлъ у того-же Берлинга, съ которымъ очень сдружился въ послѣднее время. Умывальникъ былъ чудо искусства, и Граня отдалъ за него громадную для его крошечнаго капитала сумму. Когда эту мраморную громаду съ изящными рѣзными колонками и великолѣпнымъ венеціанскимъ зеркаломъ артельщики внесли въ скромную квартирку въ Галерной гавани, Марья Дмитріевна искренне испугалась.

— Не къ намъ, не къ намъ это, батюшки, — замахала она руками артельщикамъ.

— Никакъ нѣтъ, должно, къ вамъ, госпожа, потому, значитъ, адресокъ у насъ имѣется, — произнесъ съ усмѣшкой рыжеватый артельщикъ, чуть замѣтно усмѣхаясь себѣ въ бороду.

И онъ съ побѣдоноснымъ видомъ подалъ бумажку съ адресомъ, четко написаннымъ рукою Грани.

Вся семья сидѣла за обѣдомъ за исключеніемъ самого Грани, рыскавшаго, по обыкновенію, въ этотъ часъ по магазинамъ.

Павлукъ громко и искренне расхохотался и нелѣпой покупкѣ брата, и полной растерянности матери.

— Пашенька, какъ-же быть-то? — спрашивала та, испуганно мигая своими добрыми глазами.

— Взять, конечно, разъ вещь куплена, — отвѣчалъ Павлуша, все еще не переставая смѣяться.

— Да куда-же мы его поставимъ? — волновалась старушка.

— Да устроимъ какъ-нибудь! — успокаивала мать Марина. — Разъ глупость совершена, надо, по крайней мѣрѣ, принять ее съ гражданской стойкостью.

— Въ нашу комнату поставить придется, мамаша,— рѣшила Лелечка, почти съ благоговѣніемъ прикасаясь къ бѣлому мрамору рѣзныхъ колонокъ и смотрясь въ прелестное венеціанское зеркало, въ которомъ, казалось, каждое лицо должно было выигрывать вдвое.

Послѣ долгихъ разговоровъ, было рѣшено поставить умывальникъ въ гостиной.

И странно было видѣть среди скромной старенькой мебели Лоранскихъ эту изящно-красивую вещь.

Всѣ обитатели сѣраго домика съ недоумѣніемъ поглядывали на роскошную покупку Грани, которая ихъ всѣхъ какъ-будто даже стѣсняла и своимъ неумѣстнымъ присутствіемъ, и своимъ эксцентрично-эффектнымъ видомъ. Но, когда домой явился самъ виновникъ переполоха, все разомъ измѣнилось, какъ по волшебству. Граня былъ положительно въ восторгѣ отъ своего пріобрѣтенія и всѣ, при видѣ его дышащаго удовольствіемъ, улыбающагося лица, разомъ рѣшили, что вещь, дѣйствительно, и полезна, и прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ. Когда улыбался Граня, все улыбалось въ сѣромъ домикѣ. Даже нѣсколько строже другихъ относящаяся къ брату Марина, и та снисходительно усмѣхнулась, когда онъ съ нѣжной заботливостью разглядывалъ свою эффектную покупку.

Теперь уже ни Марья Дмитріевна, ни Лелечка не находили, что умывальникъ неумѣстенъ въ гостиной. Лелечка даже робко прибавила, что онъ какъ-будто „скрашиваетъ“ ихъ обстановку и, если убрать чашку и постлать сукно на доску, то онъ будетъ имѣть видъ прехорошенькаго письменнаго столика.

— А когда я буду мыться по утрамъ, то сукно Ѳекла можетъ снимать и снова ставить чашку,— категорически заявилъ Граня.

— Только на кой чертъ тебѣ онъ?— усмѣхаясь, замѣтилъ Павлукъ.— Вѣдь, не барышня-же ты, въ самомъ дѣлѣ! И потомъ лучше ужъ было-бы мебель купить новую, ужъ коли на то пошло.

— И мебель купимъ! и мебель!—обрадовался Граня.— Всѣ вскладчину и купимъ.

— Ну, нѣтъ, я на это не согласна!— возвысила голосъ Марина.— Мнѣ каждая копейка теперь нужна. Необходимо тьму костюмовъ надѣлать и ротонду, и

брилліантовыя сережки, хотя скромненькія, а надо... На сценѣ нельзя иначе — свои условія.

— Ну, сережки тебѣ поклонники должны поднести: „Артисткѣ Лавровской отъ раболѣпной толпы“, или что-нибудь въ этомъ родѣ на футлярѣ... Ха-ха-ха! — звонко расхохотался Граня и вдругъ щелкнулъ себя пальцами по лбу. — Ба-а, Мариночка! Я и забылъ главное-то! Кого я встрѣтилъ сегодня?.. Какъ ты думаешь? Къ себѣ тащилъ. Слово взялъ, что буду... И буду, непремѣнно буду! Интересно взглянуть, какъ милліонеры живутъ! На какомъ рысакѣ ѣхалъ! Кучеру не удержать даже. Узналъ меня, велѣлъ остановить, самъ слѣзъ съ пролетки, ко мнѣ подошелъ... Я изъ гимназіи вывалился съ нашими въ это время какъ разъ... „Когда, — говоритъ — можно къ вамъ пріѣхать, Марину Денисовну поблагодарить за ея участіе къ судьбѣ отца?“ Вакулинъ! понимаешь, Вакулинъ! И какъ просто, точно свой братъ-гимназистъ!

При послѣднихъ словахъ брата Марина невольно вспыхнула, хотя всѣми силами старалась удержать себя отъ этой „глупой краски“, какъ въ душѣ назвала ее. И, чѣмъ сильнѣе негодовала на себя Марина, тѣмъ сильнѣе краснѣла она ровнымъ, какъ зарево, алымъ румянцемъ.

„Господи, какая дура! — мысленно бранила себя дѣвушка, — обрадовалась! какъ дѣвченка, запылала! И, вѣдь, что обидно: ни чуточки не увлечена, ни капли!“

А Граня, между тѣмъ, не замѣчая смущенія сестры, продолжалъ разсказывать:

— „Я, — говоритъ, — на вашъ гимназическій благотворительный вечеръ собираюсь. На балъ не останусь по случаю траура, а на вокально-музыкальное отдѣленіе пріѣду! А ваша сестра не выступаетъ развѣ?“ — „Нѣтъ!“ — говорю. Очень жалѣлъ, что ты не выступаешь; говорилъ, что читка и экспрессія у тебя изумительныя... И знаете, что? — обратился Граня уже ко всѣмъ разомъ: — Миша Завьяловъ съ нимъ родственникъ дальній. Ужасно его хвалитъ... Вообще онъ мнѣ ужасно нравится! Сегодня онъ будетъ у насъ... я позвалъ...

— Ахъ! — сорвалось въ одно и то-же время съ устъ Марьи Дмитріевны и Лелечки. — Что-жъ ты раньше не сказалъ? Мы приготовились-бы.

— Да что, у васъ денегъ, что-ли, пѣть приготов-

ляться? Пошлите за тортомъ къ чаю, за закуской... фрукты, вино... Его надо во-всю принять: вѣдь, всѣмъ ему обязаны.

— Θекла не сумѣетъ выбрать! — заикнулась Лелечка. — Я поѣду.

— Нѣтъ, ужъ лучше я самъ! Ты мадеру въ рубль купишь—знаю я тебя, скрягу!—а надо хорошую. Я думаю, при его богатствѣ, онъ шампанскимъ зубы полощетъ... И потомъ, Бога ради, ванильныхъ сухариковъ не покупайте, — внезапно раздражился Граня: — задушили вы вашими ванильными сухариками. Эдакое мѣщанство, право! И грошевой колбасы съ чеснокомъ не ставьте на столъ.

— Да, вѣдь, ее Павлукъ любитъ! — подняла было голосъ Лелечка.

— Ну, и пусть ѣстъ ее на-здоровье, запершись гдѣ-нибудь въ углу... Надо сига купить... икры свѣжей... хорошо-бы устрицъ...

— Батюшки! Да откуда ты про устрицы знаешь? — воскликнула Марья Дмитріевна, такъ и впиваясь глазами въ лицо сына.

— У Завьялова ѣлъ... устрицы и шабли... Это... это... чертъ знаетъ что такое! — скороговоркой произнесъ Граня съ дѣланнымъ восторгомъ, желая замаскировать румянецъ стыда, заливший все его лицо.

Граня лгалъ: устрицы онъ ѣлъ не у Завьялова, а въ первоклассномъ ресторанѣ, куда зашелъ съ тремя-четырьмя одноклассниками изъ аристократовъ въ новомъ съ иголочки нарочно сшитомъ по этому случаю штатскомъ костюмѣ.

— Я уши надралъ-бы этому Завьялову за его кутежи! — мрачно произнесъ Павлукъ, искоса поглядывая на Граню.

Но тотъ даже и вниманія не обратилъ на недовольство брата.

— А не взять-ли къ вечеру шабли? Лелька, ты сумѣешь выбрать шабли? — обратился Граня какъ ни въ чемъ не бывало къ сестрѣ.

— Все это—вздоръ... и шабли, и мадера! — неожиданно и рѣзко произнесла Марина, хранившая упорное молчаніе во время разглагольствованій Грани. — Кого ты думаешь удивить нашимъ достаткомъ и излишествомъ? Человѣка, который знаетъ лучше всѣхъ источ-

никъ этого достатка и даже является какъ-бы косвенно участникомъ благодѣянія, оказаннаго намъ... крайне безразсудно и глупо! — и она, рѣзко оттолкнувъ свой стулъ, вышла изъ-за стола.

Всѣ какъ-то разомъ притихли. Это выходило далеко не обыденное явленіе со стороны Марины: она никогда не сердилась и не теряла самообладанія. И при видѣ ея рѣзкой выходки Марья Дмитріевна проводила тревожнымъ взглядомъ свою всегда спокойную, уравновѣшенную дочь и впервые непріятное чувство къ полученному „наслѣдству“ шевельнулось въ ея сердцѣ.

„Ужъ лучше не было-бы его... А то, какъ явились деньги, дѣтей не узнать... и споры, и недоразумѣнія. Одинъ покупаетъ зря, другая обычное спокойствіе потеряла. Ужъ Господь съ ними, съ деньгами, безъ нихъ какъ-то лучше и настроеніе было, да и заботъ меньше къ тому-же. Вотъ развѣ только долги, да и Павлуша отдохнуть можетъ, не такъ уроками надсаживается пока“...

Два послѣднія вѣскія обстоятельства отчасти примиряли старушку съ „наслѣдствомъ“, взбаламутившимъ весь строй жизни ея маленькой семьи.

Два послѣднія обстоятельства примиряли, а Граня тревожилъ. Зоркій глазъ матери не могъ проглядѣть яркій румянецъ, заливший щеки ея дорогого „послѣдыша“, какъ и ея вѣщее сердце не могло пропустить ложныхъ нотокъ въ его голосѣ. Къ тому-же въ послѣднее время юноша являлся домой поздно ночью, уроковъ не готовилъ и видъ у него былъ крайне усталый и помятый.

„Граня кутитъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія,— тревожно выстукивало сердце Лоранской, — и хорошо, если только пьетъ... — и бѣдная мать холодѣла при одной мысли о томъ, чему подвергалось неопытное существо ея юнаго сына. — Надо Пашу на него напустить, пусть потолкуетъ съ нимъ... Можетъ быть, онъ и повліяетъ на него, какъ старшій братъ!“

Остановившись на этой мысли, Лоранская отозвала послѣ обѣда Павлука въ кухню, гдѣ у нихъ обыкновенно происходили всѣ важныя семейныя совѣщанія, и шепотомъ попросила его отысповѣдывать Граню.

Павлукъ охотно согласился и тутъ-же отправился къ младшему брату, который, давъ Лелечкѣ рядъ всевоз-

можныхъ инструкцій для покупокъ, отдыхалъ теперь на широкой постели въ спальнѣ матери съ учебникомъ въ рукахъ.

Учебникъ ни мало не занималъ Грани, и Павлукъ безцеремонно вытащилъ его изъ рукъ брата, а самъ примостился на краю кровати у него въ ногахъ.

— Слушай, Граня, — сказалъ онъ, — мать безпокоится, что ты закрутился, и просила меня переговорить съ тобою по этому поводу.

— Гм? — неопредѣленно-вопросительно проронилъ Граня и живописнымъ жестомъ отбросилъ кудри со лба.

И это „гм“, и этотъ жестъ были не гранины. Онъ заимствовалъ и то, и другое отъ Жоржа Берлинга, которому рабски подражалъ и манеры котораго превозносилъ до небесъ, считая ихъ послѣднимъ словомъ шика.

— Не ломайся! — рѣзко остановилъ его Павелъ, — а то говорить противно.

— Такъ и не говори, тѣмъ лучше: я спать хочу.

— Но пойми, мать-же безпокоится, тебѣ говорятъ...

— Да что ей безпокоиться? Скажи ей, что если я побываю разъ-другой въ ресторанѣ, то все ограничится бутылочкой-другой редерера или старушки Клико... и все! — и новый жестъ пальцами въ воздухѣ, тоже не гранинъ, а благопріобрѣтенный имъ у кого-то, закончилъ его коротенькую тираду.

— Мать безпокоится за твое ученье, — не унимался старшій Лоранскій. — Это время препровожденіе совсѣмъ выбиваетъ тебя изъ колеи. И потомъ, она боится... Богъ знаетъ, какіе у васъ тамъ кутежи... Можетъ быть, безобразіе, женщины... Ужъ не говоря о томъ, что это расшатываетъ здоровье, силы, энергію, тебя, наконецъ, могутъ выключить изъ гимназіи, если попадешься...

— Мой милый, объ этомъ не безпокойся, — произнесъ Граня, разомъ мѣняя тонъ и усаживаясь на постели. — Что касается кутежей, то ты можешь меня пушить и предостерегать, потому что самъ ты не кутишь и пьешь только водку... изъ экономіи, конечно, — сдѣлалъ онъ брезгливую гримаску, — но что касается женщинъ, то... — и онъ, лукаво сощурясь, погрозилъ брату бѣлымъ и нѣжнымъ, какъ у дѣвушки, пальцемъ — я могъ-бы перефразировать поэта: „плачь“, только не Маргарита, а „Сонечка Гриневичъ“, „плачь, Сонечка

Гриневичъ"... „плачь, Сонечка Гриневичъ! И я буду плакать съ тобой"... — запѣлъ на весь домъ Граня красивымъ юношескимъ теноромъ.

— Что такое? что такое? — недоумѣвалъ Павелъ.

— Да только то, что Сонечкѣ Гриневичъ плакать придется, такъ какъ она имѣла виды на будущаго молодого доктора... А теперь Сонечка Гриневичъ докторшей не будетъ! не будетъ! не будетъ! — снова запѣлъ Граня на мотивъ пресловутаго „Козлика".

— Да объясни ты, ради Господа, наконецъ, — недоумѣвалъ старшій Лоранскій.

— Да неужели ты не понимаешь? — снова лукаво сощурился Граня и сдѣлался разомъ похожимъ на хорошенькую плутоватую дѣвочку. — А тебѣ неизвѣстна нѣкая Ирмочка, а? исполнительница сантиментальныхъ нѣмецкихъ пѣсенокъ на весьма эквивочныя темы, а?.. Поймалъ? — самодовольно засмѣялся онъ, увидя, какъ вспыхнуло некрасивое скуластое лицо брата. — Вѣдь, ты у мамы взялъ изъ своей части на покупку привилегированныхъ хирургическихъ инструментовъ, а вмѣсто нихъ своей Ирмочкѣ брошку запалилъ. Она вчера съ Берлингомъ ужинала и хвасталась: „отъ Лоранскаго, — говоритъ, — онъ получилъ какое-то наслѣдство и еще обѣщалъ серьги подарить". Правда это?

— Правда! — окончательно растерявшись, произнесъ Павлукъ.

Онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ его недавнее знакомство съ Ирмой уже получило огласку и что этотъ рыженькій мальчикъ могъ уличить его въ немъ такъ просто.

А рыженькій мальчикъ отъ души смѣялся надъ старшимъ братомъ, пришедшимъ въ качествѣ добродѣтельнаго ментора читать ему нотацію и попавшаго впросакъ.

И что обиднѣе всего было Павлуку, это — подробности дѣла, не укрывшіяся ни отъ этого рыженькаго мальчика, ни отъ его друзей.

Онъ, дѣйствительно, взялъ денегъ на покупку инструментовъ и истратилъ ихъ на брошь Ирмѣ, и обѣщалъ еще новыхъ подарковъ хорошенькой пѣвичкѣ.

Павлукъ познакомился съ Ирмой еще въ Зоологіи, куда попалъ весною въ обществѣ товарищей-медиковъ. Онъ страстно увлекся Ирмой, бѣлокурой нѣмочкой съ

невиннымъ дѣтскимъ личикомъ, бѣлымъ, какъ снѣгъ, за что ее даже прозвали „Снѣжинкой“. И вся она была похожа на снѣжинку, эта маленькая бѣленькая женщина-куколка съ невиннымъ взглядомъ ангела и циничными рѣчами, поминутно срывающимися съ ея пухленькаго ротика, которыя порою приводили въ смущеніе ея друзей, отличавшихся большею скромностью.

Но Павлукъ упорно не хотѣлъ замѣчать цинизма и распущенности Ирмы. Онъ восхищался ея безсознательной граціей, а вульгарность пѣвички считалъ непосредственностью ея натуры.

— То, что другія думаютъ, эта говоритъ. И вмѣнять ей въ вину ея искренность? Да это — варварство! — горячо защищалъ онъ Ирму.

— Ну, знаешь, — говорили Павлуку товарищи, — вѣрить ея искренности довольно-таки наивно!

Но Павлукъ все больше и больше увлекался. Что-то неудержимо влекло его къ Ирмѣ. Самая ея порочность дѣйствовала возбуждающе на него, нравственнаго по натурѣ и принципамъ, но пылкаго, необузданнаго человѣка. Ирма все сильнѣе и сильнѣе захватывала его.

Сама „Снѣжинка“ не отвѣчала ему симпатіей. Веселый, остроумный, но некрасивый и бѣдный юноша не могъ нравиться Ирмѣ, ставившей первымъ условіемъ связи, деньги и подарки. Ей было нескучно съ нимъ, и это была единственная причина, позволявшая Павлу Лоранскому наслаждаться обществомъ Ирмы.

— Полюби меня, „Снѣжинка“,—не разъ просилъ онъ дѣвушку, — сдѣлай меня счастливымъ!

— Я сдѣлаю тебя счастливымъ, если ты сдѣлаешь меня богатой, — смѣялась въ отвѣтъ Ирма, блестя разгорѣвшимися глазами. — Я сдѣлаю тебя счастливымъ, если ты засыплешь меня золотомъ выше головы, чтобы я не видѣла твоего смѣшного носа, — и она хохотала прямо въ лицо ему, ударяя его по носу своими крошечными пальчиками десятилѣтняго ребенка.

И, возбужденный ея задорнымъ заигрываніемъ, Павлукъ уходилъ изъ крошечной уборной Ирмы все болѣе и болѣе очарованный ею. Онъ съ завистью смотрѣлъ на тѣхъ изъ товарищей, которые имѣли возможность кормить ужинами „Снѣжинку“ и подносить ей подарки. Павлукъ собралъ экономію изъ заработка своихъ ничтожныхъ грошей и подарилъ Ирмѣ изящный черепа-

ховый гребень для волосъ, усѣянный поддѣльными камнями. И въ тотъ-же вечеръ онъ увидѣлъ свой подарокъ въ волосахъ ея субретки, продувной шельмоватой особы съ рысьими глазками, и въ тотъ-же вечеръ Ирма безсовѣстно высмѣяла его, подчеркивая, что вещи отъ „A la parure“ годны только для бѣдныхъ гаванскихъ жительницъ.

Павлукъ сгорѣлъ отъ стыда и тутъ-же поклялся не повторять подарковъ. И вдругъ это „наслѣдство“, какъ снѣгъ на голову, свалившееся на семью Лоранскихъ, наслѣдство въ пять тысячъ, казавшееся имъ громаднымъ. Ирма узнала раньше всѣхъ объ этомъ наслѣдствѣ. И мигомъ невинные, какъ у ангела, глазки и личико ребенка засіяли Павлу такой обворожительной улыбкой, отъ которой неизбалованный лаской Павлукъ растаялъ, какъ сахаръ. Прелестная брилліантовая брошь въ видѣ жучка была отвѣтомъ Ирмѣ за ея вниманіе. И жучекъ съ „настоящими камнями“ сдѣлалъ то, чего не могло сдѣлать горячее сердце молодого человѣка.

Павлукъ отлично видѣлъ, что бросило Ирму въ его объятія, но безумная страсть, захватившая его, не позволяла анализировать молодому Лоранскому. Его здравый разсудокъ молчалъ, говорили только кипучая кровь и жгучая страсть двадцатишестилѣтняго человѣка, и онъ отдался весь этой страсти, отравленный порочными ласками хорошенькой Ирмы...

И теперь, сидя предъ братомъ, преобразившимся въ его глазахъ изъ подсудимаго въ обвинителя, Павелъ Лоранскій при одномъ воспоминаніи объ Ирмѣ почувствовалъ невольный трепетъ. Глаза его загорѣлись, лицо приняло счастливое выраженіе.

А Граня, тихо усмѣхаясь, говорилъ ему:

— Эхъ, неостроумно ты поступилъ, Пашка! ей-Богу, нѣтъ! Ты напоминаешь того безразсуднаго раба въ притчѣ, который, когда господинъ ему далъ два таланта, пошелъ и зарылъ ихъ въ землю. Только тотъ помнилъ, въ какое мѣсто зарылъ, а ты, хоть помнишь, да обратно не вынешь. Пропали твои денежки, Паша. Глупо, глупо распорядился!

— Ахъ, что ты понимаешь? — искренне разсердился старшій Лоранскій. — Ребенокъ ты... любви ты не зналъ и знать не можешь...

— И слава Богу, по крайней мѣрѣ, безъ тревогъ и волненій проживу въ свое удовольствіе. Понимаешь? Вино, друзья и женщины, если хочешь, но которымъ отнюдь не отдаешь своего сердца и которые не такъ дорого стоятъ, какъ твоя „Снѣжинка".

Павелъ широко раскрылъ глаза на брата. Это говорилъ онъ, Граня, котораго всѣ они считали за капризнаго, избалованнаго ребенка, но только ребенка... Этотъ опытный молодой циникъ, изрекающій свои утонченно-испорченные взгляды на жизнь и ея практическія стороны, былъ отнюдь не похожъ на ихъ общаго любимца Граню, на изнѣженнаго, но милаго баловня семьи.

— Что ты на меня уставился? — разсмѣялся тотъ, ничуть не замѣчая впечатлѣнія, произведеннаго его словами на брата. — Скажешь, цинизмъ проповѣдую? Можетъ быть! Но повѣрь, я долго присматривался къ окружающимъ людямъ, прежде чѣмъ придти къ подобному заключенію. Безъ сердца жить лучше и легче, и спокойнѣе. Берлингъ, Завьяловъ и прочіе выработали извѣстный взглядъ на женщину и твердо держатся опредѣленнаго конспекта, заготовленнаго разъ навсегда.

— Твои Берлинги и Завьяловы — мерзавцы! — внѣ себя крикнулъ Павелъ. — Они смотрятъ на женщину, какъ дикари...

— И этимъ гарантируютъ свое спокойствіе и свой карманъ, пожалуй! — расхохотался Граня и, потягиваясь, жестомъ балованнаго ребенка откинулся на подушки.

— Граня, Граня! — съ укоромъ произнесъ старшій братъ, — какъ ты глубоко и прочно испорченъ!

— Эхъ, полно, Павлукъ! Я просто дальновиденъ. Я въ теоріи, несмотря на молодость, прошелъ хорошую школу. Деньги и комфортъ прежде всего...

— Знаешь, Герасимъ, прости, но ты мнѣ противенъ съ твоимъ разговоромъ. Я все прощаю — и увлеченье, и разнузданность, и развратъ даже, но это... это... не имѣетъ названія. Ты проповѣдуешь мерзость, извини меня!

— Бранись, если это доставляетъ тебѣ удовольствіе, — усмѣхнулся Граня. — Вѣдь, ты — неисправимый идеалистъ. И, желалъ-бы я посмотрѣть, оста-

нешься-ли ты при своемъ взглядѣ, когда прелестная „Снѣжинка“, ощипавъ какъ рябчика вышвырнетъ тебя, за бортъ!

— Никогда! никогда я не измѣнюсь! — пылко вырвалось у Павла Лоранскаго. — Я оправдываю свое увлеченье молодостью, порывомъ и... и, если ты, дѣйствительно, будешь правъ и это случится, все-таки я останусь прежнимъ и никогда пошлый расчетъ и эгоизмъ не остановятъ ни одного моего искренняго порыва!

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю! — холодно оборвалъ рѣчь брата Граня. — Ну, и оставь меня при моихъ убѣжденіяхъ, какъ я оставляю тебя при твоихъ. Неужели-же нельзя жить вмѣстѣ, не отравляя жизни другъ другу? Чудной ты человѣкъ, Пашка! — и жестомъ взрослаго человѣка младшій Лоранскій съ покровительственнымъ видомъ потрепалъ старшаго по плечу.

Въ тотъ-же вечеръ Павелъ говорилъ матери, стараясь не встрѣчаться глазами съ тревожнымъ взоромъ старушки:

— Вы, мамочка, не безпокойтесь за Граню. Я съ нимъ поговорилъ и ему не грозитъ никакая опасность: онъ много практичнѣе и осторожнѣе и меня, и васъ

XIII.

Марина послѣ обѣденнаго инцидента долго просидѣла одна въ сумеркахъ въ своей крошечной комнаткѣ.

Не Граня былъ причиной ея гнѣва. Граня подвернулся только, и гнѣвъ, накипѣвшій заранѣе, обрушился на него. Ей просто было досадно на себя за свое глупое, какъ она мысленно называла, смущеніе при упоминаніи о Вакулинѣ.

„Точно дѣвченка! точно дѣвченка!“ — твердила она мысленно, и жгучая досада такъ и ползла изъ сердца по всѣмъ тайникамъ и закоулкамъ ея внутренняго мірка.

Больше всего; она злилась на Вакулина столько времени прошло со дня похоронъ старика, а онъ, несмотря на обѣщаніе, не заглянулъ къ нимъ даже. И, навѣрное, не заглянулъ-бы и теперь, если-бъ случайно не встрѣтилъ Грани.

„Еще-бы, гдѣ ужъ ему! — растравляла свою досаду

Марина, — „богачъ, милліонеръ, женщины на шею ему виснутъ!“ — какъ говоритъ Граня... А я-то! я-то, какъ дѣвченка, запылала, точно отъ радости, что онъ пріѣдетъ“.

— Господи, да неужели? — невольно сорвалась съ губъ подвернувшаяся мысль.

И сердце Марины сильно-сильно забилось при одномъ намекѣ о томъ, что она можетъ полюбить этого чуждаго ей и странно-обольстительнаго человѣка.

Но, чутко прислушавшись къ біенію этого сердца, молодая дѣвушка разомъ успокоилась. Вакулинъ не наполнялъ его трепетомъ, тѣмъ трепетомъ, который люди называютъ любовью. Нѣтъ! оно, это сердце, попрежнему носило въ себѣ образъ Сергѣя и теплилось ровнымъ, спокойнымъ пламенемъ любви къ жениху.

Но Вакулинъ интересовалъ ее, интересовалъ тѣмъ жгучимъ интересомъ, какой проявляетъ ребенокъ къ чужой, невѣдомой ему игрушкѣ. Ореолъ богатства, роскоши и комфорта дѣлалъ Вакулина обаятельнѣе и значительнѣе другихъ людей въ глазахъ Марины. То-же богатство придавало ему извѣстный неуловимый тонъ независимости, снисходительнаго, еле уловимаго презрѣнія къ людямъ, какого-то красиваго „барствованія“, и все это и отталкивало отъ него, и въ одно и то-же время занимало мысли Марины о немъ... Что-то злое, нехорошее было въ ея чувствѣ къ Юрію Вакулину. Но это „злое, нехорошее“ не отталкивало, а какъ-то влекло ее къ нему.

„А вотъ посмотримъ! а вотъ посмотримъ! — хотѣлось ей мысленно выкрикнуть при каждой мысли о немъ. — Какъ-то ты будешь снисходить къ намъ, бѣдненькимъ, ничтожнымъ людишкамъ, ты — богатый, независимый, гордый человѣкъ?“

И самое полученіе пяти тысячъ отъ старика Вакулина теперь потеряло свою прежнюю пріятную окраску въ глазахъ Марины. Все-таки онѣ были получены при посредствѣ Юрія Юрьевича и онъ видѣлъ ее, гордую, самолюбивую дѣвушку, обязанной его отцу.

И, глядя на свой новый костюмъ и изящныя золотыя бездѣлушки, Марина съ досадой думала о томъ, что Юрій Вакулинъ сразу пойметъ, изъ какихъ суммъ пріобрѣтены всѣ эти вещи.

Но отказаться отъ нихъ она не хотѣла, такъ какъ

нѣ эффектно подчеркивали ея красоту и придавали звѣстный шикъ, который долженъ былъ, по ея мнѣнію, нравиться тому типу мужчинъ, къ которымъ принадлежалъ Вакулинъ. А Маринѣ хотѣлось нравиться Вакулину.

Онъ пріѣхалъ ровно въ 10 часовъ, когда вся семья Лоранскихъ, не исключая и Кодынцова и Сонечки Гриневичъ, ежедневно бывавшихъ у нихъ, уже переставъ надѣяться на его пріѣздъ, сидѣла за столомъ, ломившимся подъ тяжестью всевозможной снѣди и яствъ, привезенныхъ Лелечкой изъ „города“.

Звонокъ Вакулина раздался такъ неожиданно, что Марина, непріятно волновавшаяся все время, вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— Такъ звонить могутъ только милліонеры! — произнесъ Кодынцовъ съ измѣнившимся лицомъ.

— Или страстно влюбленные! — желая поддразнить его, сказалъ Граня.

Но Вакулинъ не хотѣлъ, очевидно, казаться ни тѣмъ, ни другимъ: онъ вошелъ въ скромную маленькую столовую съ такой неподражаемой простотою, такъ весело и непринужденно поздоровался со всѣми и, сѣвъ около самовара, шутливо попросилъ разрѣшенія у Лелечки помогать ей хозяйничать! Потомъ, замѣтивъ среди прочей закуски омары, онъ страшно обрадовался имъ, говоря, что обожаетъ омары и голоденъ, какъ собака, потому что рыскалъ цѣлый день по дѣламъ и не успѣлъ пообѣдать. Услышавъ это, Марья Дмитріевна ужасно взволновалась.

— Какъ? не обѣдать до сихъ поръ? Да, вѣдь, это непростительно. И ничего не сказать! А мы его омарами угощаемъ! Супа надо, супа и бифштексъ!

И, несмотря на то, что Вакулинъ протестовалъ всѣми силами и отказывался отъ обѣда, Лелечка стрѣлой помчалась въ кухню и черезъ десять минутъ явилась обратно, вся красная отъ удовольствія, съ тарелкой борща въ рукахъ, случайно оставшагося отъ обѣда и разогрѣтаго на бензинкѣ. Мяса дома не оказалось, и Феклa предложила сдѣлать яичницу-глазунью на черномъ хлѣбѣ, что встрѣтило настоящій восторгъ со стороны гостя. Минутъ черезъ пять поспѣла и глазунья; Юрій Юрьевичъ съ преувеличенной жадностью накинулся на нее, шутливо болтая то съ Лелечкой, то съ

Сонечкой Гриневичъ, потерявшими всю свою робость при этой простотѣ и любезности молодого милліонера.

А Марина смотрѣла на Юрія во всѣ глаза и думала свою думу:

„Что съ нимъ? Ломается онъ, желая поддѣлаться подъ общій тонъ, или онъ, дѣйствительно, хамелеонъ, способный мѣняться каждую минуту?.. Но и въ томъ, и въ другомъ случаяхъ Вакулинъ опасенъ, и надо сторониться его".

Покончивъ съ яичницей и выпивъ чай, Вакулинъ прошелъ въ гостиную и, присѣвъ къ піанино, заигралъ бравурную шансонетку, чуть-чуть подпѣвая себѣ пріятнымъ, красивымъ теноромъ.

— Вы поете? — обрадовался Павлукъ.

Шансонетка живо напомнила ему Ирму, а все, что напоминало Ирму, приводило въ положительный восторгъ Павлука.

— Немножко!—улыбнулся Вакулинъ, какъ-бы прося себѣ снисхожденія этой улыбкой, и запѣлъ арію Кармень, аккомпанируя себѣ на піанино:

«Любовь свободой міръ чаруетъ,
Законовъ всѣхъ она сильнѣй;
Меня не любишь, но люблю я,
Такъ берегись любви моей!»

Послѣднюю фразу Вакулинъ пропѣлъ дурачась, дѣлая большіе глаза въ сторону Лелечки. Лелечка покраснѣла и засмѣялась, переглянувшись съ братьями.

— Да онъ — прелесть! — шепнулъ Павлукъ Сонечкѣ Гриневичъ. — Не влюбитесь, смотрите!

— Прелесть! — согласилась та, потому что постоянно соглашалась со своимъ божествомъ.

И вся семья Лоранскихъ, казалось, тоже находила, что Юрій Юрьевичъ Вакулинъ, дѣйствительно, прелесть.

Но больше всѣхъ восторгался Граня. Куда дѣвался его нѣсколько пренебрежительный тонъ, какимъ онъ обыкновенно говорилъ со всѣми, тонъ избалованнаго красавца-мальчика, маменькина сынка и общаго баловня! Онъ сегодня буквально не отводилъ отъ Вакулина влюбленнаго взгляда и злился на Кодынцова и Марину, что они не раздѣляли, повидимому, общаго впечатлѣнія, произведеннаго гостемъ.

Марина осталась въ столовой въ обществѣ Сергѣя, когда всѣ перешли въ гостиную съ Юріемъ, но до нея

ясно доносились и красивый поющій голосъ Вакулина и отдѣльныя восклицанія, прерываемыя звучнымъ веселымъ смѣхомъ.

И этотъ голосъ настойчиво и упорно проникалъ въ самую глубь существа молодой дѣвушки. Напрасно она хотѣла заставить себя не обращать вниманія на этотъ голосъ и углубиться въ бесѣду съ женихомъ, но мысль и слухъ были полны этимъ голосомъ чужого ей, но странно-обаятельнаго человѣка.

И вдругъ она ясно услышала фразу, донесшуюся до нея изъ гостиной:

— А развѣ Марина Денисовна вовсе не будетъ участвовать?

— Марина! — крикнула изъ гостиной Лелечка, — Юрій Юрьевичъ хочетъ знать...

И тутъ-же новый возгласъ Вакулина, перебившій молодую Лоранскую:

— А, пожалуйста, не безпокойтесь!

Явной насмѣшкой звучало это „не безпокойтесь“, произнесенное съ подчеркнутой предупредительностью.

Очевидно, онъ хотѣлъ уязвить Марину за это нѣжное tête-à-tête съ женихомъ и достигъ цѣли.

Марина вспыхнула и вышла изъ столовой, оставивъ Сергѣя съ неоконченной фразой на губахъ.

— Въ чемъ дѣло? — стараясь быть по возможности спокойной, спросила она сразу всѣхъ и никого въ отдѣльности, упорно избѣгая взгляда Вакулина.

— Да вотъ про нашъ вечеръ Юрій Юрьевичъ спрашиваетъ! — оживленно пояснилъ Граня. — Юрій Юрьевичъ живое участіе принимаетъ въ немъ... массу цвѣтовъ жертвуетъ для продажи въ пользу гимназіи.

— Надо будетъ кіоскъ у входа сдѣлать! — произнесъ Вакулинъ. — Марина Денисовна, вы не откажетесь взять на себя продажу цвѣтовъ? Было-бы очень любезно, съ вашей стороны.

Марина задумалась на минуту. Идея продавать цвѣты на благотворительномъ вечерѣ въ пользу гимназіи, къ которой Марина привыкла, какъ къ своей, такъ какъ въ ней воспитывались оба ея брата, сразу улыбнулась ей. Марина любила эффектныя положенія инстинктомъ красивой женщины, сознающей свою красоту, и довольная улыбка скользнула по ея лицу, когда она подумала о предлагаемой ей пріятной миссіи.

— Мерси!—поблагодарила она съ любезной улыбкой Вакулина,—но только меня, вѣдь, не приглашали сами иниціаторы вечера.

— Объ этомъ не безпокойся,—перебилъ ее Граня:— завтра-же къ тебѣ командируютъ нашихъ лучшихъ учениковъ, гордость класса, съ приглашеніемъ осчастливить...

— И потомъ,—вмѣшался Павлукъ,—разъ кіоскъ съ цвѣтами жертвуется Юріемъ Юрьевичемъ, за нимъ остается право выбрать по желанію продавщицу.

— И не одну,—засмѣялся тотъ,—Маринѣ Денисовнѣ едва-ли справиться одной; я попрошу помочь и Елену Денисовну, и Софью Николаевну.

На лицѣ Лелечки выразился неподдѣльный ужасъ.

Она? продавать цвѣты? Да она сгоритъ отъ стыда отъ одного присутствія въ нарядномъ бальномъ залѣ. И потомъ платье надо, платье новое и чулки, и туфли, и перчатки, а она такъ хотѣла не трогать своего капитала и оставить деньги про черный день!

Однако, отказываться было нельзя, и Лелечка, замѣтно смущенная, поспѣшила поблагодарить Вакулина.

Вакулинъ долго еще оставался у Лоранскихъ, съ каждой минутой все болѣе и болѣе очаровывая хозяевъ. Онъ уѣхалъ поздно ночью, спѣвъ еще на прощанье арію Ленскаго предъ дуэлью.

— Какъ хорошо!—искренне восхищалась Лелечка.— Если-бы вы не были такъ богаты, вы пошли-бы, конечно, на сцену? — добавила она внезапно.

— Да, если-бъ я не былъ богатъ, то поступилъ-бы, конечно, но теперь — увы! — это невозможно!

— Почему? — искренне вырвалось у Лелечки.

— А потому, Елена Денисовна, что я слишкомъ хорошо знаю людей. Какъ ни дуренъ и плохо подготовленъ ни былъ-бы мой голосъ, но меня возьмутъ въ любую труппу ради моего состоянія, и еще, пожалуй, въ компаньоны пригласятъ. Къ сожалѣнію, деньги въ нашъ вѣкъ всесильны, на нихъ пріобрѣтается все: и талантъ, и карьера, и даже личное счастье й любовь...

— Только не любовь!—порывистымъ восклицаніемъ вырвалось у Марины.

Вакулинъ живо обернулся къ ней.

— Только не любовь!.. Вы правы, Марина Дени

совна, — отвѣтилъ Вакулинъ, — но онѣ, т. е., деньги, иногда способствуютъ и достиженію любви...

Это была его послѣдняя фраза, послѣ которой онъ откланялся и, поблагодаривъ маленькую семью за радушіе, вышелъ въ сопровожденіи Лелечки и обоихъ братьевъ Лоранскихъ.

А Марина, ошеломленная его фразой, такъ и осталась стоять посреди гостиной.

„Что это? Вызовъ съ его стороны? Или просто взглядъ, выработанный цѣною долгихъ и упорныхъ разочарованій, жалкій взглядъ извѣрившагося человѣка?.. Стойте! — хотѣлось крикнуть ей. — Стойте, такъ нельзя думать... Это несправедливо... Вы придаете слишкомъ большое значеніе своему богатству! Не всѣ-же люди... — И вдругъ она разомъ остановилась, поймавъ себя на мысли: — а развѣ они всѣ — и мать, и братья, и даже Лелечка, ихъ милая безсребреница Лелечка, — развѣ они не доказываютъ всѣмъ своимъ радушіемъ исключительнаго благоговѣнія предъ молодымъ богачемъ? Допустимъ, это — признательность, выраженная по адресу его покойнаго отца и косвенно касающаяся сына. Но, вѣдь, и признательность на почвѣ денегъ, проклятыхъ денегъ, безъ которыхъ обходиться и трудно, и невозможно, увы! И, можетъ быть, онъ, Вакулинъ, имѣлъ ихъ въ виду, когда говорилъ о возможности купить расположеніе людей при посредствѣ золота. Вѣдь, въ прошлый его пріѣздъ онъ былъ принятъ непріязненно, почти враждебно. А теперь“...

И Марина вся загорѣлась стыдомъ при одной мысли объ этомъ.

Между тѣмъ, вся ея семья все еще находилась подъ чарующимъ обаяніемъ интереснаго гостя. Даже Павлукъ, и тотъ съ оживленіемъ говорилъ о немъ:

— И кто могъ подумать, что онъ окажется такимъ симпатичнымъ парнемъ?.. Нѣтъ, простота-то какая, а? Прекрасный малый и гонора ни-ни, нисколечко!

— Цѣлый кіоскъ пожертвовалъ, цѣлый кіоскъ! — восторгался Граня. — Лелька, — неожиданно накинулся онъ на сестру, — ты, ради Бога, со мной посовѣтуйся или съ Мариной хотя-бы насчетъ твоего костюма, а то такой кутафьей вырядишься, что краснѣть за тебя придется...

— Ты туда поѣдешь, Марина? — тихо спросилъ Ко-

дынцовъ, вышедшій изъ столовой послѣ отъѣзда Вакулина.

— Ты слышалъ-же, кажется, что ее просили?.. Отказаться неловко, — отвѣтилъ за сестру, внезапно раздражаясь, Граня.

— Ты поѣдешь? — переспросилъ Кодынцовъ.

Марина молча кивнула головой. Она знала, что это огорчитъ ея жениха, но отказаться отъ любезнаго приглашенія Вакулина и лишить себя удовольствія она не могла.

Что-то больно кольнуло въ сердце Сергѣя Владиміровича. Въ первый разъ ему стало досадно на Марину. Онъ слишкомъ высоко ставилъ ее, куда выше всѣхъ остальныхъ женщинъ. И эта Марина, его серьезная Марина, оказывалась не менѣе другихъ способной увлечься мишурнымъ блескомъ и дешево купленнымъ успѣхомъ толпы.

„И зачѣмъ ей это, когда настоящій успѣхъ ждетъ ее, успѣхъ талантливой женщины, жрицы искусства, успѣхъ актрисы? Или она?..“

Кодынцовъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, охваченный неожиданно тяжелымъ предчувствіемъ.

— Марина! — произнесъ онъ глухо, — на два слова!..

Она удивилась волненію Кодынцова и покорно послѣдовала за нимъ въ столовую.

— Марина, голубушка! — произнесъ Сергѣй, обнимая ее за талію дрожащими руками, — я умоляю, я заклинаю тебя! Не ѣзди на этотъ вечеръ! Марина, добрая моя!

— Но почему? я не вижу причины, — отстраняя его горячія объятія, холодно произнесла Марина. — Это, наконецъ, становится скучнымъ, Сергѣй! Что съ тобою?

— Ты любишь его! — вмѣсто отвѣта простоналъ Кодынцовъ, и слезы брызнули изъ его глазъ.

Марина не терпѣла слезъ, онѣ возбуждали въ ней какое-то физическое отвращеніе, и плачущій мужчина казался ей жалкимъ. Она брезгливо поморщилась, но, пересиливъ себя, ласково сказала жениху:

— Полно, Сержикъ! У тебя нервы развинтились. Я разъ навсегда сказала тебѣ, что, если полюблю кого-нибудь, то ты первый узнаешь объ этомъ.

— Но ты... ты уже любишь его... сама еще не со-

знаешь, что любишь, — лепеталъ Кодынцовъ, украдкой утирая катившіяся по щекамъ слезы.

— Ахъ, перестань, пожалуйста, — нетерпѣливо произнесла Марина, — какъ ты не понимаешь, что твое подозрѣніе оскорбляетъ меня?

И она взглянула съ явной непріязнью на измѣнившееся отъ слезъ лицо Кодынцова.

Этотъ плачущій малодушный и подозрительный Сергѣй былъ ей почти противенъ въ данную минуту. А еще сегодня при одной мысли о немъ Марина чувствовала какую-то умиленную нѣжность, какую-то сердечную теплоту. Тогда она любила Сергѣя, теперь онъ сталъ разомъ чужимъ и непріятнымъ ея душѣ.

Онъ точно угадалъ чувства невѣсты и уже не плакалъ, какъ женщина, а схватилъ ея руки своими небольшими, но сильными руками и, сжимая до боли ея тонкіе пальцы, повторялъ:

— Ты не поѣдешь туда, ты не поѣдешь, если я хотя немного дорогъ тебѣ, если ты меня хоть чуточку любишь! Милая, дорогая!

Но эти два нѣжные эпитета, сорвавшіеся съ его устъ, какъ-то мало гармонировали съ сухимъ блескомъ и злымъ огонькомъ въ его обыкновенно добрыхъ, ласковыхъ глазахъ. Марина съ силой высвободила свои пальцы изъ его рукъ, сжимавшихъ ихъ, какъ клещами, и сказала, глядя на жениха въ упоръ разомъ потемнѣвшими отъ охватившаго ее волненія глазами:

— Довольно, Сергѣй. Довольно мальчишествовать. Я охотно исполнила-бъ твою просьбу, если-бы признала ее необходимой. Но я не нахожу надобности, ради твоего пустого подозрѣнія, лишать себя удовольствія... себя и того-же Грапю, которому мое активное присутствіе на ихъ балу будетъ крайне пріятно; я не вижу надобности дѣлать это, Сергѣй.

Ея голосъ былъ твердъ и непріятно-рѣзокъ, и сердце Кодынцова точно упало отъ этихъ ея словъ.

— Я боленъ! Пойми, я боленъ моей любовью къ тебѣ, Марина! — пролепеталъ онъ, хватаясь, какъ утопающій, за соломинку, — и молю тебя: будь снисходительна ко мнѣ и къ этой моей болѣзненной любви!

— Надо любить здоровой любовью, Сергѣй!—такъ-же холодно и вѣско произнесла молодая дѣвушка, — не

омрачая ея пустыми мыслями и болѣзненными подозрѣніями. Тогда только и мыслимо счастье!

— Нѣтъ, счастье немыслимо, — тоскливо вырвалось изъ груди Кодынцова и, съ укоромъ взглянувъ на любимую дѣвушку, онъ пошелъ, понуривши, къ двери.

Марина осталась задумчивая, безучастная, безцѣльно-равнодушнымъ взглядомъ смотря ему вслѣдъ. Она даже не видѣла укора въ его взглядѣ, посланнаго ей,—слишкомъ глубоко возмутила ее выходка Сергѣя. Независимая, самолюбивая, она не переносила стѣсненія свободы... Поползновеніе жениха лишить ее этой драгоцѣнной свободы всколыхнуло весь внутренній міръ молодой дѣвушки и преобразило ее всю. Ни жалости, ни любви не было въ эту минуту въ ея обыкновенно отзывчивомъ ко всякой чужой печали сердцѣ.

И въ первый разъ женихъ и невѣста разстались недовольные другъ другомъ, унося съ собою какую-то желчную, недоговоренную обиду.

Впрочемъ, не одинъ Кодынцовъ чувствовалъ себя несчастнымъ въ этотъ вечеръ.

Сонечка Гриневичъ была не менѣе несчастна, нежели онъ. И причиной ея несчастья оказывался Павлукъ Лоранскій. Сонечка была одною изъ тѣхъ барышенъ, какихъ можно часто и легко встрѣтить на окраинахъ Петербурга: съ провинціальными наклонностями и нетронутой, чистой душой. Сонечка любила Павлука, насколько умѣла любить такая дѣвушка, какою была Сонечка, и отъ ея взгляда не укрылось теперь, что Лоранскій, симпатизировавшій ей еще со временъ хожденія своего въ гимназическихъ курткахъ, бѣгавшій провожать ее, когда она засиживалась у его сестеръ, теперь онъ, этотъ самый Павлукъ, круто измѣнился по отношенію къ ней, Сонечкѣ. И изъ безжалостныхъ туманныхъ намековъ Грани молодая дѣвушка поняла, что сердце Павлука занято другою. Въ то время, когда Кодынцовъ объяснялся въ столовой съ Мариной, въ спальнѣ Марьи Дмитріевны и Лелечки Сонечка Гриневичъ горько плакала, уткнувшись въ плечо младшей Лоранской, ея первой повѣренной и ближайшаго друга.

— Онъ не любитъ меня больше! — всхлипывала Сонечка. — Граня говорилъ про какую-то пѣвичку, въ которую Павлуша влюбился... Ахъ, Леля, Леля, зачѣмъ я полюбила его?

— Не плачь, Соня! не плачь, ради Бога! Онъ снова вернется! Увѣряю тебя! Это — вздоръ; вернется онъ, милочка! Не плачь!

Но сама Лелечка плохо вѣрила въ подлинность своего предположенія. Она знала, что Павлукъ не вернется къ ея бѣдной подругѣ, не вернется до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока хорошенькая Ирма, обобравъ его, какъ липку, не отброситъ въ сторону.

Лелечка знала изъ устъ Грани о существованіи этой Ирмы, которую въ своей нравственной нетронутости и чистотѣ считала истиннымъ чудовищемъ.

— Ахъ, Господи! — искренне вырвалось у Лелечки, когда нѣсколько успокоившаяся Гриневичъ вытерла заплаканные глаза и обняла подругу, — знаешь, Соня, ты не повѣришь, а я такъ не рада, такъ не рада, что эти противныя деньги намъ съ неба свалились. Всѣ какіе-то, точно шалые, стали. Павлукъ уроки забросилъ, въ семь часовъ утра домой возвращается. Граня такъ франтитъ и пыль въ глаза пускаетъ, что смотрѣть страшно. И тоже въ гимназію не прогнать. Ночи напролетъ у товарищей проводитъ. Отдѣльные ключи они съ Павломъ завели, какъ-будто для того, чтобы насъ звонкомъ не безпокоить, а просто, чтобы легче обманывать маму: не узнаетъ такъ, когда они возвращаются. Очень похвально! А кто больше всего меня пугаетъ, такъ это Марина. Что-то у нея съ Серженкомъ нелады пошли точно, да и она сама странная такая стала: не хуже Грани деньги бросаетъ и постоянно твердитъ, что богатымъ актрисамъ легче пробиться: и костюмы у нихъ, и брилліанты, и все такое... Ахъ, Сонечка, нехорошо у насъ какъ-то стало, ей-Богу, нехорошо!

И Лелечка, глубоко вздохнувъ, поникла своей милой рыжекудрой головкой.

XIV.

Обыкновенно рождественскій сочельникъ и первый день праздниковъ справлялись очень патріархально семьей Лоранскихъ: дѣлали елку, украшая ее совмѣстными усиліями; потомъ немножечко пѣли, немножечко танцовали послѣ всенощной, такъ какъ въ сочельникъ приходили къ Лоранскимъ и товарищи Павла, и кое-кто изъ лелечкиныхъ подругъ. Но это Рождество наступило скучно и незамѣтно. Гостей, противъ

обыкновенія, не было, елку украшали только Марья Дмитріевна, Лелечка да Сонечка Гриневичъ, забѣжавшая къ Лоранскимъ въ надеждѣ повидать Павлука. Но Павлука не было: онъ проводилъ этотъ вечеръ у Ирмы, устраивая ей елку, стоившую очень дорого бѣдному молодому человѣку. Граня встрѣчалъ сочельникъ у Контана, по проэкту Жоржа Берлинга. Даже Марина, проводившая всегда всѣ большіе праздники дома, уѣхала на этотъ разъ „встряхнуться“ къ Строганову, устраивавшему у себя елку для всей актерской братіи.

Марья Дмитріевна даже всплакнула подъ зажженнымъ деревцомъ: ей было невыразимо грустно это нарушеніе давнишнихъ традицій ея дорогой семьи. И дѣйствительно, зажженная елка, не окруженная молодыми веселыми лицами, производила крайне грустное впечатлѣніе и на старушку Лоранскую, и на двухъ молоденькихъ дѣвушекъ, чувствовавшихъ какое-то тоскливое уныніе въ этотъ вечеръ.

Въ десятомъ часу пришелъ Кодынцовъ. Но обыкновенно веселый и жизнерадостный Сержикъ на этотъ разъ не принесъ съ собою оживленія. Размолвка съ Мариной еще продолжалась, и немудрено, что Сергѣй былъ въ самомъ мрачномъ и угнетенномъ настроеніи.

— Ужъ поженились-бы вы скорѣе! — говорила Лелечка, — а то только изводите другъ друга...

Кодынцовъ только вздыхалъ. Онъ какъ-то плохо вѣрилъ, что женитьба можетъ исправить дѣло. Въ ихъ отношенія съ Мариной вкралось что-то неуловимо-непріязненное, похожее на горькое разочарованіе, на медленно дѣйствующую отраву, способную погубить ихъ обоихъ своимъ разлагающимъ ядомъ.

Кодынцовъ такъ и не дождался въ этотъ вечеръ Марины. Она вернулась около двухъ часовъ ночи, веселая, возбужденная, и Лелечка, открывшая ей двери, ясно почувствовала тонкій запахъ вина, выходящій изъ устъ ея старшей сестры.

— За мой успѣхъ шампанское пили! — произнесла, поясняя, старшая Лоранская: — за исполненіе будущей роли... Какъ весело было, Лелечка! И что за славные люди, эти актеры! Особенно дядя Миша...

— Сержикъ былъ, — значительно проронила Лелечка.

— Да? — равнодушно сорвалось съ устъ Марины.

Это „да“ больно царапнуло чуткое сердце Лелечки; ей стало безконечно жаль Кодынцова.

— Мариночка, — произнесла она робко, — ты поссорилась съ Сережей?

— Нѣтъ, а что? — удивилась та.

Марина какъ-будто даже вовсе позабыла о размолвкѣ, происшедшей между ними.

— Да какъ-то вы видитесь рѣже теперь. И ты ужъ не такая ласковая къ нему стала.

— Вотъ удивительно созданы люди! — произнесла недовольно Марина. — Если нѣтъ непріятностей, они способны выдумывать ихъ, — и вдругъ, увидя вытянувшееся личико сестры, добавила уже много ласковѣе: — ты смѣшная, Лелечка, ты забываешь, что, кромѣ Сержика, у меня явился новый интересъ — искусство, для котораго я положу всю мою жизнь. Не мучь-же себя, глупенькая моя дѣвчурка, повѣрь, твой Сержикъ не будетъ имѣть повода быть недовольнымъ мной.

И, поцѣловавъ розовую щечку Лелечки, Марина прошла къ себѣ.

Гимназическій вечеръ, устраиваемый съ благотворительной цѣлью въ залѣ фонъ Дервиза, приходился на третій день Рождества. Въ этотъ день маленькую гостиную Лоранскихъ нельзя было узнать... Она, по крайней мѣрѣ, имѣла видъ театральной уборной: юбки, лифа, шарфы, кружева, цвѣты и ленты, — все это висѣло, лежало, раскиданное въ живописномъ безпорядкѣ по широкимъ старомоднымъ диванамъ, столамъ и кресламъ.

Кромѣ Марины и Лелечки, собиравшихся на балъ въ залъ фонъ Дервиза, сюда пришла и Сонечка Гриневичъ, чтобы одѣться вмѣстѣ съ сестрами Лоранскими и ѣхать съ ними.

Бѣлое тюлевое платье Марины произвело настоящій фуроръ. А когда она, поверхъ вырѣзаннаго лифа, позволявшаго любоваться ея точеной гибкой шеей и высокой стройной грудью, накинула пышное страусовое боа, Ѳекла, вышедшая изъ кухни поглазѣть на туалеты барышенъ, всплеснула руками и, чуть не захлебываясь отъ восторга, произнесла:

— Анделъ! ну, какъ есть, сущій анделъ, ей-Богу!

Но Ѳекла ошибалась. Если Марина была прекрасна, то далеко не ангельской красотою. Что-то захватываю-

щее, влекущее, плѣнительное было въ прелестномъ блѣдномъ лицѣ дѣвушки, въ ея мерцающихъ загадочной тайной зеленыхъ глазахъ... Если это былъ ангелъ, то ангелъ, мечтающій о земномъ, а не о небесномъ счастьѣ.

И рыжекудрая Лелечка, и миловидная Гриневичъ, въ своихъ одинаковыхъ, по ихъ общему соглашенію, голубенькихъ платьицахъ, совсѣмъ стушевались около ярко выступившей въ своей эффектной оправѣ красоты Марины.

Павлукъ, великодушно предложившій себя въ спутники барышнямъ, такъ какъ Граня, въ качествѣ распорядителя, долженъ былъ уже съ семи часовъ уѣхать въ дервизовскій залъ, — Павлукъ при видѣ Марины остановился въ дверяхъ и развелъ руками.

— Ого! чертъ возьми! Здорово пущено! — произнесъ онъ, окидывая всю ея фигуру любующимся взглядомъ. — Т. е, чертъ возьми, какъ хорошо!

— Что, нравится? — спросила Марина.

Она, опустивъ руки вдоль стана, стояла теперь предъ братомъ, какъ стоитъ модель предъ художникомъ, ожидая его приговора.

— Ахъ, Ты, Господи! королева! Понимаешь-ли? королева! — въ голосъ завопилъ тотъ. — Ай-да Галерная гавань, покажетъ себя! Вѣдь, эдакій продуктъ!.. Сережка! — бросился онъ къ вошедшему Кодынцову, — Сережка, ты — счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, потому что твоя будущая жена — красивѣйшая женщина...

— Это онъ неискренне, — улыбнулась Марина, — красивѣйшею женщиной онъ считаетъ... — и она досказала глазами одному Павлуку то, чего не договорила словами, и пошла съ протянутыми руками и ласковой улыбкой навстрѣчу Сергѣю, говоря: — какой-же ты милый, Сережа, что пришелъ!

Но Сергѣй Владиміровичъ не понялъ ея порыва. Она вся, эта эффектная, красивая Марина, эта королева, какъ назвалъ ее Павелъ, казалась ему теперь вполнѣ чужой и недоступной! Она такъ далека была отъ той милой спокойной дѣвушки, которая прошедшей весною подъ вѣткой яблони сказала ему свое драгоцѣнное „люблю“. Но и эта новая нарядная, эффектная Марина была ему все-таки безконечно дорога, даже дороже, пожалуй, той Марины, потому что за ту Марину

онъ былъ спокоенъ душой, твердо вѣруя въ ея любовь, между тѣмъ какъ эта... Но и эта любила его. По крайней мѣрѣ, ея мерцающіе глаза смотрѣли на него съ такимъ выраженіемъ ласки, что бѣднаго неизбалованнаго имя Кодынцова бросало то въ жаръ, то въ холодъ.

А Марина, между тѣмъ, говорила ему какимъ-то новымъ голосомъ, и каждое слово этого голоса казалось неискреннимъ и чуждымъ Кодынцову въ ея устахъ:

— Ты не сердишься больше, Сержикъ? ты не дуешься на меня? И странно было-бы дуться за то, что я хочу немного повеселиться... не правда-ли? Ты, вѣдь, самъ упрекалъ меня въ чрезмѣрномъ спокойствіи и апатіи, а теперь... Теперь ты снова недоволенъ, что я немного развернулась... И почему-бы тебѣ не поѣхать съ нами?... Право, поѣдемъ, Сергѣй!

„И въ самомъ дѣлѣ, почему-бы не поѣхать?“—мелькнуло въ головѣ Кодынцова.

Но онъ тотчасъ-же отбросилъ эту мысль... Поѣхать на добровольное терзанье, пытку, поѣхать туда, чтобы видѣть Марину, окруженную толпою, принимающую ухаживанье Вакулина, котораго онъ ненавидѣлъ теперь всѣми силами души. О, это выше его силъ! Нѣтъ, нѣтъ! Онъ не поѣдетъ!

Между тѣмъ, Марина не хотѣла, казалось, замѣчать его упорство. Она усадила Сергѣя на диванчикъ, закинула ему на плечо свою бѣлую красивую руку, эффектно окруженную облакомъ тюля, и говорила, мерцая своими удивительными глазами:

— Не сердись, Сержикъ, что я не исполнила твоей просьбы... и что я ѣду, но... это—первый и послѣдній вечеръ моей жизни... Когда я выйду замужъ, то, клянусь тебѣ, только ты и театръ, театръ и ты... Общество для меня уже не будетъ существовать. Даю тебѣ слово. Когда я буду твоей женой, Сержикъ, я дамъ тебѣ счастье, такое счастье!..

Марина знала, чѣмъ усыпить ревность и подозрительность Сергѣя. Она хорошо изучила его несложную, но богатую чувствомъ натуру, и побѣда удалась ей вполнѣ. Черезъ нѣсколько минутъ Кодынцовъ сидѣлъ уже около невѣсты съ счастливымъ блескомъ въ глазахъ, сжимая ея руки, и говорилъ радостно:

— Все, что хочешь, моя дорогая, все, что хочешь, только люби меня хоть немного!

Потомъ Сергѣй заботливо укуталъ ея плечи новой рогондой съ бѣлымъ воротникомъ тибетской козы и посадилъ ее съ Лелечкой на извозчика. На другого извозчика усѣлись Сонечка Гриневичъ и Павлукъ.

— Желаю веселиться! — крикнулъ Кодынцовъ, когда они отъѣхали въ пространство декабрьской студеной ночи, и съ упоеніемъ прислушался къ милому голоску, отвѣтившему изъ-подъ поднятаго воротника тибетской козы:

— Спасибо, Сержикъ! Завтра вечеромъ жду тебя непремѣнно!

И, успокоенный, съ умиротворенной душой, Кодынцовъ пошелъ обратно въ маленькую гостиную, гдѣ все такъ живо напоминало ему недавнее присутствіе Марины.

— Уѣхали? — спросила Марья Дмитріевна, приводившая въ порядокъ гостиную послѣ отъѣзда дочерей. — А Мариночка-то какая, — не дожидаясь его отвѣта, восторгалась старушка: — смотришь на нее, удивляешься: и откуда у меня такая красавица уродилась? Дѣйствительно, королева! И держитъ себя, какъ настоящая аристократка. И откуда у нея эти манеры? Эхъ, не подходитъ она къ нашей жизни!.. Ей роскошь, богатство нужны. Вонъ она развернулась, какъ только лишь нашла возможность по-людски одѣться... Какъ рыба въ водѣ заплавала... точно она...

Но тутъ Лоранская разомъ осѣклась, взглянувъ въ лицо Сергѣя. Кодынцовъ весь какъ-то разомъ осунулся и потускнѣлъ.

„Не подходитъ она къ нашей жизни“, — зазвенѣли у него въ ушахъ слова старушки, и, что было хуже всего, то, что онъ самъ отлично сознавалъ всю справедливость этихъ словъ. Онъ раньше всѣхъ зналъ эту горькую истину. Еще будучи скромной бѣдной дѣвушкой, нуждающейся въ самомъ необходимомъ, Марина уже имѣла въ себѣ всѣ эти зачатки любви къ роскоши и богатству, а теперь, когда золотыя пылинки — только пылинки — облѣпили ее, Марина разомъ расцвѣла и преобразилась.

„Да! не для скромной будущности создана Марина! Она зачахнетъ, какъ цвѣтокъ, въ своей сѣрой обстановкѣ“... — съ горечью думалось молодому человѣку.

А Марья Дмитріевна, угадавшая мысли Кодынцова,

уже сожалѣла о начатомъ разговорѣ и всѣми силами старалась исправить непріятное впечатлѣніе, произведенное ея словами.

— Полно, Сережа, не грусти, — говорила она, — выходъ есть: Марина — артистка, и въ денежныхъ недочетахъ ее утѣшитъ сценическій успѣхъ—и не замѣтитъ ихъ. А успѣхъ у нея будетъ, самъ-же ты говоришь, что она талантливая...

— Дай Богъ, дай Богъ! — грустно покачивая головою, произнесъ Кодынцовъ, самъ плохо вѣря тому, во что ему такъ безумно хотѣлось вѣрить.

XV.

Появленіе барышенъ Лоранскихъ въ небольшомъ, но красиво декорированномъ залѣ фонъ Дервиза, произвело настоящую сенсацію. Граня, со значкомъ распорядителя, встрѣтилъ ихъ у входа и опытнымъ взглядомъ цѣнителя окинулъ туалеты сестеръ.

„Батюшки мои, какъ Марина эффектна!.. И одѣта очаровательно“,—не могъ не замѣтить онъ про себя.

Большая часть гимназистовъ-старшеклассниковъ окружила барышенъ, выпрашивая у Марины какой-нибудь танецъ. Та только улыбалась и молча покачивала своей очаровательной головкой, ссылаясь на то, что не можетъ танцовать, такъ какъ ей предстоитъ трудная миссія продавщицы.

Тогда вся эта шумная орава накинулась на Лелечку. У той даже закружилась голова отъ всѣхъ этихъ именъ, фамилій, синихъ мундировъ и юныхъ лицъ. Она кончила тѣмъ, что перепутала ихъ всѣхъ, и стояла теперь розовая, смущенная и разомъ похорошѣвшая, подлѣ старшей сестры.

Искренній возгласъ изумленія и восторга вырвался изъ груди Марины, когда она увидѣла кіоскъ съ цвѣтами, приготовленный для нея. Это была прелестная благоухающая бесѣдка изъ розъ всѣхъ оттѣнковъ, начиная кровянисто-алымъ цвѣтомъ и кончая бѣлою и нѣжною, какъ снѣгъ, изъ нѣжныхъ гарденій, похожихъ на мечту, изъ красныхъ камелій и медвяно-ароматичныхъ лилій, дурманящихъ до головокруженія и истомы. Небольшая рама изъ зеленаго плюща, перевитаго съ темно-красными, почти черными розами, была настолько велика, что въ ней могъ помѣститься

бюстъ Марины, и, когда дѣвушка появилась въ этомъ живомъ пахучемъ окнѣ, всѣ, кто былъ въ эту минуту въ залѣ, дрогнули отъ восторга: среди темнаго плюща и темныхъ цвѣтовъ окутанная бѣлымъ тюлемъ Марина казалась настоящей сказочной феей и рѣдкой красавицей. И она сама поняла это изъ того шепота одобренія, который пронесся по залу при ея появленіи въ рамкѣ бесѣдки.

Публика начала стекаться къ девяти часамъ.

Вниманіе каждаго невольно привлекалъ прелестный благоухающій кіоскъ, съ выглядывавшимъ изъ живой его зелени не менѣе прелестнымъ личикомъ.

Были и другіе кіоски. Прямо противъ Марины молоденькая балетная танцовщица въ кричащемъ красномъ костюмѣ съ тысячными шатонами въ ушахъ продавала шампанское. Далѣе—двѣ опереточныя дивы предлагали публикѣ: одна — программы, другая — билетики на лотерею-аллегри. Но онѣ такъ не приковывали къ себѣ взоровъ публики, какъ приковывала ихъ Марина. Она сидѣла въ своемъ благоухающемъ букетѣ, похожая сама на большой бѣлый цвѣтокъ, чистый и невинный, но съ одуряющимъ отравой ароматомъ.

— Я задыхаюсь. Здѣсь слишкомъ много цвѣтовъ,— говорилъ графъ Стоютинъ, блестящій кавалеристъ, старшій братъ Вити Стоютина, товарища Грани, и такъ значительно и нѣжно смотрѣлъ на Марину, что наивная Лелечка начинала уже краснѣть и мигать глазами.

— Знаете эту звѣздочку?— спрашивалъ ее младшій Стоютинъ, указывая Маринѣ на балетную танцовщицу продававшую шампанское. — Это—Зарская, давняя пассія Вакулина, шикарная женщина... неправда-ли?

— Шикарныхъ женщинъ нѣтъ въ присутствіи Марины Денисовны, — поправилъ его братъ, награждая Марину новымъ пламеннымъ взглядомъ: — онѣ всѣ теперь сдѣлались похожими на... на прачекъ.

Марина смотрѣла во всѣ глаза на „шикарную“ Зарскую.

„Такъ вотъ какія ему нравятся!“—думала она, и непріятное чувство озлобленія зашевелилось въ ея сердцѣ по адресу молоденькой танцовщицы.

Зарская казалась пикантной, вся похожая на восковую кошечку, съ чуть расписанной лисьей мордочкой и пышной эксцентричной прической. И Марина искренне

удивлялась вкусу Вакулина и негодовала на него. Она считала Юрія Юрьевича много разборчивѣе.

И Зарская смотрѣла на красивую дѣвушку, разглядывавшую ее съ искреннимъ любопытствомъ изъ-за своей живой рамы цвѣтовъ. Она, очевидно, не знала, кѣмъ былъ пожертвованъ кіоскъ и приглашена прелестная продавщица.

Самъ Вакулинъ пріѣхалъ предъ вторымъ отдѣленіемъ концерта.

Выбрать лучшій моментъ для своего появленія онъ не могъ. Марина упивалась своимъ торжествомъ. Около ея кіоска сгруппировалось все лучшее, что было среди публики. Вакулину надо было выждать время, чтобы пробраться къ ней. Но, когда онъ предсталъ, наконецъ, предъ лицомъ дѣвушки и его глаза встрѣтились съ ея глазами, онъ былъ вознагражденъ вполнѣ и за устройство кіоска, и за приглашеніе ея въ качествѣ продавщицы этимъ сіяющимъ, или, вѣрнѣе, мерцающимъ, словно зачарованнымъ взоромъ.

„Какая красота! — мысленно произнесъ Вакулинъ, любуясь Мариной. — Настоящій алмазъ, нуждающійся лишь въ дорогой оправѣ. Даже и шлифовки не надо: сама природа позаботилась о шлифовкѣ", — и онъ громко произнесъ съ любезной улыбкой:

— Позвольте мнѣ эту лилію, Марина Денисовна, — и Вакулинъ указалъ на цвѣтокъ, приколотый къ ея груди.— Или онъ не продается?..

— Почему-же? — отвѣчала она просто: — мнѣ кажется, для васъ... — и, не договоривъ, протянула ему лилію.

— Во всякомъ случаѣ, она стоитъ неизмѣримо дороже всѣхъ остальныхъ,— тихо произнесъ онъ и положилъ на прилавокъ, сплошь покрытый анютиными глазками, банковый выигрышный билетъ. — Въ пользу недостаточныхъ гимназистовъ, — добавилъ онъ громче.

Марина вспыхнула до корней волосъ отъ этой новой любезности, относившейся уже прямо къ ней, и тихо, чуть внятно произнесла:

— Мерси.

Вакулинъ галантно склонился предъ нею и отошелъ къ кіоску съ шампанскимъ. Онъ молча поклонился Зарской и попросилъ бокалъ шампанскаго. Но, прежде чѣмъ Вакулинъ успѣлъ взять его, Зарская быстро под-

несла бокалъ къ своимъ губамъ и, отхлебнувъ изъ него пѣнящейся влаги, произнесла со смѣхомъ:

— А теперь я набавила цѣну!

Вакулинъ улыбнулся и вмѣсто отвѣта, вынувъ изъ бумажника крупную кредитку, подалъ ее танцовщицѣ.

Однако, Марина, слѣдившая за Юріемъ изъ своего кіоска, отлично видѣла, какъ онъ отставилъ бокалъ въ сторону, не прикоснувшись къ нему, и какъ съ изысканнымъ поклономъ отошелъ отъ кіоска раздосадованной Зарской.

И тревожно забившееся было сердце молодой дѣвушки разомъ успокоилось при видѣ явнаго доказательства равнодушія со стороны Юрія Юрьевича къ молоденькой танцовщицѣ.

„Стоютинъ ошибся,—подумала Марина,—между ними нѣтъ ничего общаго, да и врядъ-ли что-нибудь было. Она — не героиня его романа, — и тутъ-же сердце Марины невольно договорило начатую мысль: — не она, а ты овладѣла его мыслями, для тебя онъ бросилъ громадную сумму на устройство кіоска, ради тебя пожертвовалъ и новою суммою сейчасъ за одну скромную лилію, отколотую отъ твоей груди. Да, да, о тебѣ лишь его мысли и онъ полонъ одной тобою!“

И жгучая радость, смѣшанная съ торжествомъ, охватила Марину. Она точно опьянѣла, безъ вина, опьянѣла своимъ успѣхомъ. Какой-то розовый туманъ заволакивалъ отъ нея весь остальной міръ, кромѣ этого бальнаго зала и благоухающаго кіоска, и нарядной толпы, окружавшей ее тѣснымъ кольцомъ.

Концертъ кончился. Стулья исчезли изъ зала въ одно мгновеніе ока, благодаря ловкости юныхъ распорядителей, и начались танцы. Но танцовали больше гимназисты и учащаяся зеленая молодежь. Болѣе возмужалая мужская публика окружала кіоски, болтая и флиртуя съ ихъ нарядными продавщицами.

Но у кіоска Марины теперь, лишь только къ ней подошелъ Вакулинъ, толпа какъ-то разомъ порѣдѣла. Нарядные фраки и блестящіе мундиры отошли на второй планъ, признавая большее право на кіоскъ за молодымъ благотворителемъ. Вѣсть объ его крупномъ пожертвованіи уже облетѣла залъ.

— Вы не танцуете? — спросила молодая дѣвушка Вакулина при первыхъ звукахъ вальса.

— О, нѣтъ! я уже слишкомъ одряхлѣлъ для этого,— засмѣялся онъ, — или еще не доросъ, понимайте какъ хотите. А вы, Марина Денисовна, не очень негодуете на меня за то, что я закабалилъ васъ въ эту пахучую коробку на цѣлый вечеръ и лишилъ возможности показать ваше искусство въ танцахъ?

— О, ничуть!—отвѣтила она,—я, вѣдь, и не танцую! Не понимаю этого удовольствія, должно быть, не доросла или переросла его такъ-же, какъ и вы.

— Когда ваша свадьба? — спросилъ, помолчавъ немного, Вакулинъ, и глянулъ прямо и остро въ самую глубину ея мерцающихъ глазъ.

— Черезъ мѣсяцъ, — отвѣтила Марина и еще разъ повторила тише: — черезъ мѣсяцъ.

Лелечка и Гриневичъ, приглашенныя на кадриль, ушли изъ кіоска. Марина и Вакулинъ остались одни. Вакулинъ взялъ стулъ и сѣлъ противъ цвѣточнаго окошечка, подлѣ бѣлой дѣвушки, неудержимо влекшей его къ себѣ.

— Итакъ,—говорилъ онъ тихо,—черезъ мѣсяцъ вы будете женою Кодынцова. Черезъ годъ, можетъ быть, матерью. Мелкія заботы, мелкія хлопоты... вся непріятная будничная сутолока сдуетъ съ васъ эту жажду жизни, славы... И къ искусству вы уже иначе отнесетесь тогда... Оно отойдетъ на второй планъ, его вытѣснятъ семья, мужъ, дѣти... Пойдутъ недочеты, мелочи, недохваты сѣренькой жизни, и вы, блестящая Марина Денисовна, вы будете чувствовать себя несчастной, непонятой, неоцѣненной. Вы зачахнете тамъ, въ этомъ скромномъ вашемъ уголку, задохнетесь въ немъ, и себя, и мужа сдѣлаете несчастными... Марина Денисовна, вы слушаете меня? — внезапно прервалъ онъ свою плавно текущую рѣчь.

Марина слушала его и въ то-же время старалась припомнить, кто другой говорилъ ей тѣ-же самыя слова и звалъ ее уже однажды изъ этой будничной, прозаичной жизни въ какой-то чужой, невѣдомый и прекрасный міръ. И вдругъ она вспомнила разомъ, когда это было: въ ночь наводненія и смерти стараго Вакулина она уже слышала эти рѣчи въ странномъ снѣ и этотъ сонъ такъ живо припомнился ей теперь, и сонъ, и спутникъ ея сна, тотъ самый человѣкъ, который сидитъ теперь подлѣ нея и говоритъ ей тѣ-же странно-

справедливыя и страшныя по своему роковому значенію рѣчи. И не слушать этихъ рѣчей у нея уже не хватало силъ. Она сидѣла зачарованная, опьяненная ароматомъ цвѣтовъ, убаюканная чарующимъ мотивомъ бальнаго оркестра, и смотрѣла, какъ загипнотизированная, въ красивое спокойное лицо Вакулина.

Какъ разъ въ эту минуту мимо кіоска Марины проходила безконечно длинная вереница танцующихъ. Предъ нею мелькнули среди незнакомыхъ людей хорошо знакомыя лица: вотъ Граня, изящный и красивый, ведетъ подъ руку полную высокую женщину съ немолодымъ упитаннымъ, самодовольнымъ лицомъ, всю буквально залитую бриллiантами. Въ ней что-то отталкивающее, животно-противное, тупое. Марина знаетъ эту женщину, это—купчиха Люлюшкина, безъ ума влюбленная въ Граню. И Маринѣ не досадно, не гадко, что Граня, ихъ красавчикъ-Граня, за глаза насмѣхающійся надъ Люлюшкиной и ея глупостью, съ любезной улыбкой выслушиваетъ теперь ея сладкое воркованье. Не досадно Маринѣ и на Гриневичъ, повиснувшую на рукѣ своего кавалера, Павлука, и съ нескрываемымъ восторгомъ не сводящую съ него взгляда, въ то время какъ Сонечка отлично знаетъ о существованіи Ирмы, играющей въ судьбѣ Павла первенствующую роль.

„Все это выходитъ помимо ихъ воли, — невольно думается дѣвушкѣ,—есть что-то выше и значительнѣе даже самой судьбы. Это—предопредѣленіе. И жутко, и страшно оно по своей роковой неминуемости и силѣ и обойти его немыслимо, невозможно!“

Дѣвушка вздрогнула и взглянула на Вакулина, и загадочные глаза ея разомъ потеряли всю свою таинственную непроницаемость. Широко раскрытые и испуганные, какъ у ребенка, они смотрѣли теперь, не мигая, въ глаза Юрія Юрьевича и точно говорили ему:

„Я знаю, знаю, что слова твои справедливы. Я знаю, что все это сбудется, что ты говоришь, и что я буду несчастной, но умоляю, не мѣшай мнѣ гибнуть, не останавливай меня. Пусти меня туда безъ удержа, въ мою могилу, потому что то, что должно совершиться, будетъ совершено рано или поздно. Не увеличивай моего несчастья сожалѣніемъ, разъ это несчастье уже неминуемо, какъ рокъ!“

И она даже отодвинулась отъ Вакулина, какъ-бы отстраняясь и отъ страшной истины, которой дышали его рѣчи, отъ него самого, болѣе опаснаго и плѣнительнаго, чѣмъ когда-либо.

„Сережа... Кодынцовъ... Милый Сержикъ!“ — вызывала Марина въ памяти когда-то такъ сильно любимый образъ жениха, но этотъ образъ померкъ и какъ-то разомъ умалился предъ ея внутреннимъ взоромъ. Онъ уже не былъ въ состояніи заполнить ту нравственную чудовищную пустоту, которую она ощущала при мысли о скоромъ безпросвѣтномъ будущемъ.

— Если-бы не пошлыя условности общества, — между тѣмъ, продолжалъ своимъ тихимъ, въ самую душу вливающимся голосомъ Вакулинъ,—я сложилъ-бы у вашихъ ногъ большую часть своего богатства и побратски-бы подѣлился имъ съ вами. Во имя вашего таланта, вашей независимости вы не должны были-бы отказываться отъ него. Такіе люди, какъ вы, должны отдать себя служенію обществу, потому что они талантливы, а каждый талантъ не можетъ принадлежать себѣ, онъ—достояніе толпы, его кумиръ, его дѣтище... Но съ однимъ талантомъ вамъ не пробиться, Марина Денисовна. Вѣрьте мнѣ, я уже разъ говорилъ вамъ это. Мы живемъ въ томъ вѣкѣ, гдѣ золотой Ваалъ занимаетъ первенствующее мѣсто. Простите меня, но на ваше ничтожное жалованье нельзя ни блеснуть костюмами, ни даже заручиться нѣкоторой подготовкой къ сценѣ... А вамъ нужны уроки: вы—начинающая актриса; вы должны узнать теорію сцены... Ну, однимъ словомъ, мало-ли какіе расходы предстоятъ вамъ... Большому кораблю—большое и плаванье... Видите-ли, я практичнѣе васъ съ этой стороны жизни, — засмѣялся Вакулинъ.— Да не смотрите-же на меня такъ, точно я собираюсь васъ оскорбить или обидѣть. Если я заговорилъ съ вами о помощи, то исключительно какъ съ начинающей ярко разгораться звѣздой, съ артисткой Лавровской, а не съ Мариной Лоранской, красивой дѣвушкой, способной лишить меня сердца и разсудка...

Теперь Вакулинъ уже не смотрѣлъ на нее. Его чуть сощуренные глаза были направлены мимо глазъ Марины, но она видѣла и помимо его взгляда, что Юрій восторгается ею. И эти слова не обидѣли ея нисколько: она знала примѣры въ театрѣ, когда безкорыстно жерт-

вовались ярыми поклонниками искусства большія денежныя суммы ихъ любимицамъ и любимцамъ. Что-же тутъ оскорбительнаго, что онъ, Вакулинъ, предложилъ ей помощь, угадывая въ ней недюжинное дарованіе, талантъ. Она, конечно, не приметъ ея, этой помощи, потому что она горда и независима и останется такой гордой и независимой всю жизнь, но оскорбляться словами Вакулина было-бы однимъ глупымъ ребячествомъ...

И вдругъ, взглянувъ на Юрія, Марина поймала его взглядъ, дерзкій, любующійся, чуть насмѣшливый, устремленный на нее съ жаднымъ упорствомъ.

„Такъ вотъ оно что!—мысленно произнесла молодая дѣвушка, содрогаясь и вся разомъ холодѣя отъ волненія: — такъ вотъ куда онъ гнетъ свои рѣчи... Онъ видитъ во мнѣ женщину, только женщину, которую можно купить... Онъ думаетъ, что все можно купить... Недаромъ-же онъ высказалъ это такъ цинично, просто въ свой послѣдній пріѣздъ къ нимъ въ Гавань".

И прежнее, давно было улегшееся чувство озлобленія противъ Вакулина, чувство страстной ненависти и борьбы проснулось въ Маринѣ и заполнило ее съ удвоенной силой.

— Юрій Юрьевичъ, — произнесла она зазвенѣвшимъ отъ волненія голосомъ, устремивъ на него свои зеленые глаза, ставшіе снова таинственными и загадочными, какъ и прежде. — Юрій Юрьевичъ, вы видите нашу vis-a-vis... Не правда-ли, она прелестна?.. Прелестна и умна, потому что послушала вашихъ рѣчей, такъ увлекательно смѣлыхъ, и поддалась имъ... Зато въ ея розовыхъ ушахъ брилліантовые шатоны, а платье сшито изъ настоящихъ кружевъ, и она извѣстна Петербургу по сценѣ, несмотря на молодость. Не вы-ли сдѣлали ей карьеру и отдали изъ вашихъ рукъ эту новую знаменитость толпѣ?..

Говоря это, Марина такъ и впилась глазами въ красивые холодные глаза Вакулина.

— Кто передалъ вамъ эти гнусныя сплетни, Марина Денисовна? — внезапно перемѣнившись въ лицѣ, произнесъ тотъ. — Если даже и было общее между мною и ею... то какое-же отношеніе можетъ имѣть это къ вамъ? Смѣлъ-бы я предложить вамъ помощь съ тѣми условіями, которыя... Вы не поняли меня... вы...

— Довольно! — перебила его Марина строго: — благодарю васъ за ваше сочувствіе и желаніе быть мнѣ полезнымъ, но, Юрій Юрьевичъ, вы забыли, что я хотя и бѣдная облагодѣтельствованная вашимъ отцомъ дѣвушка, но дѣвушка порядочной семьи, простой и честной... Я — не Зарская, Вакулинъ, и ваши слова оскорбляютъ меня... Прекратимъ-же нашъ разговоръ, ради Бога, онъ мнѣ непріятенъ.

— Вы не поняли меня, вы не поняли меня! — твердилъ Юрій, внезапно заражаясь ея волненіемъ. — Вы оскорбляете меня своими подозрѣніями... Боже мой, да неужели нельзя подняться выше шаблонныхъ условій общества и принять помощь просто, довѣрчиво, какъ сестра принимаетъ подарокъ брата. Вѣдь, вы приняли деньги отъ моего умершаго отца. Примите и отъ меня необходимую вамъ сумму, Марина Денисовна. Думайте, что и я — мертвый... И правда, я умру для васъ, какъ и вся эта толпа умретъ для васъ, когда, черезъ мѣсяцъ, вы станете женою Кодынцова. Я хочу только помочь вамъ пробить себѣ дорогу, и больше ничего. Поймите меня. Не истолковывайте-же моего порыва въ дурную сторону.

— Благодарю васъ,—произнесла взволнованная Марина, — я не нуждаюсь въ помощи. Я выхожу замужъ, и у меня будетъ мужъ, который позаботится о томъ, чтобы я не почувствовала неудобства или лишеній, — и она тотчасъ-же добавила болѣе спокойнымъ тономъ:— вы мнѣ позволите теперь покинуть кіоскъ? Лелечка меня замѣнитъ... Вся эта бальная сутолока дѣйствуетъ мнѣ на голову. Она разболѣлась не на шутку.

— Но вы позволите мнѣ проводить васъ до дому, по крайней мѣрѣ? — попросилъ Вакулинъ, и въ голосѣ его прозвучала неподдѣльная нотка горечи.

— Не безпокойтесь! меня проводитъ братъ Павелъ. Онъ тоже, кажется, не особенно наслаждается бальной атмосферой! — произнесла Марина, силясь спокойно и любезно улыбаться.

— Но... Марина Денисовна... — подхватилъ снова Вакулинъ, — вы, кажется, недовольны мною. Я искренне извиняюсь, если не сумѣлъ достаточно краснорѣчиво высказать свой порывъ, и вы не такъ поняли его, какъ-бы мнѣ этого хотѣлось.

— Я поняла васъ, Вакулинъ, такъ, какъ должна

была понять! — уклончиво произнесла Марина: — и прошу васъ, никогда-никогда не возобновляйте этого разговора, если не хотите лишить меня спокойствія.

— Но вы позволите мнѣ навѣщать васъ? — вырвалось у него порывомъ, и молодая дѣвушка убѣдилась, что этотъ спокойный и выдержанный человѣкъ не всегда умѣетъ владѣть собою.

— Я не смѣю сказать вамъ „нѣтъ“! — произнесла Марина, — потому что... Ну, да вы сами знаете, почему. Моя семья и я сама являемся обязанными вашему отцу, но, не скрою, ваши посѣщенія непріятно дѣйствуютъ на человѣка, спокойствіемъ котораго я дорожу.

— На вашего жениха? — съ живостью сорвалось съ устъ Вакулина.

— Да, на Сергѣя... на моего будущаго мужа,—твердо выдерживая его взглядъ, произнесла Марина.

— Вы боитесь его? — усмѣхнулся Юрій Юрьевичъ.

— Я люблю его! — поправила своего собесѣдника молодая дѣвушка.

— Неправда! — твердо проговорилъ Юрій. — Неправда! вы не любите его, вы не можете его любить! Этотъ бракъ, это — насиліе надъ собою, поймите меня! никому ненужное насиліе, Марина Денисовна!..

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но остановился, потому что къ нимъ въ эту минуту подбѣжала раскраснѣвшаяся Лелечка подъ руку съ Павлукомъ.

Марина сдала ей кіоскъ и направилась къ выходу, въ сопровожденіи брата и Вакулина.

Уже внизу, въ вестибюлѣ, накидывая на плечи Марины ротонду, Юрій Юрьевичъ шепнулъ ей:

— Во всякомъ случаѣ, не поминайте меня лихомъ, Марина Денисовна, прошу васъ! Право-же, я говорилъ все только въ видахъ вашего благополучія!

Марина молча кивнула головой и уѣхала съ братомъ, а Вакулинъ повернулъ обратно въ залъ.

XVI.

Марина сидѣла взволнованная и грустная въ своей уборной. Эта недѣля послѣ благотворительнаго вечера протянулась какимъ-то тоскливымъ кошмаромъ. Въ театрѣ вышла непріятность. Донская-Звонская отказалась играть жену Генриха-литейщика; пришлось замѣнить ее второстепенной актрисой. Костюмы, присланъ-

ные поставщикомъ-костюмеромъ ихъ театра, оказались далеко не удовлетворительными для Марины. Дешевый парикъ сидѣлъ плохо. Теперь уже было поздно добывать другой парикъ и костюмы, да и не изъ чего. Тѣ тысяча двѣсти рублей, которые пришлись на ея долю, давно вышли на покупку ротонды, платьевъ, необходимыхъ и самыхъ скромныхъ брилліантовъ да нарядного бѣлья, неизбѣжной принадлежности даже самой маленькой актрисы. Нарядное бѣлье показывало извѣстный шикъ, умѣнье одѣться, и безъ него никакъ уже нельзя было обойтись. А оно стало очень дорого, и Марина издержала на него послѣднія деньги; даже пришлось призанять у Лелечки, великодушно предложившей свои услуги.

А тутъ еще Граня. На Граню уже жаловались изъ гимназіи, грозили исключеніемъ. Они съ Берлингомъ влопались въ какую-то непріятную исторію въ ресторанѣ, и пришлось откупаться, чтобы исторія не получила огласки. Гранина часть испарилась уже давно, какъ дымъ, о ней не было и помина, пришлось позаимствоваться у той-же Лелечки, чтобы выручить его. И Павлукъ ходилъ, какъ въ воду опущенный, и нылъ, что у него нѣтъ денегъ и что деньги нужны до-зарѣзу. Словомъ, вся семья Лоранскихъ разомъ пришла къ тому заключенію, что сумма въ пять тысячъ— далеко не такая крупная сумма, какою показалась имъ вначалѣ, и что лучше ея совсѣмъ не было-бы: по крайней мѣрѣ, они не были-бы выбиты изъ колеи внезапно осыпавшимися на нихъ золотыми крохами.

Но, что было хуже всего, такъ это то, что приходилось скрывать все это отъ матери. И дѣти лгали во-всю довѣрчивой и добродушной Марьѣ Дмитріевнѣ, чтобы только не лишить старушки спокойствія.

Все это было крайне непріятно и не могло не отразиться на настроеніи Марины. Ко всему еще примѣшивалась и новая тревога. Марина явно сознавала, что прежнія хорошія, теплыя отношенія къ Кодынцову уже не вернутся. Прежній милый, добродушно-веселый Сержикъ куда-то безслѣдно исчезъ, на его мѣсто появился новый подозрительный, ревнивый и страдающій Кодынцовъ, который возбуждалъ какое-то непріязненное чувство отчужденія въ Маринѣ. Она съ ужасомъ думала о той минутѣ, когда войдетъ его женою въ его

скромную квартирку и смѣшается съ его будничной жизнью, возбуждающей въ ней теперь такое гнетущее, тяжелое чувство.

Образъ Сергѣя какъ-то заслонялся другимъ... Вакулинъ, съ его дерзкой рѣчью и любующимся взглядомъ, стоялъ между Мариной и ея женихомъ.

Но если она разлюбила послѣдняго, то не любила и перваго. Маринѣ просто безумно нравилось въ Юріи все: и независимость, и барство, и умѣнье держать себя такъ джентльмэнски — ровно и эффектно.

„Его нельзя любить! Онъ черезчуръ опасенъ!“ — урезонивала себя Марина и заранѣе знала, что полюбить Вакулина она не можетъ.

И все-таки какая-то непреодолимая сила влекла къ нему молодую дѣвушку и наполняла ея мысли о немъ.

Сидя въ своей уборной и предоставивъ себя парикмахеру, который съ какимъ-то глухимъ ожесточеніемъ напяливалъ на голову Марины черезчуръ маленькій для ея головы парикъ, она сейчасъ думала о немъ... о немъ и о Кодынцовѣ.

Они оба были съ нѣкоторыхъ поръ неразлучны въ мысляхъ Марины. Начиная думать объ одномъ, она заканчивала мыслью о другомъ. Это было дико, несносно и раздражало Марину. Наканунѣ Сергѣй былъ у нихъ вечеромъ и въ первый разъ Марина почувствовала легкую досаду при его появленіи. Она сама испугалась своего чувства и приписала его волненію предстоящей серьезной роли, которую Сергѣй своимъ появленіемъ помѣшалъ ей повторить. Это раздраженіе противъ жениха не могло улечься во весь вечеръ... А онъ былъ, какъ нарочно, особенно нѣженъ и предупредителенъ къ Маринѣ. И даже когда Марина холодно запретила ему идти смотрѣть ее въ театрѣ, онъ и то безропотно согласился, не освѣдомляясь даже о причинѣ, побудившей Марину наложить это „veto“.

Впрочемъ, Марина тутъ-же пояснила свое странное запрещеніе.

— Костюмы у меня убогіе... и парикъ не идетъ, и вообще... ну, не хочется, словомъ, чтобы меня видѣли „свои“ въ этой роли. Даже Лелечки не пущу, — говорила она тономъ недовольнаго ребенка.

Да, вчера она запретила это, а теперь ей было уже

досадно на себя. Ея настроеніе становилось несноснымъ и никого-никого изъ своихъ, кто-бы могъ утѣшить и развлечь ее.

„И хотя-бы Лелечку взяла съ собой, — раздражалась Марина. — Лелечка такъ сумѣла-бы успокоить!“

Марина машинально глянула въ зеркало и по лицу ея пробѣжала недовольная гримаска: на нее смотрѣло чужое лицо, разомъ подурнѣвшее отъ нависшихъ вокругъ него рыжихъ прядей парика, почти некрасивое и вовсе не интересное.

— Ахъ, нѣтъ, долой эту гадость! — зазвенѣлъ ея голосъ и Марина рѣзко сорвала съ головы парикъ.

— Дѣйствительно, парикъ не идетъ mademoiselle!— покорно согласился парикмахеръ. — Пускай лучше mademoiselle останется при своихъ волосахъ, благо mademoiselle и безъ парика красавица!

Отъ парикмахера пахло водкой, и Марина была рада-радешенька, когда онъ ушелъ изъ уборной, унося съ собой злополучный парикъ.

Дѣвушка поспѣшно расчесала свои густые черные волосы и прямыми ровными прядями выпустила ихъ вдоль стана. Потомъ она наколола на нихъ вѣнокъ искусственныхъ незабудокъ и, поспѣшно смазавъ лицо вазелиномъ, стала гримироваться.

За пять минутъ до начала Марина была уже готова. Въ газовой коротенькой юбочкѣ лѣсной эльфы, въ красивой серебристой рубашкѣ, надѣтой поверхъ трико, съ прозрачными крылышками за спиной, Марина казалась много миніатюрнѣе и моложе. Она казалась дѣвочкой, прелестной граціозной дѣвочкой, въ этомъ эффектно-скромномъ костюмѣ.

Когда Марина выпорхнула на сцену, прелестная, какъ бабочка, съ электрической лампочкой въ черныхъ кудряхъ, ея сначала не узнали въ залѣ, но, лишь только она заговорила, театръ дрогнулъ отъ рукоплесканій и покрылъ ея слова восторженнымъ гуломъ и криками.

Марина торжествовала: вся эта разношерстная уже знакомая и милая ея душѣ толпа встрѣтила ее, какъ любимицу.

Весь актъ Марина провела съ неподражаемой дѣтской граціей полуженщины, полуэльфы, увидѣвшей въ первый разъ что-то новое, что-то чуждое и плѣнительное, что было много лучше и ея стараго вѣкового лѣса, и

бабушки-колдуньи, и дѣдушки-водяного, смѣшно выкрикивающаго изъ колодца свое: „бре-ке-ке-ке-ксъ“!

И, когда подъ конецъ акта прелестная маленькая фея Раутенделейнъ рѣшается уйти въ иной міръ, въ міръ чувствъ, скорби, борьбы, любви и счастья, ея крикъ на вопросъ, куда она уходитъ: „туда, къ людямъ!“, прозвучалъ такимъ подъемомъ, такимъ дѣтскимъ восторгомъ, смѣшаннымъ съ увѣренностью, что она найдетъ тамъ счастье, во что-бы то ни стало, что весь театръ откликнулся гуломъ аплодисментовъ на этотъ молодой страстный вызовъ судьбѣ.

Когда Марина, задыхаясь, охваченная, какъ бурей, налетѣвшимъ на нее подъемомъ, вышла раскланиваться на авансцену, ея сердце снова наполнилось досадой, что никто изъ „своихъ“ не присутствуетъ въ театрѣ и не можетъ видѣть ея успѣхъ.

И вдругъ невидимая изъ оркестра рука подала ей тяжелую корзину, наполненную бѣлыми, какъ снѣгъ, лиліями.

Вся взволнованная неожиданностью, дѣвушка взглянула въ партеръ, и сердце ея забилось усиленнымъ темпомъ... Въ первомъ ряду креселъ сидѣлъ Вакулинъ.

Радостная, трепещущая, Марина низко поклонилась ему. Это не была благодарность за цвѣты, нѣтъ! Она просто была счастлива его присутствіемъ сегодня, когда Марину, болѣе чѣмъ когда-либо, влекло къ нему.

И Юрій Юрьевичъ, должно быть, почувствовалъ это, и потому неуловимое для другихъ, но понятное одной Маринѣ выраженіе отвѣтнаго счастья освѣтило все его красивое лицо. Между элегантнѣйшимъ представителемъ публики и прелестной феей Раутенделейнъ словно протянулись какіе-то невидимые проводы, соединившіе ихъ другъ съ дугомъ въ гармоническое цѣлое.

Второй актъ, гдѣ преобразившаяся изъ лѣсной эльфы въ молоденькую крестьяночку Марина, проникшая въ домъ умирающаго литейщика, впервые чувствуетъ волненіе любви, этотъ актъ особенно удался ей.

Граціозный обликъ феи Раутенделейнъ полонъ неизъяснимой прелестью въ своей новой окраскѣ съ пробуждающейся любовью полуженщины, полудріады.

Юрій Юрьевичъ смотрѣлъ на дѣвушку, и его усталое отъ всякихъ пережитыхъ впечатлѣній жизни сердце снова оживало. Марина Лоранская наполнила всѣ фибры

его существа. Что-то новое, неподражаемо-своеобразное было въ ней. И пресыщенному жизнью молодому человѣку казалось, что онъ не видѣлъ женщинъ лучше Марины. Въ ихъ послѣднее свиданіе Марина оттолкнула его, запретила ему видѣться съ нею, и это придало ей еще больше цѣны въ глазахъ Вакулина. Болѣе остраго чувства онъ не испытывалъ никогда въ жизни. Ему безумно хотѣлось сломать эту гордую, независимую дѣвушку, разбить ея упрямство, силой извлечь ее изъ ея скорлупы улитки, куда она постоянно уходила отъ него, доказать ей, что міръ, окружающій ее, не есть ея міръ, заставить ее подчиниться себѣ и въ то-же время осыпать ее, гордую, непокорную, злую къ нему, безумными ласками и жгучими порывами.

Когда эльфѣ удается, наконецъ, увлечь литейщика Генриха, отдававшагося до сихъ поръ только одной идеѣ созданія своего феноменальнаго колокола, и онъ, какъ властелинъ лѣса, какъ король фантастически-волшебнаго лѣсного мірка, является возлюбленнымъ Раутенделейнъ, послѣдняя словно преображается. Это— уже не прежній безпечный эльфъ-ребенокъ, собирающій брызги изъ колодца дѣдушки-водяного и лазурные цвѣты въ лѣсной чащѣ, это — женщина. Въ ней просыпаются и лукавство, и страсть, и чары, опутывающія литейщика невидимой, но прочно сотканной паутиной. Ея русалочьи глаза полны призыва и страстныхъ обѣтовъ счастья, ея блѣдное лицо подъ прикрытіемъ струящихся прямыми прядями по обѣ его стороны волосъ, выражаетъ теперь столько жгучей влюбленной ласки,— ласки русалки, готовой и полюбить, и загубить въ одно и то-же время!

Вакулинъ просидѣлъ весь актъ, какъ на горячихъ угольяхъ. Увидѣть ее, увидѣть, во что-бы то ни стало, встрѣтить на себѣ ея мерцающій взглядъ и потомъ отпустить ее съ Богомъ въ тотъ міръ, откуда она не хочетъ уйти, несмотря на то, что кажется въ немъ только гостьей!

„Милая! прелесть! чаровница!“—хотѣлось крикнуть молодому человѣку въ ту минуту, когда, кончивъ сцену третьяго акта, Марина выходила кланяться толпѣ.

Она сама была, какъ въ дурманѣ. Роль удалась ей помимо ожиданія, и удалась блестяще.

— Вы очень мило играете, — встрѣтила ее съ кис-

лой улыбкой за кулисами Донская-Звонская, — только, милушка моя, что за ужасъ эти костюмы! Точно изъ табачной лавочки! Для такихъ ролей необходимо свои костюмы имѣть, иначе впечатлѣніе теряется!

„Пусть! пусть! пусть! — пѣло и ликовало что-то внутри Марины. — Пусть дурны и несоотвѣтственны мои костюмы, а все-таки ты завидуешь мнѣ, завидуешь! завидуешь!“

И, дерзко бросивъ счастливую, торжествующую улыбку въ лицо Донской, Марина прошла въ уборную. Тамъ она подошла къ зеркалу, машинально взглянула въ него и... не узнала себя.

Это лицо — не ея лицо. И улыбка не ея, и выраженіе глазъ... и вся эта упоенная торжествомъ красивая лѣсная дріада, неужели это — она, Марина, будущая жена бѣднаго чиновника, скромная обитательница сѣраго домика въ Галерной гавани?

И вдругъ ей стало безконечно жаль себя.

Вакулинъ правъ! она погибнетъ тамъ, пришибленная обстановкой. Она не для нихъ, она чужда имъ всѣмъ, живущимъ тамъ у сѣраго, туманнаго залива въ жалкой лачужкѣ ея матери. Вакулинъ правъ! тамъ ея гибель и могила ея таланта. Что ждетъ ее впереди? Семья, мужъ, дѣти... и изрѣдка этотъ колоссальный успѣхъ у этой милой публики, восторженный ревъ которой еще доносился къ ней за кулисы. Но что еще хуже — возвращаться послѣ каждаго тріумфа въ сѣрые будни, къ нелюбимому мужу.

Да, къ „нелюбимому“! Она твердо произнесла въ душѣ это слово и удивилась разомъ наставшему спокойствію, воцарившемуся теперь въ ея сердцѣ.

Образъ Сергѣя окончательно былъ вытѣсненъ изъ него и ушелъ куда-то далеко-далеко... Предъ ней издалека предстало его плачущее, искаженное лицо, не возбуждающее въ ней ни любви, ни жалости. И опять-таки рядомъ съ нимъ — красивый, благородный обликъ изящнаго, эффектнаго Вакулина.

— Боже мой! Да я люблю его!—съ ужасомъ вырвалось изъ груди Марины, и она испуганными, недоумѣвающими глазами обвела свою крошечную уборную.

Взглядъ ея остановился на бѣлыхъ лиліяхъ, поднесенныхъ ей Юріемъ Вакулинымъ. Въ ихъ мистически-дурманящемъ ароматѣ было столько напоминаю-

щаго Маринѣ „его“, что она инстинктивно оттолкнула отъ себя корзинку и невольно закрыла руками свое пылающее лицо.

И страстное, непреодолимое желаніе увидѣть Юрія, сейчасъ, сію-же минуту, во что-бы то ни стало, охватило могучимъ порывомъ молодую дѣвушку... увидѣть и потомъ уйти навсегда, навѣки... домой, въ сѣрые, непроницаемые будни...

И самая сказка Гауптмана, красивая символическая сказка, такъ содѣйствовала сладкому дурману, охватившему ее! Дѣйствительности не было, дѣйствительность ушла куда-то въ сѣромъ туманѣ и между этимъ сѣрымъ туманомъ и самой Мариной поднялось розовое облако, обвѣявшее ее со всѣхъ сторонъ.

Что-то новое, сладкое, какъ сонъ дѣтства, и влекущее къ себѣ необъяснимо чудилось Маринѣ въ этомъ розовомъ облакѣ ея новыхъ грезъ.

„Иди,—казалось, говорилъ чей-то голосъ, доносящійся къ ней отдаленнымъ, но безконечно-милымъ звукомъ:—иди сюда, здѣсь свѣтъ, жизнь, счастье!“

— Можно войти?—послышалось за дверью, и розовое облако разомъ развѣялось, уступая мѣсто прежней дѣйствительности.

Марина не успѣла отвѣтить, потому что тотъ, чей голосъ прозвучалъ только что за дверью, стоялъ на порогѣ ея уборной.

— Вы?—вырвалось счастливымъ звукомъ изъ груди дѣвушки, и она вся рванулась навстрѣчу къ Вакулину.

— Вы не гнѣваетесь на меня, что я пришелъ, несмотря на ваше запрещеніе?—спросилъ тихимъ взволнованнымъ голосомъ Вакулинъ, принимая ея протянутыя руки въ свои.

— О!—могла только отвѣтить Марина, обнимая всю статную, красивую фигуру его счастливымъ взоромъ.— Я, вѣдь, знала, что вы придете! Я ждала васъ!

Послѣднія слова вырвались у нея помимо воли. Это было почти признаніе... доказательство его необходимости ей... ея влеченія къ нему.

Но Марина не обратила на это даже вниманія. Какая-то волна подхватила ее и уносила все дальше и дальше. Ей хотѣлось слушать голосъ Юрія, любоваться его красивымъ лицомъ, чувствовать его нѣжное и сильное пожатіе. Вакулинъ не выпускалъ ея рукъ даже и

тогда, когда сѣлъ на низенькій пуфъ, около ея туалетнаго столика, предъ которымъ она опустилась, обезсиленная своимъ порывомъ счастья. Марина смотрѣла на него и только повторяла отъ времени до времени:

— Какъ хорошо, что вы пришли сегодня!.. именно сегодня... Я ждала васъ... Я хотѣла васъ видѣть.

— Почему? — спросилъ Вакулинъ, невольно понижая голосъ.

И Марина вмѣсто отвѣта повторяла опять:

— Я ждала васъ... я хотѣла васъ видѣть. Какъ хорошо, что вы пришли!...

Рѣзкій звонокъ, призывавшій къ началу послѣдняго акта, заставилъ ихъ вздрогнуть. Марина знала, что, перешагнувъ порогъ ея уборной, Юрій уже никогда не вернется къ ней. Онъ не долженъ вернуться. Черезъ мѣсяцъ ея свадьба... Съ концомъ сказки ея розовое облако развѣется, какъ дымъ, и унесетъ съ собою тотъ чудный призракъ зарождающагося счастья, приподнявшаго ей свою таинственную завѣсу.

— Это — конецъ? не правда-ли? да? скажите! — произнесъ Вакулинъ, словно угадывая ея мысли, и голосъ его задрожалъ, какъ натянутая струна. — Но это жестоко, нелѣпо, безжалостно... Сама судьба всѣми силами соединяетъ насъ, помимо нашей воли, а вы хотите побѣдить ее, вы — злая, недобрая, чудная дѣвушка!

— Прощайте, Вакулинъ! — произнесла вмѣсто отвѣта упавшимъ голосомъ Марина. — Думайте обо мнѣ, что хотите... но я не могу, не должна видѣться съ вами! Сегодняшній вечеръ — послѣдній.

— Такъ дайте-же мнѣ его, этотъ вашъ сегодняшній вечеръ, Марина! — произнесъ онъ съ горячностью, которую она и не ожидала встрѣтить у него. — Дайте мнѣ одинъ только сказочный, волшебный вечеръ... одинъ только! И я буду смотрѣть на него, какъ на чудную, упоительную сказку, и буду помнить о немъ всю жизнь! Всю долгую жизнь, Марина! Фея Раутенделейнъ! слышишь-ли ты меня?

— Вакулинъ! — холодно начала Марина, но, взглянувъ въ его лицо, разомъ осѣклась.

Его глаза сіяли властнымъ призывомъ, устремленные въ самую глубь ея глазъ, а губы дрожали отъ волненія...

— Фея Раутенделейнъ! — говорилъ онъ срываю

щимся голосомъ. — Докажи, что ты, дѣйствительно, фея, а не женщина! Подари меня счастьемъ! безумнымъ счастьемъ твоего присутствія! Дай мнѣ упиться имъ! Будь выше толпы, прелестная, чарующая фея!

— Послушайте... зачѣмъ вы?... Не просите... не надо...—взволнованно прервала его молодая дѣвушка,— я чужая для васъ и не могу быть иной. Поймите-же меня, наконецъ, Вакулинъ, поймите меня!

— Я не прошу у васъ любви, Марина, я не смѣю просить—она принадлежитъ другому... но мигъ счастья, одинъ мигъ счастья! Неужели вы не подарите его мнѣ? Или вы не вѣрите въ мою порядочность? Марина! не вѣрите вы, твердая, упрямая, сильная, прекрасная? Да будьте-же вы, наконецъ, внѣ толпы, выше нашихъ мелочныхъ, пустыхъ, расчетливыхъ женщинъ! Будьте сверхженщиной, такой, какой вы мнѣ постоянно казались!.. Вы живете сейчасъ плѣнительной, поэтической сказкой, вы — фея, чуждая людской пошлости и суеты. Хотите продлить эту сказку за грани дѣйствительности? Хотите, Марина? Только сегодня, сегодня выпить полную чашу удовольствія, счастья? Простите мнѣ мою самоувѣренность! И это не помѣшаетъ вамъ остаться чистой, прекрасной Мариной и вѣрной подругой вашего будущаго мужа. Мы — друзья! мы — только друзья, Марина, и жаждемъ оба поэзіи и сказки въ равной степени... Хотите осчастливить меня? Отвѣтьте-же мнѣ, дорогая!

Марина сидѣла, какъ завороженная, предъ нимъ. Каждое слово западало ей въ самую глубь души. Его глаза, властные, красивые, жгли ее своимъ жгучимъ огнемъ.

Безумная потребность забыться на мгновеніе отъ скучной, опошленной мелочностью жизни проснулась въ ней съ необычайной силой. Пусть завтра наступитъ неизбѣжное „завтра“, но „сегодня“ должно принадлежать ей. „Она — фея“, — сказалъ Вакулинъ, и хочетъ остаться феей, по крайней мѣрѣ, хотя сегодня, а тамъ опять сѣрый домикъ, довольное лицо Сержика, хлопотливая мѣщанская сутолока, брюжжанье Грани, вульгарное выкрикиваніе Θеклы...

„Бррр! ужасъ!“—вздрогнула всѣмъ тѣломъ Марина, воспроизведя предъ своими мысленными взорами знакомую картину.

А тутъ этотъ независимый, гордый человѣкъ такъ униженно молитъ ее о каплѣ счастья, человѣкъ, къ которому ее влечетъ неудержимо, который заполняетъ собою ее всю, всю безъ изъятія. И отказать себѣ въ счастьѣ провести съ нимъ, съ этимъ красивымъ, нѣжнымъ влюбленнымъ въ нее Юріемъ нѣсколько часовъ?.. не видѣть даже крохотнаго просвѣта, не подышать тѣмъ воздухомъ, какимъ дышатъ другіе, люди богатые, сильные, независимые!..

И снова жгучая и жуткая, по своей мощи, волна захлестнула Марину.

— Фея Раутенделейнъ,—медленно произнесла она, поднимая на Юрія свои загадочно мерцающіе изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ глаза:—фея Раутенделейнъ согласна... Но помните, Юрій, она должна быть свободной и вполнѣ недосягаемой, какою можетъ быть одна только фея.

— Моя порядочность въ томъ порука. И ваше желаніе—мой законъ!—низко склоняясь предъ Мариной своей красивой головою, произнесъ Вакулинъ.

— И, помните, я жажду сказки! только сказки!—подчеркнула Марина значительно.—Я хочу сказки чистой и нарядной, потому что вся дѣйствительность такъ грязна, мелка и ничтожна кругомъ.

— О, за этимъ я не постою!—произнесъ ликующій Юрій,—разъ фея Раутенделейнъ подаритъ меня своимъ присутствіемъ,—и прибавилъ тихо:—послѣ окончанія буду ждать васъ на подъѣздѣ.

И, еще разъ склонившись предъ нею, Вакулинъ вышелъ изъ уборной такъ-же быстро, какъ и вошелъ туда.

А Марина осталась въ какомъ-то сладкомъ чаду. Въ чаду-же доигрывала она пьесу, вызывая нескончаемыя одобренія толпы, въ чаду, подъ гулъ апплодисментовъ, сбрасывала съ себя костюмъ въ уборной по окончаніи акта и дрожащими руками наскоро заплетала свои длинныя черныя косы. Этотъ чадъ длился и тогда, когда она вышла на подъѣздъ, гдѣ ее, какъ и въ вечеръ дебюта, ждала неугомонная толпа. Но Марина никого не видѣла, кромѣ „его“. Вакулинъ встрѣтилъ ее съ ликующей улыбкой, заботливо усадилъ въ изящныя, нарядныя сани и, негромко приказавъ что-то кучеру, помѣстился рядомъ съ Лоранской.

XVII.

Юрій Вакулинъ сдержалъ свое слово: это была сказка, о которой не имѣла представленія до сихъ поръ Марина. Породистый рысакъ мчалъ ихъ по освѣщеннымъ улицамъ столицы, мчалъ, какъ вихрь, выбрасывая изъ-подъ копытъ комья снѣга и обдавая ими лица прохожихъ.

Они миновали патріархально спящій островъ и берегъ, съ его увязшими во льду на зимней стоянкѣ судами, переѣхали Николаевскій мостъ и ускоренной рысью помчались по набережной.

— Фея Раутенделейнъ! вамъ не скучно со мною?— наклоняясь къ уху Марины, произнесъ Юрій, когда они уже были по ту сторону Невы.

Онъ хранилъ молчаніе до этой минуты, не желая выводить дѣвушку изъ ея сладкаго оцѣпенѣнія раздумья. Теперь при первомъ-же звукѣ его голоса Марина вздрогнула и взглянула на него.

— Феи не скучаютъ! — улыбнулась она въ отвѣтъ.— Или вы не знали этого?

И взглядомъ безсознательнаго кокетства Марина отвѣтила на его загорѣвшійся взглядъ.

Какъ разъ въ эту минуту они остановились у подъѣзда дома-особняка на Галерной набережной. Окна дома были ярко освѣщены; въ нихъ мелькали черезъ опущенныя шторы силуэты людей. Изъ наряднаго подъѣзда выскочилъ швейцаръ и предупредительно высадилъ изъ саней Марину.

— Куда вы привезли меня? — обратилась она къ своему спутнику, поднимаясь съ нимъ по обитой ковромъ нарядной лѣстницѣ.

— Туда, гдѣ вамъ не будетъ скучно!—возразилъ онъ съ тихимъ смѣхомъ и распахнулъ предъ нею двери.

Марина переступила порогъ и остановилась.

Роскошно убранная большая гостиная сіяла всѣми огнями своихъ люстръ, бра и канделябровъ. Оранжевая съ золотомъ въ стилѣ empire мебель поражала своимъ богатствомъ. Пушистые ковры крыли полъ комнаты, тяжелыя портьеры изъ дорогихъ тканей свѣшивались по обѣ стороны дверей и оконъ. Дорогіе гобелены и картины, творенія лучшихъ художниковъ, сплошь укрывали стѣны гостиной. Въ углахъ ея уютно

ютились небольшія бесѣдочки, обвитыя тропическими растеніями; въ нихъ стояли хорошенькія миніатюрныя канапе и козетки. Громадныя венеціанскія зеркала во всю стѣну отражали въ себѣ всю эту поистинѣ сказочную роскошь.

Нарядная гостиная была полна народа. Преобладали мужчины въ изысканныхъ смокингахъ и сюртукахъ и военная молодежь въ мундирахъ лучшихъ полковъ столицы. Были и дамы, пять или шесть дамъ счетомъ, элегантныхъ и нарядныхъ, залитыхъ брилліантами, въ открытыхъ, чуть-ли не бальныхъ туалетахъ. При появленіи Вакулина и его спутницы всѣ взоры устремились на нихъ. Многіе изъ гостей пошли къ нимъ навстрѣчу, не спуская съ Марины взоровъ, полныхъ восхищенія.

— Mesdames и messieurs! — обратился Вакулинъ къ обществу, — позвольте познакомить васъ съ новой восходящей звѣздой нашего театральнаго міра, съ талантливой артисткой Мариной Денисовной Лавровской. Марина Денисовна оказала мнѣ честь своимъ присутствіемъ на моемъ вечерѣ, и я безконечно счастливъ, что имѣю случай познакомить ее съ моими друзьями.

И, сказавъ это, Юрій подвелъ Марину къ дамамъ, встрѣтившимъ ее съ веселыми привѣтствіями.

— Она прелестна! — произнесъ красивый гусаръ на-ухо длинному штатскому съ лошадинымъ профилемъ.

— Блѣдная немного... Впрочемъ, c'est moderne!— процѣдилъ тотъ сквозь зубы, ловкимъ движеніемъ руки взбрасывая въ глазъ монокль.

— Глаза поразительные... И что-то экзотическое въ ней! — вмѣшался шепотомъ маленькій толстенькій и эластичный, какъ мячъ, конногвардеецъ, — Зарская предъ ней просто мышка.

— Милочка, она изъ порядочной семьи, говорятъ!— процебетала одна дама на-ушко другой.

— А, вздоръ... до поры до времени всѣ порядочныя! — отвѣтила та, играя подрисованными глазками.

Марина не могла слышать всю эту перекрестную трескотню; а если-бы и слышала, не обратила-бы на нее вниманія: она была какъ во снѣ. Предъ нею низко склонялись въ почтительномъ поклонѣ всѣ эти раздушенныя, искусно причесанныя головы, ей высказывали

тонкую, неуловимую лесть по поводу ея красоты, игры, таланта...

Съ первой-же минуты Марина поняла, что весь этотъ вечеръ устроенъ для нея заблаговременно Вакулинымъ. Она — его хозяйка, она — его царица. Марина даже не оскорбилась тѣмъ, что Вакулинъ не усумнился въ ея согласіи и заблаговременно сдѣлалъ всѣ нужныя заготовленія. Самоувѣренность Вакулина не обидѣла ея.

„Онъ любитъ меня! Онъ любитъ меня!“ — твердило въ Маринѣ все, и она не могла оскорбиться этой любовью, заставившей его быть такимъ самоувѣреннымъ и смѣлымъ, и головка ея гордо поднималась отъ сознанія, что этотъ богачъ-милліонеръ, предъ которымъ все заискиваетъ, онъ, хозяинъ этого роскошнаго дома, о существованіи котораго она даже не подозрѣвала, онъ любитъ ее и жаждетъ ея расположенія и дружбы.

Видъ чужого богатства сильнѣе всякаго наркоза ударилъ въ голову Марины. Эта обстановка, о которой она судила до сихъ поръ только по романамъ, эти великолѣпныя картины, эти пушистые ковры, въ которыхъ тонули ноги, какъ въ мягкой муравѣ, — все это поднимало ея нервы, возбуждало ее, заставляло разгораться ея глаза огнемъ восторга, счастья... Марину даже не смущалъ ея собственный нарядъ, слишкомъ скромный для всей этой обстановки. Ея простое суконное сѣрое платье своей изящной простотой рѣзко отличалось отъ эффектныхъ костюмовъ прочихъ дамъ и этимъ еще болѣе подчеркивало ея своеобразную красоту.

Это говорилъ влюбленный и нѣжный взглядъ Юрія, не оставлявшій ея ни на минуту.

И Марина забыла весь міръ теперь, все, все рѣшительно, кромѣ этого нѣжнаго завораживавшаго ее взгляда.

За ужиномъ Юрій сидѣлъ подлѣ нея и служилъ ей, какъ можетъ только одинъ рабъ служить своей царицѣ.

Это былъ изысканный ужинъ, состоявшій изъ нескончаемаго ряда яствъ и винъ.

Послѣднія лились рѣкою. И каждый тостъ былъ сопряженъ съ именемъ Марины. Пили за ея счастье, за ея славу, за театральную карьеру, за успѣхъ, за несравненную красоту.

И каждый разъ, когда она чокалась съ Юріемъ, его глаза особенно долго останавливались на ея лицѣ,

и Марина читала въ этомъ взглядѣ и безумную страсть, и безумную тоску въ одно и то-же время.

„Да! да!—казалось, говорилъ онъ своимъ влюбленнымъ взглядомъ. — Сегодня ты со мною, завтра тебя не будетъ. Дай-же мнѣ упиться тобою, твоимъ видомъ, твоимъ присутствіемъ, милая, любимая, дорогая!“

И Вакулинъ упивался ею, упивался молча, съ какимъ-то жгучимъ наслажденіемъ.

Въ срединѣ ужина появились цыгане. Ихъ тоскливо-страстные голоса какъ нельзя болѣе подходили къ настроенію Марины. Сладкій трепетъ прохватывалъ ее всю, казалось, до костей при этихъ заунывно-нѣжащихъ звукахъ; сердце, опаленное жгучимъ порывомъ, билось и замирало въ тактъ пѣсенъ.

«Тебя отнимутъ отъ меня
Ты не мой, я не твоя»... —

выводила гортаннымъ захватывающимъ голосомъ одна изъ солистокъ и весь хоръ подхватывалъ съ какимъ-то жуткимъ ожесточеніемъ:

«Ты не мой, я не твоя!»

И сердце Марины откликалось всѣми своими фибрами на эту пѣсню.

Да, ее отнимутъ отъ него, милаго, красиваго, гордаго, элегантнаго, который такъ умѣетъ любить и такъ умѣетъ выражать свою любовь. И какой онъ чуткій, ненавязчивый, воспитанный! Только люди его круга могутъ быть такими. Онъ даже ни разу не произнесъ этого „люблю“, не произнесъ въ силу ея исключительнаго положенія невѣсты другого.

„О! милый! милый! тысячу разъ милый!“—твердило опьяненное счастьемъ сердце Марины.

Ужинъ кончился поздно. Цыгане, щедро вознагражденные молодымъ хозяиномъ, удалились съ громкими пожеланіями и благодарностью.

Марина, голова которой кружилась и отъ выпитаго съ непривычки шампанскаго, и отъ ея шумнаго успѣха и усталости, съ трудомъ встала изъ-за стола и вышла за всѣми въ гостиную.

Гости шумно собирались по домамъ. Послѣ ужина языки развязались, рѣчи и смѣхъ стали громче, вольнѣе. Нарядныя дамы свободными шутками отвѣчали на шутки кавалеровъ, но Марина не замѣчала

ничего. Она какъ-то счастливо оглядывала всю эту роскошь и слушала рѣчи Юрія, не отстававшаго отъ нея ни на шагъ.

— Вамъ нравится моя хата, Марина Денисовна? — говорилъ онъ. — Я ужасно счастливъ! Вы — артистка-художница, а вкусъ художника, это — все! Этотъ домъ и обстановку я пріобрѣлъ по случаю послѣ смерти отца у одного разорившагося аристократа. Вы еще не видѣли внутреннихъ комнатъ. Я покажу вамъ ихъ... когда гости разъѣдутся. Желаете? Или вамъ это будетъ непріятно?

Непріятно ей? Побыть съ нимъ, отдалить еще хотя на мигъ разлуку? О! непріятно быть съ тѣмъ, кто приподнялъ предъ ней дверцы той клѣтки, въ которой она была заключена, какъ бѣдная плѣнная птичка, и показалъ ей настоящую жизнь, полную блеска, роскоши и безумнаго счастья?

Къ тому-же его тонъ, его почтительная готовность исполнить малѣйшее ея желаніе трогали ее чуть не до слезъ, поднимали въ ней и жгучую любовь къ нему, и жгучую жалость къ себѣ, при одной мысли, что она должна будетъ сейчасъ лишиться его и всей этой сказочно-прекрасной поэмы сегодняшней ночи.

Эта мысль гвоздемъ вонзилась въ мозгъ Марины, когда, по исчезновеніи послѣдняго гостя, она, притихшая при видѣ новой окружающей ее роскоши, шла, слѣдуя за Вакулинымъ, по чудесно обставленнымъ комнатамъ его наряднаго дома.

Картины, бронза, позолота, изящныя бездѣлушки, не говоря уже о мебели, послѣднемъ словѣ моды и искусства, — все это мѣнялось, какъ въ калейдоскопѣ, предъ глазами дѣвушки.

Одна изъ комнатъ особенно привлекла ея вниманіе. Это былъ прелестный, какъ нарядная бомбоньерка, розовый будуаръ, весь обитый нѣжнымъ атласомъ того неуловимаго оттѣнка, который напоминаетъ или утреннюю зарю, или разгорѣвшуюся щечку самой молоденькой дѣвушки. Крошечные розовые диванчики въ стилѣ Людовика XVI, кресла и пуфы, изящныя ширмочки, съ рисунками по фарфору, такой-же каминъ съ фарфоровой крышкой и прелестнѣйшимъ экраномъ въ видѣ бабочки... По стѣнамъ, затянутымъ отъ потолка до пола атласной матеріей, картины-миніатюры,

нѣсколько свободнаго содержанія, въ углу громадное трюмо. На изящныхъ этажеркахъ масса дорогихъ бездѣлушекъ изъ vieux-саксъ и бронзы, серебра и хрусталя.

— Какая прелесть! — произнесла въ восхищеніи Марина, оглядывая прелестную комнату.

— Не правда-ли, хорошо? — согласился ея спутникъ. — Это — будуаръ княгини, жены несчастнаго банкрота. А вотъ и ея спальня.

И, говоря это, Юрій Юрьевичъ толкнулъ невидимую дверь, искусно вдѣланную среди буффъ и складокъ стѣнной обивки.

Молодая дѣвушка увидѣла небольшую комнату съ кіотой въ углу, предъ которой теплилась лампада, и бѣлой постелью, покрытой дорогимъ покрываломъ, обшитымъ тончайшими воланами изъ кружевъ.

Бѣлый-же пушистый коверъ покрывалъ полъ комнаты.

— Прелесть какъ хорошо! — еще разъ произнесла Марина и съ улыбкой удовольствія опустилась на козетку, стоявшую въ розовомъ будуарѣ.—Такъ хорошо, что, кажется, не ушла-бы отсюда!

Юрій пристально взглянулъ на нее. Глаза его странно загорѣлись и разомъ потухли.

— Фея Раутенделейнъ! — стараясь казаться спокойнымъ, произнесъ онъ. — Не шутите такъ, вы мнѣ рвете сердце!

— Почему? — сорвалось съ губъ Марины и вдругъ, встрѣтясь съ его вновь загорѣвшимся взглядомъ, внезапно замолкла и опустила глаза.

Страстный трепетъ пробѣжалъ по ея тѣлу. Этотъ молодой, красивый такъ разомъ привившійся къ ея сердцу человѣкъ лишалъ ее воли и разсудка.

Марина силилась вызвать предъ мысленными взорами другой образъ, такъ недавно еще любимый ею, но при одной мысли о немъ ей представился не веселый, добрый, всѣмъ довольный Сержикъ, а его искаженное плачущей гримасой лицо, какимъ Марина видѣла Кодынцова въ вечеръ предъ благотворительнымъ баломъ.

А страстный, настойчивый голосъ звенѣлъ тутъ-же въ ея воспоминаніи прихотливо-капризной волной:

«Тебя отнимутъ у меня,
Ты не мой, я не твоя!»

„Нѣтъ! нѣтъ! — хотѣлось закричать Маринѣ, — нѣтъ, не отнимутъ, никогда, ни за что не отнимутъ, потому что я не могу жить безъ него! я люблю! люблю! люблю! Юрій мой! хорошій! красавецъ мой! милый!“ — и она со стономъ закрыла лицо руками.

Этотъ стонъ рѣшилъ все. Въ одну секунду Юрій былъ у ногъ Марины и, силясь оторвать ея руки отъ лица, шепталъ нѣжно, страстно, тоскливо:

— Марина! моя маленькая прелестная фея! моя фея Раутенделейнъ! Вы страдаете, милая, дорогая? О, не мучьте себя!.. Я не прошу вашей любви, вашей взаимности. Вѣдь, феи не созданы для любви... Ихъ удѣлъ— роскошь, богатство и приволье лѣса! Моя маленькая фея останется со мною! Дайте мнѣ возможность сложить у вашихъ ногъ все то, чѣмъ я владѣю! Возьмите мое сердце, мое богатство, Марина: безъ васъ оно ничтожно и не нужно для меня. Красавица! чудная моя! клянусь, я останусь вашимъ безкорыстнымъ слугою, пока вы сами не пожелаете наградить меня чуточкой счастья и любви. Но только останьтесь у меня... будьте полновластной хозяйкой всего этого, — обвелъ онъ глазами комнату. — Поймите, Марина, есть что-то сродное между нами. Я и вы — дѣти праздника и пира. Будни уничтожатъ и состарятъ насъ раньше времени. „Мы — гости въ жизни“,—хотѣлъ-бы я сказать..! Понимаете-ли? гости, не желающіе видѣть ея темныя закулисныя стороны. Поймите меня! Вы не для вашей Гавани, не для черной работы и сѣрыхъ будней... и не для Кодынцова, конечно... Не правда-ли, мое дитя, моя лучезарная маленькая Раутенделейнъ?

Марина молча кивнула головой, не имѣя силы произнести ни слова.

Она отлично сознавала всю справедливость его словъ. Она съ дѣтства таила въ себѣ эту любовь къ роскоши, безсознательно, инстинктивно лелѣянную ея душой. Она почти не сознавала этого до тѣхъ поръ, пока эти ничтожныя пять тысячъ, подаренныя старикомъ-Вакулинымъ, золотыми брызгами не капнули на нее. И эти брызги неудержимо влекли ее къ новому золотому каскаду, отравивъ всю ея душу своими ничтожными каплями. Испробовавъ меньшаго, ей хотѣлось большаго. А видъ безумной роскоши, королемъ которой она справедливо признавала Юрія, окончательно закружилъ ее.

И все это богатство могло принадлежать ей... и вмѣстѣ съ нимъ самимъ, такимъ обаятельнымъ и милымъ, такимъ нѣжнымъ къ ней, несмотря на кажущуюся холодность, присущую всему его внѣшнему облику!

Она должна будетъ уйти отсюда, изъ этой чудесной сказки, прямо въ мрачный колодезь дѣдушки-водяного, одна бѣдная, жалкая фея Раутенделейнъ....

Нѣтъ! Никогда не будетъ она женою Кодынцова. Если ей не суждено любить этого красиваго, милаго Юрія, то ужъ Сергѣю Владиміровичу не владѣть ею! Нѣтъ, нѣтъ, никогда!

Марина съ усиліемъ поднялась съ козетки и, опустивъ голову, направилась къ двери. Она знала, что два пристальные, горячіе, полные страсти глаза глядятъ ей вслѣдъ, съ упорнымъ мучительнымъ призывомъ. И она боялась оглянуться назадъ, боялась остановиться. Вотъ сейчасъ еще одно послѣднее усиліе надъ собою — и розовая комнатка, и этотъ милый Вакулинъ останутся далеко-далеко за нею...

И вдругъ глухое раздраженіе бѣшенымъ шкваломъ налетѣло на нее.

„Куда она идетъ? зачѣмъ? что осталось у нея тамъ, въ бѣдной, скромной Гавани. Мать? братья? Лелечка?“

Но и у ея матери есть утѣшительница: Елена съ успѣхомъ замѣнитъ ей ушедшую старшую дочь. И потомъ она, Марина, не въ силахъ будетъ переносить жалобы и упреки матери по поводу отказа Сергѣю. А отказать она должна—это неизбѣжно, какъ смерть. Эти жалобы окончательно добьютъ ея сердце, принадлежащее теперь, казалось ей, цѣликомъ одному Юрію... Братья сами ушли въ свои интересы... Лелечка?.. Но Лелечка, съ ея муравьиной хлопотливостью и трудолюбіемъ пчелки, никогда не была особенно близка душѣ Марины, несмотря на то, что сестры любили другъ друга. И Лелечка скоро утѣшилась-бы по уходѣ сестры посреди своихъ хозяйственныхъ хлопотъ и мелкой повседневной сутолоки.

Оставался Кодынцовъ... Этотъ былъ-бы безутѣшенъ, такъ думала Марина, но не жалость къ нему жгла ея сердце, нѣтъ! Какая-то непонятная жестокость побѣждала и самое жалость, и остатки привязанности къ жениху.

„Она, Марина,—дитя праздника; онъ—батракъ семьи

и человѣкъ будней,—твердила себѣ молодая дѣвушка.— Что-же общаго между ними? Любовь? Его любовь? Да развѣ она, эта любовь, способна замѣнить ей все, что она пріобрѣтетъ теперь, если согласится остаться здѣсь, въ этомъ царствѣ блеска, роскоши, богатства. Развѣ его ничтожная, эгоистичная любовь можетъ сравниться съ безкорыстнымъ красивымъ поклоненіемъ Юрія?"

Все это въ одинъ мигъ вихремъ пронеслось въ головѣ дѣвушки, пока она приближалась къ порогу будуара, къ ея Рубикону, за которымъ были и начало, и конецъ всего.

А Юрій все смотрѣлъ на нее тѣмъ-же тяжелымъ, упорнымъ взглядомъ, полнымъ и призыва, и тоски. Въ эту минуту Марина была ему дороже, чѣмъ когда-либо въ другое время. Эта обаятельная, странная дѣвушка уйдетъ, и онъ никогда уже не увидитъ ея гибкой, стройной фигуры, такъ рельефно выступавшей подъ сѣрымъ сукномъ, не увидитъ этого мерцающаго взгляда непроницаемыхъ, загадочныхъ глазъ,—глазъ русалки, проникнувшихъ въ его сердце.

Порывъ неподдѣльнаго отчаянія захватилъ его.

— Марина!—вырвалось у него глухимъ звукомъ.— Марина, подумайте хорошенько, прежде чѣмъ уйти! Вы видите, я — не слѣпецъ и широко открываю глаза на всѣ данныя обстоятельства. Не губите себя, Марина! Останьтесь со мною! Нѣтъ, не со мною, а здѣсь, здѣсь останьтесь, прошу васъ! Это не повлечетъ за собою никакихъ обязательствъ съ вашей стороны, поймите-же меня, дорогая!..

Юрій стоялъ теперь предъ нею взволнованный, блѣдный, красивый. Его холеные пальцы нервно подергивали длинный бѣлокурый усъ. Его голосъ, хотя и дрожалъ, но звучалъ убѣдительно, мощно...

Марина взглянула на него и разомъ поняла, что уйти она не въ силахъ. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ и онъ, этотъ милый чаровникъ, такъ-же дорогъ, такъ-же необходимъ ей, какъ и весь комфортъ его сказочно-роскошнаго убѣжища.

Вѣроятно, взглядъ молодой дѣвушки краснорѣчивѣе словъ выразилъ ея рѣшеніе, потому что взволнованное лицо Вакулина разомъ освѣтилось выраженіемъ восторга, торжества...

— Милая! Такъ-ли я понимаю васъ?—заглянувъ

въ самую глубину глазъ Марины, произнесъ онъ тихимъ, прерывающимся голосомъ.

Марина ничего не отвѣтила... Слова не повиновались ей... Губы шептали что-то беззвучно, чего онъ не могъ разобрать... Одни глаза смотрѣли широко-раскрытымъ взглядомъ, по-дѣтски, опредѣленно и ясно. Ихъ загадочная тайна уже перестала быть тайной для счастливаго Вакулина. Она исчезла безъ слѣда.

— Я не ошибаюсь? Фея Раутенделейнъ остается здѣсь?—спросилъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ.

— Фея Раутенделейнъ остается здѣсь! — какъ эхо, произнесла Марина и страстнымъ движеніемъ широко раскрыла свои объятія...

Жгучій, безумный, почти неземной порывъ счастья захватилъ ее, когда гордое, торжествующее лицо Юрія, ея Юрія, склонилось къ ней. Ея руки упали на его плечи... Его губы приблизились къ ея губамъ...

Дивная сказка развертывалась во всей свой чарующей красотѣ...

XVIII.

Вѣсть о томъ, что Марина не вернулась изъ театра, всполошила и взволновала обитателей сѣраго домика. Марья Дмитріевна не хотѣла вѣрить ничему дурному: ея гордая, чистая дочь стояла выше всякихъ подозрѣній.

Она даже слегка прикрикнула на Граню, предположившаго вслухъ, что „Маринка закутила“.

Но на душѣ старушки, гдѣ-то въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ ея, что-то ныло и болѣло непріятнымъ, гадкимъ предчувствіемъ.

Даже Лелечка притихла и ходила растерянная, съ широко-раскрытымъ, испуганнымъ взглядомъ.

Послали Феклу въ театръ навести справки, не поѣхала-ли Марина къ Строганову, куда охотно заглядывала въ послѣднее время. Но тамъ также ничего не знали, потому что Строгановъ на репетицію не явился, такъ какъ не участвовалъ въ пьесѣ.

Напряженное состояніе всей семьи увеличивалось съ каждымъ часомъ. Даже Граня, почти переставшій въ послѣднее время посѣщать гимназію и числившійся больнымъ, пересталъ насвистывать опереточные мо-

тивы, изводившіе Лелечку, и ворчалъ себѣ подъ носъ, слоняясь изъ угла въ уголъ:

— Это—свинство съ ея стороны, собственно говоря... Могла-бы, кажется, предупредить.

— Если она къ обѣду не явится, поѣду заявлять полиціи, — мрачно произнесъ Павлукъ.

— Господи! что и подумать, не знаю! — шептала совсѣмъ измученная Марья Дмитріевна, поминутно поднимая къ образу глаза, застланные слезами. — Лежитъ она, голубушка, въ больницѣ съ переломанными ногами—долго-ли до грѣха! Возвращалась ночью на извозчикѣ, лошадь взбѣсилась...

— Ну, наши василеостровскія лошади не взбѣсятся!— съ мрачнымъ комизмомъ замѣтилъ Павлукъ. — Вотъ схожу въ полицію...

Но въ полицію идти не пришлось, потому что какъ разъ въ ту минуту, когда вся семья Лоранскихъ достигла высшей точки напряженія, неожиданно появился посыльный, принесшій письмо на имя Марьи Дмитріевны.

Дрожащими руками вскрыла старушка конвертъ, узнавъ знакомый на адресѣ почеркъ дочери.

„Милая, родная моя мама! — писала Марина, — не огорчайтесь, голубушка, и не гнѣвайтесь на меня. Вы всегда желали счастья вашимъ дѣтямъ и, навѣрное, успокоитесь на мой счетъ, когда убѣдитесь, что я счастлива. Да, мамочка, я вполнѣ счастлива, родная. Я нашла все, чего смутно и долго искала моя душа. Я люблю и любима. Любима не кѣмъ-нибудь, а человѣкомъ, составившимъ себѣ положеніе въ обществѣ, вполнѣ независимымъ, готовымъ для меня на все рѣшительно, что-бы я ни пожелала. Меня-же давно безсознательно влекло къ нему, мама! Иначе и не могло быть: это — предопредѣленіе судьбы, это — неизбѣжность. Покоримся-же ей, мама, дорогая моя! Не горюйте обо мнѣ—я счастлива вполнѣ. Будничная, сѣрая обстановка, тихая, мирная жизнь съ Сергѣемъ были-бы насиліемъ надъ моей душой. Передайте ему, что мы оба ошиблись — и онъ, и я, — и что я желаю ему полнаго счастья съ другой. Пусть вычеркнетъ меня изъ своей жизни. Пусть не думаетъ дурно обо мнѣ. Поймите, это выше моихъ силъ. Цѣлую васъ, братьевъ, Лелечку и еще разъ прошу простить и не гнѣваться на вашу

счастливую Марину, любящую васъ всѣхъ много и сильно".

Марья Дмитріевна замѣтно поблѣднѣла при первыхъ-же строкахъ письма. Мелко исписанный листокъ ходуномъ заходилъ въ ея дрожащихъ пальцахъ. Но она имѣла достаточно силы и мужества дочитать до конца и только, дойдя до подписи дочери, тихо ахнула и, закрывъ лицо руками, откинулась на спинку стула.

— Мамѣ дурно!—не своимъ голосомъ вскричала Лелечка, — ради Бога, помогите ей!

Павлукъ опрометью бросился на кухню, принесъ оттуда ковшъ съ водой и поднесъ его къ дрожащимъ губамъ старушки. Но она отстранила воду и, оторвавъ руки отъ лица, сидѣла, вся блѣдная, какъ смерть, обводя дѣтей испуганнымъ, растеряннымъ взглядомъ.

— Что-же это, Господи?—лепетала она.—Пашенька... Лелечка... помилуй Богъ, что такое... Мариночка и вдругъ... Да правда-ли, наконецъ? Можетъ, со злобы кто руку поддѣлалъ и пишетъ.

— Дрянь она! — гнѣвно вырвалось изъ груди Павла и онъ съ силой хлопнулъ кулакомъ по столу. — Дрянь она, ваша Марина, осрамила она насъ всѣхъ... Знаю я, куда она удрала... къ Вакулину, подлецу! Богатствомъ его прельстилась... въ содержанки...

И, едва это слово сорвалось съ устъ Павлука, какъ онъ уже раскаялся въ своемъ порывѣ.

Марья Дмитріевна какъ-то тихо, неслышно, почти незамѣтно соскользнула со стула на полъ, лишившись чувствъ.

— Что ты сдѣлалъ? Ты маму убилъ! Безсердечный ты, безжалостный, извергъ! — съ плачемъ прокричала Лелечка, бросаясь на помощь къ старушкѣ.

Павлукъ разомъ осѣлъ... Соединенными усиліями перенесли дѣти Лоранскую въ ея комнату, положили на постель, стараясь привести ее въ чувство. Однако, Марья Дмитріевна не скоро пришла въ себя. Но, когда потерянное сознаніе снова вернулось къ несчастной женщинѣ, она обвела окружающія дорогія лица долгимъ и строгимъ взглядомъ, точно они отчасти были виновны въ ея горѣ, и холодно и твердо произнесла:

— Марины больше нѣтъ. Марина умерла и знать ее больше не знаю. Одна у меня теперь осталась дочка,

Лелечка, а Марины не было и не будетъ... и Кодынцова видѣть не хочу — стыдно смотрѣть ему въ глаза! Богъ съ нимъ! У каждаго своего горя довольно. За себя страдать довольно, за другого не выстрадаешь...

— Не безпокойтесь, мамочка, я переговорю съ нимъ, — самоотверженно произнесла Лелечка.

— Ну, и хорошо! — такъ-же холодно и безучастно произнесла старушка, — а теперь пойдите всѣ, всѣ пойдите, оставьте меня одну!

— Мамочка, родная! — испуганная ея безучастнымъ, страшнымъ тономъ, вся въ слезахъ, взмолилась Лелечка, — не отчаивайтесь, голубушка наша, родная, вѣдь, мы у васъ остались—Паша, Граня, я, ваша Лелечка...

— Да, да! — тѣмъ-же безучастнымъ тономъ произнесла старушка, — правда, и они, и ты, умница моя!— и она положила на рыжую головку младшей дочери свою маленькую загрубѣвшую въ работѣ руку. — Не все еще потеряно, не все, не все!

Въ этотъ-же день къ Лорапскимъ завернулъ ничего не подозрѣвавшій Кодынцовъ. На его вопросъ: „а гдѣ-же Мариночка?“, Лелечка зашикала и значительно покосилась на дверь.

— Больна? — испуганнымъ шепотомъ вырвалось у Сергѣя Владиміровича.

— Мама больна, Сержикъ. А Марина... Марина... — и она заплакала, порывисто, горько всхлипывая, какъ обыкновенно плачутъ дѣти, утирая обильно струившіяся по щекамъ слезы платкомъ, скомканнымъ въ комочекъ.

Кодынцовъ обомлѣлъ.

— Что Марина? Гдѣ Марина? Да говорите-же, не мучьте меня, Лелечка! — срывалось глухимъ звукомъ съ его губъ.

— Ушла Марина! — въ голосъ уже зарыдала дѣвушка, — ушла, совсѣмъ ушла... и отъ насъ, и...

— И отъ меня? — скорѣе угадала, нежели услыхала его вопросъ Лелечка, такъ онъ былъ глухъ и невнятенъ.

Вмѣсто отвѣта Лелечка молча подала ему злополучное письмо.

Кодынцовъ почти вырвалъ письмо изъ ея рукъ и въ одну секунду пробѣжалъ его глазами. Смертельная

блѣдность разлилась по его лицу. Онъ вскочилъ съ мѣста и кинулся къ двери.

— Куда? Сержикъ, куда вы? — испуганно вскрикнула Лелечка.

— Я убью его! Убью, какъ бѣшеную собаку, — срывающимся голосомъ крикнулъ Кодынцовъ. —Не мѣшайте мнѣ, пустите меня!

— И вы думаете этимъ вернуть ее къ себѣ и къ намъ?—съ горечью спросила молодая дѣвушка.—Да поймите-же, она любитъ его... любитъ! Вотъ въ чемъ ужасъ!

— Любитъ! — эхомъ повторилъ за ней Кодынцовъ, и безумное, тупое отчаяніе, безпросвѣтное, какъ могила, заполнило его сердце.

— Вы правы, Лелечка! если она его любитъ, его смерть только укрѣпитъ ея чувство къ нему! — простоналъ онъ и вдругъ, упавъ головой на столъ, зарыдалъ тяжелымъ, глухимъ, сердце надрывающимъ рыданіемъ.

— Бѣдный Сергѣй! бѣдный Сержикъ!—прошептала Лелечка, нѣжнымъ движеніемъ руки гладя его голову. — Всѣ мы бѣдные, всѣ несчастные, Сержикъ! всѣмъ одинаково тяжело — и мамѣ, и вамъ, и мнѣ...

Лелечка долго еще говорила своимъ нѣжнымъ, умиротворяющимъ душу голоскомъ слова утѣшенія, ласки и, подъ вліяніемъ этого милаго полудѣтскаго голоска, рыданія Сергѣя Владиміровича постепенно стихали.

Они долго за полночь молча сидѣли вмѣстѣ, не проронивъ ни слова, каждый страдая въ отдѣльности однимъ и тѣмъ-же горемъ. И лишь тогда, когда изъ спальни раздался кашель Марьи Дмитріевны и Лелечка поспѣшила къ матери, Сергѣй Владиміровичъ простился съ нею.

— Сестра, — сказалъ онъ, впервые называя этимъ именемъ Лелечку, — сестра, если когда-нибудь она вернется и передумаетъ свое рѣшеніе, скажите ей, что я люблю ее и буду любить вѣчно и никогда ни полусловомъ не напомню ей о происшедшемъ. Вы скажете ей это? Не правда-ли, дорогая сестра?

Лелечка только молча кивнула головкой. Она не хотѣла добивать несчастнаго, убитаго горемъ Сержика, отнимая изъ его сердца послѣднюю надежду; но она знала, отлично знала, что ихъ гордая Марина уже не вернется къ нимъ больше никогда... ни за что...

И сердце Лелечки болѣзненно сжалось невыносимой тоскою.

XIX.

Въ послѣднее время Граня ходилъ мрачный, нахмуренный и сердитый. И не одинъ поступокъ Марины и печальное настроеніе, охватившее обитателей сѣраго домика вслѣдствіе этого поступка, являлись тому причиной. Тутъ было уже личное дѣло самого Грани. У Грани не было денегъ. За это время юноша такъ привыкъ ощущать въ карманѣ пріятное позвякиваніе монетъ и шелестъ ассигнацій, какъ и привыкъ проводить вечера въ веселомъ обществѣ юныхъ прожигателей жизни, такихъ-же, какъ и онъ самъ, гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ, куда не проникалъ зоркій глазъ бдительнаго гимназическаго начальства; привыкъ курить дорогой табакъ, душиться дорогими духами, носить дорогую обувь... Его „часть“ растаяла очень скоро, благодаря подобнымъ требованіямъ и вкусамъ; новыхъ рессурсовъ не откуда было ожидать, а требованія увеличивались съ каждымъ днемъ, такъ какъ золотая отрава глубоко пустила свой вредный корень въ нѣдра души Грани.

И Граня страдалъ искренне, упорно...

Пріобрѣтеніе денегъ являлось теперь ему чѣмъ-то въ родѣ маніи. Онъ думалъ о нихъ, бредилъ ими. Правда, оставалась еще нетронутая материнская часть (лелечкины деньги были уже дружно раздѣлены и не менѣе дружно растрачены имъ и Павлукомъ), но Граня не рѣшился-бы ни за что безпокоить мать съ подобной просьбой, особенно теперь, когда она не могла еще прійти въ себя отъ нанесеннаго ей Мариной удара.

А его друзья, Берлингъ, Завьяловъ, Стоютинъ, невольно усиливали мученія Грани.

— Лоранскій! ѣдемъ встряхнуться сегодня! — говорили то тотъ, то другой изъ нихъ. — Жоржъ такой уголокъ нашелъ, что ни одна шкура не накроетъ! Прелесть!

— Не хочу! поѣзжайте одни!—мрачно отказывался Граня и съ завистью слѣдилъ за товарищами, которые, собравшись въ кружокъ, оживленно шушукались по поводу вновь открытаго ими пристанища.

— Да что ты сквалыжничаешь?—посмѣивался надъ

нимъ тотъ-же Берлингъ.—Всѣмъ извѣстно, что наслѣдство получилъ, а онъ скупится... Жениться, можетъ, думаешь? — насмѣшливо добавлялъ онъ.

— Черта съ два это наслѣдство! — приходилъ въ неожиданный азартъ Граня.—Рукъ объ это наслѣдство марать не стоило, только раздразнили имъ, несчастнымъ сдѣлали...—изводился онъ.

— Да ты толкомъ говори!—засмѣялся товарищъ.—Прокутился ты, что-ли?

— Прокутился! — безнадежно махнулъ рукою Лоранскій.

— Такъ ты займи! — простодушно предложилъ Берлингъ.

— Ахъ, правда! — обрадовался Граня.—И какъ это мнѣ раньше въ голову не приходило? Только гдѣ занять? — разомъ впадая въ прежнее уныніе, произнесъ Лоранскій

— Ну, на первый разъ, у меня займи, а тамъ я тебя въ такое сведу мѣстечко, гдѣ подъ проценты получишь, братъ, все, что хочешь.

— А развѣ дадутъ? — обрадовался Граня.

— Понятно!—отозвался Берлингъ. — Ахъ, да, вѣдь, ты еще несовершеннолѣтній, чертъ возьми! — спохватился онъ внезапно на пришедшую ему въ голову мысль.

— Несовершеннолѣтній! — мрачно произнесъ Граня, — да и платить не изъ чего будетъ! Это, братъ, въ сторону клади!

— Ну, такъ у меня возьми. Повѣрю-же я тебѣ. Не сбѣжишь, чертъ возьми!

И Граня занялъ у Берлинга, занялъ и съ нимъ-же, и съ прочей веселой компаніей при первомъ-же удобномъ случаѣ спустилъ эти деньги. Потомъ, воспользовавшись новымъ предложеніемъ подвернувшагося Завьялова, занялъ и у того, потомъ опять у Берлинга, и займы пошли уже безъ числа и счета, одинъ за другимъ.

Сначала богатые, независимые юноши очень охотно снабжали деньгами Граню: его любили за умѣнье развернуться въ веселой компаніи, за всегда охотное собутыльничество и поддержаніе товарищескаго престижа, но потомъ товарищи стали коситься на молодого Лоранскаго, не получая обратно одолженныхъ ему денегъ.

И между друзьями и Граней пробѣжалъ первый холодокъ.

Скоро этотъ холодокъ перешелъ въ открытыя враждебныя отношенія. Компанія стала сторониться Грани. И Граня почувствовалъ себя еще болѣе одинокимъ и несчастнымъ, нежели прежде. И тутъ-то и случилось „событіе“, перевернувшее весь внутренній строй жизни Грани.

Однажды вечеромъ онъ встрѣтилъ на улицѣ молоденькаго безусаго студента, прошлогодняго выпуска ихъ гимназіи. Фамилія студента была Веселовъ, и онъ вполнѣ оправдывалъ ее своимъ веселымъ характеромъ, откликающимся на всякія удовольствія и веселыя продѣлки съ самымъ живѣйшимъ участіемъ.

— Батюшки! тѣнь отца Гамлета! — вскричалъ онъ при видѣ мрачно шагающей по панели Большого проспекта фигуры Грани. — „Что такъ задумчивъ? Что такъ печаленъ?“ — запѣлъ, безжалостно фальшивя, Веселовъ.

— Денегъ нѣтъ! — отрѣзалъ Граня вмѣсто всякаго объясненія.

— Ну, вотъ вздоръ—„денегъ“!—расхохотался тотъ.— Какія еще нашему брату деньги нужны! Пойдемъ-ка лучше со мною веселиться. У Люлюшкиныхъ вечеринка сегодня. Знаешь Люлюшкиныхъ? У нея мебельные магазины въ Андреевскомъ рынкѣ... и хорошенькая дочка. Прелесть что за дочка! Сейчасъ-бы женился, если-бы пошла!

— Не люблю я барышенъ! Свои надоѣли: сестра да подруги ея, — мрачно произнесъ Граня. — „Ахъ“ да „ахъ“ у нихъ на первомъ планѣ... „Ахъ, Максимъ Горькій! Ахъ, Станиславскій! Ахъ, душка Собиновъ!“ Кудахъ-тахъ-тахъ, кудахъ-тахъ-тахъ... Сущія курицы.

— Ну, и не занимайся ими, — снова расхохотался Веселовъ, — а на вечеринку все-же ступай со мной за компанію. За барынями приволокнись, коли барышни не понутру. Сама Люлюшкина очень отъ ухаживателей не прочь. Позабавь!

Граня самодовольно усмѣхнулся при воспоминаніи о Люлюшкиной, которая была влюблена въ него уже болѣе года.

Послѣ гимназическаго вечера они не видались, и Граня, которому буквально некуда было дѣться, по-

тому что дома Марья Дмитріевна съ Лелечкой мо́лча сидѣли и работали цѣлые вечера, прерывая тишину ежеминутными вздохами, Павлукъ просиживалъ у Ирмы, еще не прогнавшей его въ силу какой-то счастливой случайности, и потому Граня, послѣ недолгаго раздумья, рѣшилъ отправиться къ Люлюшкинымъ въ обществѣ Веселова.

Тамъ молодымъ людямъ очень обрадовались. Вечеринка была изъ простенькихъ еженедѣльныхъ „танцовалокъ", какъ пояснила Агаѳья Кирилловна Люлюшкина, или „Агата", какъ она себя называла и подписывалась въ письмахъ. Устраивали эти „танцовалки" для Манечки Люлюшкиной, свѣженькой, какъ бутонъ, шестнадцатилѣтней дѣвочки, но и сама неувядающая мамаша-Люлюшкина веселилась на нихъ не меньше дочери.

Она встрѣтила Граню съ самой обворожительной улыбкой.

— Что это васъ нигдѣ не видно, Герасимъ Денисовичъ! — дѣлая томные глазки юношѣ, спросила Люлюшкина.

— Хандрилъ! — отвѣтилъ за него Веселовъ, — насилу его уломалъ идти къ вамъ, Агата Кирилловна.

— Неужели? — кокетливо улыбнулась хозяйка. — А вы похудѣли! И вправду хандрили? Отчего?.. Не влюблены-ли? Въ ваши годы... — сладко тянула она.

„Ахъ, какая у нея сегодня рожа противная! — искренне негодовалъ въ душѣ Граня. — И мажется-же канальски... воображаетъ, что хороша!"

— Ахъ, monsieur Граня... Вы позволите мнѣ такъ называть васъ? — продолжала, не замѣчая его равнодушія, купчиха. — А я часто вспоминала о васъ... Знаете... о васъ и вашей сестрѣ... Такой поступокъ! Боже мой! Это такъ необыкновенно, поэтично въ нашъ прозаическій вѣкъ — позволить себя похитить прямо изъ театра. О! я внутренне рукоплещу ей! Увѣряю васъ.

„Ты, милая моя, непроходимая дура", — мысленно обласкалъ хозяйку дома Лоранскій, не зная, куда дѣть глаза отъ гостей, при которыхъ Агата Кирилловна громогласно выражала свое одобреніе Маринѣ.

Къ счастью, въ эту минуту начались танцы, и Граня, поспѣшивъ пригласить Люлюшкину, повелъ ее въ пары.

На Агатѣ Кирилловнѣ было изящное воздушное цвѣта бирюзы платье, почти такое-же, какъ и у ея дочери. Даже фасонъ у нихъ былъ одинъ и тотъ-же. За матерью, какъ успѣлъ замѣтить Граня, ухаживали больше, нежели за дочерью. Она кокетничала напропалую, какъ можетъ только кокетничать бальзаковская женщина, живущая каждымъ настоящимъ часомъ, которую въ самомъ близкомъ будущемъ поджидаетъ неминуемый страшный призракъ старости.

Особенно старалась она предъ Граней. Онъ, этотъ красивый, женоподобный мальчикъ, съ огненной гривой и тонкимъ породистымъ лицомъ, давно уже увлекъ пылкое сердце перезрѣвшей Агаты. Плебейка по натурѣ, она инстинктивно любила все изящное, хрупкое, нѣжное. А Граня Лоранскій былъ и изященъ, и хрупокъ, и нѣженъ и вполнѣ отвѣчалъ ея идеалу.

— M-ieur Граня, — шептала Агата, удалившись съ нимъ послѣ длиннаго контрданса въ свой хорошенькій японскій кабинетикъ, гдѣ пахло какими-то одуряющими духами и царилъ голубой полумракъ отъ завѣшеннаго со всѣхъ сторонъ голубой тканью контръ-абажура японскаго фонарика. — M-r Граня, почему вы такъ мрачны? Да улыбнитесь-же, m-r Граня, у васъ такая улыбка, такая... — и Люлюшкина щурила на него свои и безъ того маленькіе заплывшіе жиромъ глазки.

Гранѣ было противно все: и этотъ голубой полусвѣтъ, и эта молодящаяся влюбленная женщина, и одуряющій запахъ духовъ, исходящій отъ нея.

Но Агата и не замѣчала, казалось, его настроенія. Она подсѣла къ Гранѣ совсѣмъ близко-близко на маленькій диванчикъ и шептала самымъ сладенькимъ голоскомъ:

— А, m-r Граня, если-бы вы пожелали только, я сумѣла-бы разогнать вашу тоску... Неужели-же вы ничего не замѣчаете, m-r Граня?

Лоранскій поднялъ голову, пораженный искреннимъ тономъ этой „размалеванной куклы“, какъ онъ называлъ теперь въ душѣ Люлюшкину, и увидѣлъ печально-влюбленное лицо и глаза, полные слезъ.

„Да она и въ самомъ дѣлѣ втюрилась, — удивился Граня. — Боже мой! да, вѣдь, если такъ, то я спасенъ! спасенъ окончательно! Жениться на этой влюбленной тушѣ, и дѣлу конецъ... Само счастье лѣзетъ въ руки“...

И, разомъ воспрянувъ духомъ и просіявъ улыбкой, Граня любезно обратился къ своей собесѣдницѣ:

— Да, милая Агата Кирилловна, — произнесъ онъ, — я былъ печаленъ, потому что дѣла мои находятся въ самомъ тяжеломъ положеніи. Я привыкъ уже къ нѣкоторому комфорту, съ полученіемъ наслѣдства, но насъ такъ много и требованія семьи такъ велики, что на долю каждаго пришлась самая небольшая часть.

— И этой части вамъ хватило, разумѣется, не надолго? — произнесла Люлюшкина съ самой чарующей улыбкой.

— Весьма не надолго! — подтвердилъ съ комическимъ отчаяніемъ Граня.

— И милый мальчикъ поэтому тоскуетъ? — съ ребяческимъ дурачествомъ въ тонъ ему снова спросила Люлюшкина.

— И милый мальчикъ поэтому тоскуетъ! — съ тѣмъ-же оттѣнкомъ шутливаго отчаянія повторилъ Граня.

— Но развѣ нельзя занять? — улыбнулась Агата, теперь уже совсѣмъ близко подсаживаясь къ Гранѣ, такъ близко, что юбка ея закрыла своимъ пышнымъ воланомъ его колѣна.

— Я несовершеннолѣтній! — снова впадая въ свой мрачный тонъ, усмѣхнулся Граня.

— А-а! вотъ оно что, — сочувственно протянула Агаѳья Кирилловна и, окинувъ фигуру юноши влюбленнымъ взглядомъ, произнесла: — но неужели-же вы не найдете кредитора, который не обратитъ вниманія на банальныя условія и повѣритъ вамъ?

— Да кто-же въ нашъ вѣкъ, Агата Кирилловна, повѣритъ долгу чести, рыцарскому слову? — горячо произнесъ Граня, презрительно скашивая свои красивыя губы.

— Я! — вырвалось у Агаѳьи Кирилловны. — Я! я повѣрю вамъ, сколько нужно. Когда-нибудь сочтемся... Не правда-ли? Вы не откажетесь принять отъ меня эту ничтожную услугу?

Граня удивленно поднялъ голову. Дѣло выходило проще, нежели онъ предполагалъ. Мысль женитьбы на „размалеванной тушѣ“ не пугала его больше. Она, эта влюбленная Агата, ради его прекрасныхъ глазъ, безъ

всякаго ломанья предлагаетъ ему денегъ. Она вѣритъ въ его порядочность и этимъ, конечно, гарантируетъ свой поступокъ.

Безумный порывъ восторга охватилъ Граню. Онъ готовъ былъ кинуться на шею этой толстой Агатѣ Кирилловнѣ и расцѣловать ея лоснящіяся отъ жира щеки. Все разомъ получало новый интересъ въ его жизни. Въ перспективѣ будущаго снова замелькали веселые ужины съ товарищами, ихъ кутежи, посѣщенія оперы, балета, оперетки...

„И новую пару себѣ надо сшить для ресторана... эта уже пообтрепалась... и для гимназіи модную тужурку изъ свѣтлаго сукна, — тутъ-же мысленно прикидывалъ Граня, — и перстень на мизинецъ, черный перстень съ однимъ крупнымъ брилліантомъ, какъ у старшаго Стоютина, гусара. Ахъ, какъ хорошо!“

А Агата Кирилловна жадно слѣдила за его оживившимся лицомъ и, любуясь Граней, говорила:

— Ну, вотъ, ну, вотъ! вы и расцвѣли, мой дорогой m-r Граня. И изъ-за какихъ пустяковъ вы могли тумаииться! Не думайте объ этомъ, прошу васъ! Горе и заботы сушатъ. Избѣгайте заботъ, m-r Граня, и вы долго-долго останетесь юнымъ и красивымъ.

— Да, да! избѣгать заботъ! — радостно воскликнулъ юноша, — жить беззаботно, весело, счастливо! Что можетъ быть лучше этого?

— Любовь! — произнесла Агата и сдѣлала въ сторону своего юнаго собесѣдника движеніе, заставившее его предупредительно отодвинуться на самый конецъ дивана.

— Любовь и вино! — произнесъ онъ весело, маскируя смѣхомъ свое невольное смятеніе.

Агата многозначительно улыбнулась и нажала кнопку электрическаго звонка.

— Шампанскаго! — коротко приказала она миловидной субреткѣ, точно изъ-подъ земли выросшей на порогѣ кабинетика.

— Мы выпьемъ за наше дѣло! — играя глазами, обратилась она къ Гранѣ.

— То есть, иными словами, за вашу доброту, — усмѣхнулся тотъ. — Но, — спохватился юноша, — вы не назначили мнѣ еще условій, подъ которыя одолжаете мнѣ деньги. Какой процентъ желали-бы вы получить?

— Процентъ? — искренне разсмѣялась Люлюшкина.—О! процентъ, надѣюсь, не покажется вамъ слишкомъ тяжелымъ, m-r Граня! — лукаво добавила она. — Вы не откажетесь заходить ко мнѣ, m-r Граня, позволите мнѣ наслаждаться вашимъ присутствіемъ... видѣть васъ часто... любоваться вами... вашимъ счастьемъ... Вѣдь, я люблю васъ, m-r Граня... люблю...

Появившаяся горничная съ шампанскимъ прервала дальнѣйшія изліянія Люлюшкиной.

Раскраснѣвшаяся, смущенная Агата собственноручно налила въ бокалы шипучей влаги и, чокнувшись съ Граней, духомъ осушила свой.

Лоранскій послѣдовалъ ея примѣру. Онъ былъ какъ нельзя болѣе счастливъ новымъ положеніемъ дѣлъ, счастливъ до безумія, до экстаза. Ему хотѣлось кричать, прыгать, смѣяться. Сама Люлюшкина уже не представлялась ему такой противной, какъ раньше... Она давала ему возможность дышать и жить по-человѣчески... весело, счастливо, беззаботно. Она спасала его.

Граня слушалъ ея влюбленный шепотъ, пилъ шампанское и съ наслажденіемъ погружался въ ту клокочущую пучину, внѣ которой не признавалъ ни радости, ни жизни.

XX.

Прошелъ мѣсяцъ.

И этотъ мѣсяцъ былъ сплошною сказкой для Марины.

Юрій заботился о томъ, чтобы ни малѣйшая тучка не затемняла жизненнаго горизонта молодой женщины. Онъ буквально не давалъ ей задумываться ни на минуту. Вечера смѣнялись пикниками за городъ на тройкахъ, пикники — ужинами съ хоромъ цыганъ, съ неизбѣжнымъ шампанскимъ, съ льстивой толпой поклонниковъ. Царицей ихъ была Марина, одна Марина. Юрій забросалъ ее подарками, стоившими баснословно дорого. Каждое малѣйшее желаніе Марины считалось закономъ для молодого богача.

И Марина была счастлива, счастлива безумной суетолокой, этимъ вѣчнымъ праздникомъ, этимъ излишествомъ жизни, позволяющей ей исполнять всѣ свои малѣйшія прихоти и желанія, начиная съ самыхъ грандіозныхъ и кончая самыми мелкими.

— А мы не разоримся? — шутливо спрашивала она

своего возлюбленнаго при каждомъ новомъ подношеніи, послѣ каждаго новаго вечера, стоившихъ баснословно дорого.

— За мигъ обладанія такой женщиной можно нищенствовать всю остальную жизнь! — отвѣчалъ Юрій съ рыцарской любезностью, касаясь губами ея нѣжныхъ пальцевъ.

Но если съ этой стороны жизни Марины небо было безоблачно и лазурно, то съ другой стороны оно постоянно хмурилось и заволакивалось черными тучами.

Изъ Гавани почти не доходило слуховъ до Марины. Она случайно узнала, что тамъ все благополучно и что Марья Дмитріевна стойко вынесла ударъ, но большее, несмотря на всѣ свои усилія, узнать не могла. Мать не отвѣтила Маринѣ на ея письмо, и это значило, что мать ея „не простила“. Это угнетало и томило Марину въ рѣдкія минуты ея отрезвленія.

Но этого, впрочемъ, такъ и слѣдовало ожидать. Это тоже было своего рода предопредѣленіе, и Марина стойко покорялась его неизбѣжности. Правда, ей было тяжело подчасъ, ее тянуло на мгновеніе заглянуть въ Гавань, посмотрѣть хотя-бы черезъ окошко, что дѣлается въ сѣромъ домикѣ, какъ тамъ живутъ безъ нея ея дорогіе мать, Лелечка, братья... посмотрѣть повидать ихъ и снова вернуться въ этотъ водоворотъ жизни и удовольствій, безъ котораго Марина теперь уже не могла обойтись ни минуты.

Юрій Юрьевичъ зорко слѣдилъ за своей возлюбленной и въ такія минуты нежеланнаго раздумья онъ подоспѣвалъ какъ разъ во-время съ какимъ-нибудь новымъ проэктомъ увеселенія, съ новой выдумкой, которыхъ у него, казалось, былъ заготовленъ неистощимый запасъ. И прелестное лицо Марины снова оживлялось и расцвѣтало и она жадно бросалась въ этотъ водоворотъ, стараясь въ его кипучемъ разгулѣ потопить память о быломъ.

Даже угрызенія совѣсти по поводу ея „измѣны“ не тревожили ея. Марина слишкомъ эгоистично предалась своему счастью и все остальное какъ-то разомъ стушевалось для нея.

Какъ-то разъ Марина поѣхала въ театръ. Давали „Цыганскаго барона“, и эта старая, но вѣчно прекрасная мелодичная оперетка пріятно захватила молодую

женщину. Вся залитая брилліантами, въ роскошномъ туалетѣ, гордая и прекрасная, какъ царица, сидѣла Марина въ своей ложѣ. Позади нея пріютился Вакулинъ.

И вдругъ предъ началомъ второго акта Марина почувствовала на себѣ чей-то взглядъ, направленный изъ партера. Какая-то неясная тревога охватила молодую женщину. Она инстинктивно подалась впередъ и встрѣтилась съ искавшими ея взгляда знакомыми гнѣвными глазами.

Около маленькой нарядной бѣлокурой женщины, крикливо одѣтой, подтверждавшей костюмомъ свою профессію, сидѣлъ Павлукъ и смотрѣлъ на Марину.

Безумная радость встрѣчи поглотила Лоранскую.

— Паша! — вырвалось изъ ея устъ чуть слышнымъ призывнымъ звукомъ и нѣжный румянецъ залилъ все ея разомъ просіявшее лицо.

Но секундой позднѣе смертельная блѣдность такъ-же внезапно замѣнила алую краску на щекахъ Марины.

Некрасивое, скуластое лицо Павлука, встрѣтивъ на себѣ взглядъ сестры, искривилось брезгливой гримасой и отвернулось въ сторону своей сосѣдки, заставивъ задрожать Марину отъ негодованія и стыда.

Но Павлукъ не видѣлъ ни волненія, ни смертельной блѣдности, покрывшей лицо сестры. Онъ бросилъ Маринѣ свое презрѣніе и теперь, довольный собою, но смутно взволнованный, говорилъ своей дамѣ, силясь казаться твердымъ и спокойнымъ:

— Скучно, „Снѣжинка“!.. Старая оперетка, старые мотивы... Уѣдемъ ужинать пораньше.

— Неугомонный! То туда, то сюда, — капризно протянула она, однако, встала по окончаніи дѣйствія съ замѣтнымъ выраженіемъ удовольствія на хорошенькомъ личикѣ и послѣдовала за Павлукомъ.

По дорогѣ взглядъ „Снѣжинки“ невольно упалъ на крайнюю ложу, въ которой сидѣла Марина, успѣвшая пересилить свое волненіе, но все еще блѣдная, хотя и спокойная на взглядъ.

— Гляди! Гляди! шикарная какая! — произнесла шепотомъ Ирма, дернувъ за рукавъ своего кавалера. — Это новая... вѣрно, еще изъ недавнихъ... по крайней мѣрѣ, я ея не знаю.

Вся кровь бросилась въ лицо Павлука отъ этихъ простыхъ словъ его спутницы.

„Она... его сестра... ихъ Марина... она — „шикарная“, „изъ новыхъ“, „изъ недавнихъ“!“

— Пойдемъ! — грубо бросилъ онъ „Снѣжинкѣ“, желая заглушить непріятный голосъ, поднявшійся со дна его души.

— Что ты? съума сошелъ? — огрызнулась та. — Вотъ еще, какъ разговаривать сталъ! Ты смотри... если хочешь грубить, любить не буду!

Павлукъ струсилъ. Онъ допускалъ все на свѣтѣ, только не потерю этой маленькой женщины, безъ которой уже не могъ обойтись, какъ рыба безъ воды.

— Ну, полно, „Снѣжинка“, — окидывая ее ласковымъ взоромъ, произнесъ онъ миролюбиво. — Перестань! слышишь? Перестань дуться, глупенькая! Я тебѣ такую штучку завтра предоставлю, что ты только ахнешь!

— Кольцо? да? Колечко съ рубиномъ? большимъ? краснымъ? — вся сіяя, допытывалась „Снѣжинка“.

„Надо будетъ купить! — мысленно разсуждалъ Павлукъ, — съ Лелечкой какую-нибудь комбинацію выдумать и купить... Купить, во что-бы то ни стало! Ахъ, бѣдность, проклятая бѣдность! Что можетъ быть уродливѣе и гаже тебя?“

И мысль его невольно обратилась къ красивой, блестящей женщинѣ, сидѣвшей въ это время въ ложѣ бельэтажа, пренебрегшей семейными связями и традиціями, пренебрегшей близкими сердцу, лишь-бы выйти изъ этой пропасти нищеты и лишеній, лишь-бы не видѣть уродливаго лица бѣдности, гримасничавшаго ей.

А „красивая, блестящая женщина“, несмотря на свой сіяющій, спокойный видъ, страдала въ эту минуту гораздо болѣе самого Павлука, страдала впервые за весь мѣсяцъ этой чудесной, какъ сказка, жизни.

„Онъ отвернулся отъ меня! Онъ меня презираетъ! Паша мой, братъ мой, другъ, и презираетъ меня, свою Марину! Такъ вотъ отчего они молчатъ всѣ и нѣтъ о нихъ ни слуха, ни духа! Они исключили меня изъ своей семьи! Я не существую для нихъ! Хорошо-же! И они чужіе для меня теперь! Да, да! чужіе, чужіе!“

И при этой мысли Марина гордо поднимала свою красивую головку и вызывающе смотрѣла на сосѣднія ложи, гдѣ сидѣли буржуазныя семьи, съ ихъ порядочными женщинами, матерями и женами, и усмѣхалась

презрительной усмѣшкой въ лицо этимъ женщинамъ, завидовавшимъ ей, по ея мнѣнію, и не имѣвшимъ достаточно энергіи и мужества поступить по ея примѣру.

— Юрій Юрьевичъ! — обернулась она къ сидѣвшему сзади ея кресла Вакулину.— Голубчикъ, помогите мнѣ забыться сегодня. Я не могу! Я видѣла брата... онъ отвернулся отъ меня... Мнѣ тяжело! Развеселите меня такъ, чтобы голова закружилась... чтобы духъ захватывало... Мнѣ тяжело, не сердись на меня! тяжело... въ первый разъ, съ вами тяжело!

Вакулинъ только наклонилъ голову въ знакъ согласія и буквально исполнилъ ея желаніе.

У Марины голова закружилась и духъ захватило отъ той программы, которую развернулъ предъ ней Юрій...

XXI.

Вскорѣ послѣ встрѣчи въ театрѣ Марину постигло новое разочарованіе, окончательно испортившее свѣтлое настроеніе молодой женщины.

Въ послѣднее время ей не приходилось выступать на подмосткахъ, такъ какъ въ пьесахъ, входившихъ въ репертуаръ ихъ театра, не было достаточно значительной роли для амплуа, занимаемаго Мариной. И только черезъ два мѣсяца послѣ вступленія въ домъ Вакулина ей прислали роль, прелестную роль въ пьесѣ Островскаго и Соловьева—молоденькой простенькой дѣвушки, погибшей отъ любви къ измѣнившему жениху.

Роль захватила Марину. Она быстро вообразила себя въ ней и тотъ успѣхъ, который ожидалъ ее у публики. Въ успѣхѣ она уже теперь не сомнѣвалась. Она сознавала свою силу и гордилась собою.

Но учить роль было положительно некогда. Днемъ, послѣ утренняго чая, а этотъ чай Марина пила въ два часа, начиналась ѣзда по магазинамъ, бесѣды съ портнихами, пока Юрій былъ на службѣ (онъ служилъ безъ жалованья, ради „чиновъ и орденовъ“, въ одномъ изъ тѣхъ учрежденій, гдѣ служатъ только очень богатые и очень независимые люди). Онъ возвращался къ шести и они обѣдали всегда въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ постороннихъ. Въ восемь часовъ ѣхали въ театръ, послѣ котораго слѣдовалъ ужинъ въ той-же веселой компаніи. Иногда послѣ ужина все общество перекочевывало къ нимъ и устраивались танцы, импровизирован-

ные концерты или просто безшабашно-веселая болтовня съ неизбѣжною жженкою или собственноручнымъ приготовленіемъ крюшона, и флиртъ, флиртъ безъ конца.

Привыкнувъ къ разъ уже установленной программѣ, молодая женщина уже не могла измѣнить ее, не могла, да и не хотѣла.

Въ день присылки роли Марина занялась было ею, пробѣжала ее нѣсколько разъ, но привыкшая къ бездѣйствію память, притупленная долгими ночными безсонницами, не поддавалась, и съ легкой гримаской неудовольствія Марина отбросила отъ себя объемистую тетрадку, содержавшую въ себѣ ея роль.

Окружающая обстановка не располагала къ занятіямъ: хотѣлось потягиваться и нѣжиться на мягкой козеткѣ и думать о томъ успѣхѣ и поклоненіи, которыми Марина была окружена, какъ царица. Потомъ неожиданно появившаяся субретка доложила ей, что пришла портниха съ примѣркой, и Марина вся погрузилась въ долгое обдумываніе фасона новаго платья.

Репетиція была назначена въ три часа и, не дожидаясь возвращенія Юрія, Марина поѣхала въ театръ.

Странное чувство охватило Марину, когда она вошла подъ кровлю маленькаго симпатичнаго Васильевскаго театра. Въ дорогомъ платьѣ, въ нарядной шубѣ съ собольимъ воротникомъ и горящими шатонами въ ушахъ, она была такъ мало похожа теперь на ту скромную Марину, которая выходила отсюда въ началѣ осени, опьяненная первымъ успѣхомъ, подъ громъ апплодисментовъ ожидавшей ее у подъѣзда толпы.

Тогда, одѣтая въ старенькую драповую кофточку, подъ руку съ женихомъ, сіяющая счастьемъ, Марина казалась ребенкомъ въ сравненіи съ этой Мариной, блестящей и прекрасной.

Марина опоздала къ началу репетиціи, но никто и не упрекнулъ ея въ этомъ. Ей кланялись особенно почтительно, ей говорили съ заискивающими улыбками самыя пріятныя и льстивыя рѣчи.

Только двое людей косо взглянули на Марину: Понская-Звонская презрительно поджала свои блеклыя губы, несмотря на яркій слой положеннаго на нихъ кровянаго кармина, и окинула завистливымъ взглядомъ ея фигуру, да дядя Миша Строгановъ съ какой-то грустью и недоумѣніемъ кивнулъ ей головой.

Послѣдній встревожилъ не на шутку Марину. Она любила стараго трагика за его искренность и неподкупность и дорожила его расположеніемъ.

— Дядя Миша,—подойдя къ нему, сказала Марина,— за что вы сердитесь на меня?

— Господь съ тобою, дѣтка! за что-же мнѣ сердиться на тебя?— отвѣтилъ онъ, глядя мимо глазъ Марины на сверкающіе солитеры, горѣвшіе въ ея ушахъ.

— Нѣтъ, сердитесь! — произнесла Марина со смѣхомъ, плохо маскировавшимъ, впрочемъ, смущеніе, — сердитесь на то, что я предпочла другую, свѣтлую долю той прежней... убогой... Но поймите-же, — понизила она голосъ, — можетъ быть, это было сдѣлано и ради искусства отчасти... Это новое положеніе, это богатство окрылятъ меня, дадутъ мнѣ большую силу... просторъ...

— А не погубятъ, думаешь? — прямо глядя теперь въ глаза своей собесѣдницѣ, спросилъ Строгановъ. — Вотъ ты сейчасъ говорила, что роль не успѣла прочесть, что подъ суфлера пойдешь... Берегись, Марина! Это пахнетъ концомъ.

— Началомъ, дядя Миша, началомъ! — безпечно разсмѣялась она:—началомъ сознанія проснувшейся силы... А насчетъ роли вы не безпокойтесь. Слышали, что говорила сейчасъ Звонская: „кто-же изъ порядочныхъ актрисъ учитъ роли?“. Да не бойтесь-же, не бойтесь!— окончательно развеселилась Марина, увидя потѣшно вытянувшееся лицо стараго трагика: — времени еще много, успѣю выучить до спектакля. Успокойтесь, милый, добрый, хорошій дядя Миша! — и она, приподнявшись на цыпочки, чмокнула въ лысину старика.

— Ну, смотри, — взявъ ея руку и удерживая въ своей, строго произнесъ Михаилъ Михайловичъ, — смотри, если я увижу, что ты — не то, чѣмъ была, и искусство попираешь нечистыми ногами, такъ я и знать тебя не хочу! Какъ первый, замѣтивъ въ тебѣ Божью искру, благословилъ на трудный артистическій путь, такъ и первый-же прокляну... Слышишь? прокляну, Марина, если увижу, что ты насмѣялась надъ тѣмъ, что мы, артисты, должны такъ свято лелѣять душой.

— Хорошо, хорошо! — нетерпѣливо произнесла Лоранская.

Маринѣ уже начинало наскучивать долгое правоуче-

ніе старика, и она отошла къ Донской-Звонской, встрѣтившей ее своей обычной кислосладкой улыбкой.

— Какая жалость, что вы не можете блеснуть нарядами и брилліантами въ этой роли! — произнесла Звонская съ фальшивымъ сожалѣніемъ: — въ этомъ случаѣ я счастливѣе васъ: моя роль позволяетъ мнѣ быть во всеоружіи. А, дѣйствительно, жаль, что ваше амплуа не требуетъ нарядовъ! Наряды и брилліанты, что ни говорите, наэлектризовываютъ толпу!

— А по-моему, только талантъ! — обрѣзала ее Марина.

— Да, если онъ есть! — съязвила Донская-Звонская, и обѣ актрисы — и старая, и молодая — поблѣднѣли отъ ярости, размѣнявшись этими лаконически-вѣскими любезностями.

„Погоди, ты у меня попляшешь! — мысленно произнесла Марина, и въ умѣ ея созрѣло рѣшеніе проучить зазнавшуюся премьершу, во что-бы то ни стало.

Вѣсть о „новомъ положеніи“ актрисы Лавровской, новой любимицы публики, или, попросту говоря, объ ея связи съ богачемъ Вакулинымъ, быстрѣе вихря облетѣла скромную василеостровскую публику. Жгучее-ли любопытство руководило толпой взглянуть на общую любимицу въ ея новой, уже не сценической, а житейской роли, или просто имя Лавровской уже дѣлало сборъ, но въ день спектакля съ участіемъ Марины театръ буквально ломился подъ напоромъ публики.

И эта самая публика разомъ преобразилась въ этотъ вечеръ. Раекъ, стулья и задніе ряды креселъ были заняты постоянными посѣтителями театра, состоящими преимущественно изъ студентовъ, курсистокъ и прочей учащейся молодежи, но зато первыя лучшія мѣста были усѣяны блестящими представителями золотой молодежи, военной и штатской, все добрыми пріятелями Вакулина, пріѣхавшими взглянуть и „посодѣйствовать успѣху“ „его“ дамы. И странно было видѣть въ скромномъ маленькомъ театрѣ эти блестящіе мундиры и неподражаемо сшитые сюртуки и смокинги, созданія первыхъ петербургскихъ портныхъ.

Вся эта шумная толпа, не стѣсняясь, оглядывала прочую скромную василеостровскую публику, пересыпая веселую болтовню остротами и шутками на изысканнѣйшемъ французскомъ діалектѣ.

Часть молодежи отправилась за кулисы, гдѣ Марина, въ ожиданіи своего выхода, принимала гостей въ своей маленькой уборной.

Самое уборную нельзя было узнать. Юрій позаботился объ ея украшеніи. Еще за недѣлю до спектакля стѣны уборной обили палевымъ шелкомъ, съ нарисованными по его полю акварелью музами, весь полъ былъ обитъ пушистой шкурой бѣлаго медвѣдя. Изящный въ стилѣ „рококо“ туалетъ съ золотымъ приборомъ ласкалъ глазъ своей изысканностью и изяществомъ. Прелестная миніатюрная палевая мебель и крошечный умывальникъ, закрытый золочеными ширмочками, довершали ея убранство. Надъ изящнымъ зеркаломъ былъ повѣшенъ портретъ Марины въ ея послѣдней роли, въ костюмѣ феи Раутенделейнъ.

Но еще лучше прелестной уборной была ея хозяйка. Марина, несмотря на роль, требующую скромнаго костюма, одѣлась дорого, красиво и изящно.

Правда, платьице скромной дочери бѣднаго помѣщика, Оли, которую играла сегодня Марина, было сдѣлано изъ легкаго розоваго батиста, но зато каждый волань былъ обшитъ настоящими брюссельскими кружевами и такая-же косыночка изъ тѣхъ-же брюссельскихъ кружевъ въ стилѣ Маріи Антуанеты облегала стройныя плечи молодой женщины. Въ ушахъ горѣли, переливаясь на тысячу огней, громадные тысячные шатоны; кольца, унизанныя брилліантами, рубинами и сапфирами, заключенныя въ модной формы оправу, довершали ея туалетъ.

— Ба! — наивно воскликнулъ молодой кавалеристъ, князь Гаринъ, любуясь Мариной, а заодно и ея костюмомъ: — c'est dans le genre de Traviata, c'est ce que vous allez jouer là *)?

— О, нѣтъ! — искренне расхохоталась молодая женщина: — я — просто Оля сегодня... но, по нѣкоторымъ соображеніямъ, брилліантовая Оля, — добавила она, заранѣе торжествуя свою побѣду надъ Звонской, думавшей было помрачить Марину своимъ костюмомъ...

— Но... но вы съума сошли, милушка! — искренне испугалась та при видѣ Марины, вышедшей изъ

*) Т. е., это будетъ что-нибудь въ родѣ Травіаты, что вы будете сегодня играть?

уборной предъ началомъ акта. — Оля — простая мѣщаночка... и вдругъ... кружева, брилліанты! — чуть не задыхаясь отъ волненія, лепетала растерявшаяся премьерша.

— Не стильно, хотите вы сказать? — насмѣшливо прищурившись на нее, произнесла Марина, — не отвѣчаетъ смыслу пьесы? Но это—вздоръ, моя дорогая, дѣло не въ костюмѣ, а въ исполненіи. Не могу-же я, играя сегодня, одѣться прачкой! — и, скользнувъ небрежнымъ взглядомъ по костюму Донской-Звонской, бившему на эффектъ, но окончательно потерявшему рядомъ съ ея брилліантами и кружевами, Марина отошла отъ нея

— Содержанка! — прошипѣла ей вслѣдъ уничтоженная соперница.

Но Лоранская только презрительно усмѣхнулась въ отвѣтъ на дерзость и, полная злого торжествующаго удовлетворенія, шагнула на сцену предъ лицо публики произнося съ какимъ-то страстнымъ наслажденіемъ вступительныя слова роли.

Глухой ропотъ одобренія прошелъ по первымъ рядамъ.

Долетѣвшія до слуха Марины одобренія подѣйствовали на нее, какъ бокалъ шампанскаго. Страстная увѣренность въ своей силѣ, въ своихъ чарахъ и красотѣ наэлектризовала ее, давала апломбъ. Вакхическіе, вызывающіе взгляды помимо воли обращались къ партеру, обжигая и плѣняя притихшую подъ вліяніемъ ея присутствія молодежь. Взгляды горѣли и обжигали, а съ устъ срывались хорошія простыя рѣчи скромной трудолюбивой дѣвушки-работницы, мечтающей о семьѣ, о домашнемъ очагѣ, о трудѣ въ потѣ лица о-бокъ съ бѣднымъ труженикомъ-мужемъ. И такъ дико, такъ странно звучали онѣ въ устахъ этой очаровательной торжествующей женщины, залитой брилліантами, похожей скорѣе на плѣнительную русалку, нежели на обыкновенную, простую, скромную дѣвушку!

И сама Марина почувствовала еще далеко не угасшимъ въ ней инстинктомъ артистки, что это — не то, не то! Но поправиться и впасть въ надлежащій тонъ роли было уже поздно. И она, понимая, что возврата нѣтъ, словно закусила удила, прибавляя все больше и больше апломба и вызова своимъ словамъ, принимая обольстительныя позы и блестя своими загорѣв-

шимися русалочьими глазами. Роль пропадала въ ея исполненіи, пропадала досадно и глупо.

— Что вы надѣлали? Вы мнѣ всю сцену испортили, — въ отчаяніи хватаясь за голову, вскричалъ ея партнеръ Заволгинъ, игравшій роль ея жениха. — Чертъ знаетъ, что съ вами случилось! Осрамились, какъ послѣдняя бездарность.

— Прошу безъ дерзостей!—холодно остановила его Марина, чутко прислушиваясь къ тому, что происходило за занавѣсью.

Тамъ хлопали, неистовствовали, апплодировали вовсю. Но Марина знала, откуда идутъ эти шумныя овацiи. Ихъ устраивали ей первые ряды креселъ, гдѣ сидѣли ея друзья и поклонники, въ то время какъ весь остальной театръ поражалъ ее своимъ дружнымъ безмолвіемъ.

— А, такъ-то! — зловѣще произнесла молодая женщина и выходила раскланиваться исключительно первымъ рядамъ, съ самой подкупающей, съ самой обворожительной улыбкой.

— Что съ Лавровской? — громогласно недоумѣвала какая-то стриженая медичка, волнующаяся на своихъ „верхахъ“.—И узнать нельзя, точно подмѣнили актрису.

— Извините меня-съ, — возмущался какой-то старичекъ профессорской складки въ очкахъ,—а это-съ — развратъ-съ. И я-бы такихъ-съ, извините меня, со сцены помеломъ-съ!

Всѣ остальные акты Марина продолжала въ такомъ-же захватывающемъ тонѣ, какъ и первый. Такъ-же ярко горѣли ея вызывающіе глаза, такъ-же сверкали въ ушахъ брилліантовыя серьги... Въ антрактахъ ливпшееся рѣкой шампанское въ ея уборной еще болѣе усиливало то настроеніе жгучаго чада и распущенной веселости, которое захватило ее.

Вся трепещущая отъ гнѣва и ярости ушла Марина со сцены по окончаніи пьесы. Она видѣла неистово апплодирующихъ ей въ первомъ ряду ея поклонниковъ и быстро пустѣвшій въ то-же время за ними партеръ; публика старалась уйти какъ можно скорѣе, чтобы не видѣть позора той, въ которой она такъ скоро разочаровалась.

— Что-же это? Конецъ? Проклятіе! проклятіе! про-

клятіе! — лепетали побѣлѣвшія губы Марины, и она, пошатываясь, направилась къ уборной.

И вдругъ ея потухшій взоръ встрѣтилъ устремленные на нее съ ненавистью и злобой глаза Строганова, столкнувшагося съ ней у кулисъ.

— Дядя Миша! Что-же это?—безпомощно, по-дѣтски пролепетала Марина, бросаясь въ сторону трагика, и какъ-бы ища его защиты.

— Осрамили-съ! Не ожидалъ, барышня! — отстраняясь отъ Марины, сухо и отрывисто произнесъ тотъ. — Не ожидалъ! Забыли, что это — храмъ... святой храмъ искусства... Здѣсь работа... талантъ нужны, а не... витрины бриллiантовыхъ вещей, не приманка къ безнравственности и распутству...

Послѣднихъ словъ Марина не слыхала. Вся сгорая отъ стыда, переступила она порогъ своей уборной и, упавъ на козетку, зарыдала тяжелыми, безутѣшными, душу надрывающими слезами.

Въ такомъ ужасномъ состоянiи нашелъ Марину Юрiй и поторопился увезти домой.

И въ первый разъ Марина почувствовала глухое раздраженiе противъ своего любовника, считая его виновникомъ своего позора.

На другой-же день молодая женщина отослала порванный контрактъ театральной дирекцiи, заплативъ неустойку, и съ еще большимъ увлеченiемъ окунулась въ золотую пучину разгула и веселья, топя въ немъ свое первое серьезное, жгучее горе, хороня въ немъ свою такъ долго лелѣянную надежду, свою идею, безвременно погибшую навсегда.

XXII.

Какъ-то утромъ Марина проснулась раньше обыкновеннаго. Послѣднее время она привыкла такъ просыпаться, несмотря на бурно проводимыя ночи. Послѣ „провала“, какъ сама Марина называла свое театральное пораженiе, молодая женщина спала мало и тревожно. Да и не только „провалъ“ игралъ значительную роль въ ея угнетенномъ настроенiи. Между нею и Юрiемъ пробѣжала, какъ говорится, черная кошка, неизбѣжное слѣдствiе театральной неудачи Лоранской. Впрочемъ, Юрiй оставался все тѣмъ-же изысканно-рыцарскимъ поклонникомъ Марины и, уважая ея первое разочаро-

ваніе, старался не замѣчать глухого раздраженія и несправедливыхъ упрековъ, направленныхъ по его адресу съ ея стороны. А Марина, выливъ все свое раздраженіе въ безполезныхъ сѣтованіяхъ и нападкахъ на Вакулина, тутъ-же прозрѣвала, понимая всю ихъ безцѣльность и ненужность. Ее охватывали жгучій стыдъ за свою несдержность и боязнь потерять этого милаго Юрія, ставшаго Маринѣ еще необходимѣе послѣ ея ухода изъ театра.

Вакулинъ представлялъ изъ себя теперь ея единственную привязанность въ жизни и то розовое окошко, черезъ которое только Марина могла смотрѣть на всѣ лучшія стороны жизни.

Вакулинъ старался не замѣчать возбужденныхъ нападокъ Марины и ея упрековъ и только чуть морщился, когда они черезчуръ превышали терпѣніе. Марина попрежнему владѣла его мыслями, всѣмъ его настроеніемъ и если сердце этого страннаго, уравновѣшеннаго человѣка имѣло способность любить, то чувство его къ Маринѣ можно было смѣло назвать любовью. И Марина, видя его хладнокровіе, сдержность и невозмутимое спокойствіе во время „сценъ“, устраиваемыхъ ею, остывала разомъ и, съ робкимъ сознаніемъ своей неправоты, ластилась къ нему, стараясь загладить свой промахъ.

Сегодня Маринѣ было особенно не по себѣ. Наканунѣ, измученная бездѣйствіемъ послѣднихъ дней, обезсиленная безумно проводимыми въ кутежахъ ночами, она горько упрекала Юрія въ охлажденіи и недостаточной заботливости о ней.

Выведенный, наконецъ, изъ себя, потерявшій терпѣніе Вакулинъ, не желая отвѣчать рѣзкостью на рѣзкость, поспѣшилъ уйти, оставивъ Марину одну съ ея упреками и гнѣвомъ.

Это было вчера. А сегодня Марина проснулась съ тяжелымъ смутнымъ чувствомъ въ душѣ и искреннимъ раскаяніемъ въ своемъ поступкѣ.

Ей захотѣлось увидѣть Юрія сейчасъ, сію минуту, покрыть это гордое, спокойное лицо поцѣлуями, смотрѣть въ его холодные для всего міра и нѣжные для нея одной глаза, слушать его голосъ, упиваться имъ...

Потерявъ все на свѣтѣ, Марина инстинктивно хваталась за послѣднюю привязанность, олицетворявшуюся

ей въ одномъ Вакулинѣ, и обвивалась вокругъ нея какъ обвивается гибкій плющъ вокругъ крѣпкаго дуба Она съ неудовольствіемъ вспомнила ихъ вчерашнюю размолвку, свои колкія рѣчи и его лицо, ставшее разомъ холоднымъ и враждебнымъ.

„Онъ разлюбитъ меня! — подумалаМарина съ тоскою и что-то больно ужалило ее въ самое сердце.—Надо загладить вчерашнее, надо написать ему, чтобы вернулся сейчасъ-же, сію минуту. Откладывать примиреніе нельзя! нельзя!“

И молодая женщина уже было направилась къ письменному столу, чтобы написать записку Вакулину на службу, какъ франтоватая горничная, внезапно появившаяся на порогѣ, доложила ей:

— Васъ желаетъ видѣть г. Лоранскій.

— Братъ! — вырвалось невольнымъ крикомъ изъ груди Марины, и вся краска прихлынула къ ея лицу.

— Не могу знать, — чуть-чуть усмѣхнулась субретка, привыкшая „видать виды“ въ свою недолгую, но богатую событіями карьеру горничной.

— Зовите его сюда! — взволнованно приказала Марина, — или нѣтъ, дайте мнѣ пеньюаръ... и я выйду въ гостиную. Да не тотъ-же, не тотъ! — выходила изъ себя Марина, видя, что горничная подаетъ ей богатый обшитый кружевами, роскошный капотъ, — попроще что-нибудь достаньте!

Дрожащими пальцами застегивала Марина крючки пеньюара, то блѣднѣя, то краснѣя при одной мысли о томъ, что тамъ, за этой стѣною, ждетъ ее Павлукъ, дорогой Павлукъ, вспомнившій о ней и простившій ее.

Быстро на-ходу оканчивая свой туалетъ, вся трепещущая и взволнованная, съ быстротою дѣвочки вбѣжала Марина въ гостиную и разомъ, какъ вкопанная, остановилась на порогѣ.

Тотъ, кто ждалъ ея здѣсь, отнюдь не былъ Павломъ Лоранскимъ. Высокій, тонкій, какъ жердочка, молодой человѣкъ въ изысканной модной парѣ и съ моноклемъ въ глазу, съ тщательно причесанной по послѣдней картинкѣ головою, показался ей чужимъ и далекимъ въ одно и то-же время.

— Граня? — нерѣшительно, робко произнесла Марина, не довѣряя сама своимъ глазамъ.

— Да, это — я, какъ видишь, своей собственной

персоной! — спокойно произнесъ Граня, и Марина не узнала опять въ носовыхъ фатоватыхъ звукахъ съ умышленнымъ грасированіемъ голоса ея младшаго брата.

— Что-жъ ты смотришь на меня? Или не рада? — съ легкой усмѣшкой, маскирующей замѣтное смущеніе, произнесъ Граня. — Можно сѣсть, прежде всего?

— Ахъ, пожалуйста, — спохватилась Марина, машинально опускаясь на диванъ и все еще не спуская тревожно-вопросительнаго взгляда съ брата.

— А ты по-царски устроилась! — напуская на себя небрежное равнодушіе, произнесъ Граня, оглядывая взглядомъ знатока картины и гобелены, сплошь покрывающіе стѣны гостиной. — Это — Айвазовскій? — прищуриваясь въ кулакъ на громадныхъ размѣровъ картину, изображающую бурю на морѣ, спросилъ онъ.

— Айвазовскій, — машинально отвѣтила Марина и вдругъ, разомъ собравшись съ духомъ, спросила: — ты откуда, Граня?

— Оттуда, изъ Гавани, думаешь ты? — спросилъ онъ и вдругъ искренне, по-дѣтски безпечно разсмѣялся, разомъ напомнивъ сестрѣ прежняго безпечнаго, милаго общаго любимца Граню. — Нѣтъ! не оттуда! Тамъ, я думаю, о насъ съ тобой и слышать не хотятъ. Послѣ нечаянно произнесенныхъ именъ нашихъ ротъ полощутъ, какъ и подобаетъ настоящимъ православнымъ христіанамъ. Я самъ по себѣ къ тебѣ пришелъ, Мариночка. Соскучился и пришелъ. И не раскаиваюсь... чудо какъ хорошо у тебя!.. Да и ты сама совсѣмъ, совсѣмъ шикарная женщина, честное слово!

— Постой, постой!—прервала Граню сестра, хватаясь за голову, какъ-бы желая собраться съ мыслями, — постой, и ты, значитъ, ушелъ?

— Понятно, ушелъ! — пренебрежительно протянулъ Граня: — кто-же можетъ выдержать этотъ номеръ? Чертъ знаетъ что... дрязги... грошевые расчеты... капуста... Свекла... Развѣ это — жизнь?.. Еще до тебя туда-сюда было... А ты ушла, совсѣмъ все расклеилось. Въ могилѣ веселѣе, право!

Граня говорилъ, безпечно посмѣиваясь, играя стеклышкомъ монокля и избѣгая смотрѣть прямо въ глаза сестры.

— Постой! А какъ-же гимназія? а? — все болѣе и болѣе волнуясь, допытывалась Марина.

— Тю-тю гимназія, тю-тю, по-боку, шабашъ! — весело присвистнулъ Лоранскій.

— Выгнали? изъ гимназіи выгнали? — въ ужасѣ произнесла Марина.

— Ну, вотъ ужъ и „выгнали“! Экая драма, подумаешь, если-бъ даже и выгнали! Что-же изъ этого? Какъ-будто помимо гимназіи и дорогу пробить нельзя. Служить буду... Еще какъ пробьемся, увидишь!—хвастливо заключилъ Граня.

— А пока? пока чѣмъ жить будешь?

— Пожалуйста, не безпокойся. Проживемъ. Къ тебѣ за помощью не обращусь, — обидчиво промямлилъ Граня. — По крайней мѣрѣ, за денежной помощью! — добавилъ онъ и вызывающе глянулъ въ лицо сестры.

Страшная догадка молніей мелькнула въ мысляхъ Марины. Она пристально взглянула въ лицо брата.

„Нѣтъ сомнѣнія — это такъ... и эта прическа, и костюмъ, и монокль въ глазу, и весь этотъ безстыдно-самоувѣренный тонъ... Нѣтъ сомнѣнія... Граня погибъ“.

— Герасимъ! — вырвалось съ ужасомъ изъ груди Марины. — Неужели?

Ея глаза, впившіеся, какъ двѣ стрѣлы, въ глаза брата договорили то, что не могъ выговорить языкъ.

Рѣсницы Грани невольно опустились на мгновеніе, но сейчасъ-же онъ, сдѣлавъ усиліе надъ собою, остановилъ глаза дерзкимъ вызовомъ на лицѣ сестры.

— Ну, такъ что-же? — произнесъ онъ чуть дрогнувшимъ голосомъ. — Пока я живу въ кредитъ...

— Но этотъ кредитъ открытъ тебѣ женщиной?

— Если хочешь, да! — кивнулъ головой Граня: — моей невѣстой, такъ какъ я рано или поздно женюсь на Люлюшкиной.

— Граня! Граня! а пока, пока-то ты живешь на ея средства? — въ ужасѣ шептала Марина.

— А ты-то развѣ не живешь на средства Вакулина? — дерзко выкрикнулъ Граня съ яростью.

„Но я — женщина!“ — хотѣлось крикнуть Маринѣ, но она разомъ прикусила языкъ.

Она — женщина и не думаетъ-ли въ этомъ найти себѣ оправданіе? Женщина, представительница слабаго пола, одна изъ тѣхъ ревностныхъ поборницъ эманси-

паціи, кричащихъ: „дорогу намъ!“, когда дѣло касается карьеры, выгоды, тщеславія. Она, Марина, всегда стояла за равноправіе половъ. А теперь, теперь она, оправдывая свое паденіе женской слабостью, клеймитъ этимъ соскользнувшаго съ истиннаго пути юношу, почти ребенка!

Ужасъ и стыдъ обожгли, точно прикосновеніе раскаленнаго желѣза, душу Марины.

А Граня, между тѣмъ, уже оправившійся отъ своего перваго смущенія, говорилъ:

— Собственно говоря, я не вижу здѣсь позора. Она—моя невѣста, женщина, отдавшая мнѣ свое сердце... будущая жена... А развѣ могутъ быть церемоніи и счеты между мужемъ и женою? И потомъ, не она, а я ей дѣлаю одолженіе тѣмъ, что позволяю помогать мнѣ. Она и смотритъ на меня, какъ на будущаго мужа, и готова на все пойти ради меня. Это—не твой Вакулинъ!

Марина вздрогнула, какъ отъ удара хлыста, при этихъ послѣднихъ словахъ Грани.

— Вакулинъ?—машинально повторила она:—и онъ тоже готовъ на все... Почему ты думаешь?—подняла она оторопѣлый взглядъ на брата.

— На все, кромѣ женитьбы... Онъ готовъ даже разориться на тебя, судя по безумной роскоши, которая окружаетъ тебя, какъ царицу. Но только не женитьба, нѣтъ! А, между тѣмъ, онъ взялъ тебя чистой и непорочной дѣвушкой, и долгъ каждаго порядочнаго человѣка...

— Постой, постой!—прервала Граню сестра:—ты ошибаешься. Если этого не случилось еще, то только потому, что я сама не подумала объ этомъ... Мы жили до сихъ поръ, какъ въ чаду, забывая о самомъ необходимомъ. Но теперь ты первый напомнилъ мнѣ о долгѣ и Юрій не замедлитъ исполнить то, что необходимо, говоришь ты...

— Необходимо? Нѣтъ!—пожалъ плечами Граня.—Я самъ — врагъ обрядностей, а просто это хорошо было-бы для матери, для нихъ всѣхъ... Понимаешь, есть вещи, съ которыми необходимо считаться...

— Да, да!—согласилась Марина.—Я скажу Юрію... Я упустила изъ вида.

Марина не лгала. Она, дѣйствительно, въ своемъ безумномъ круговоротѣ позабыла о главномъ, а теперь это главное, высказанное Граней, точно сбросило ее съ облаковъ.

Братъ и сестра проговорили еще долго самымъ миролюбивымъ образомъ и разстались вполнѣ довольные другъ другомъ. Марина даже повеселѣла и оживилась, чего не случалось съ нею въ послѣднее время. Тоска по домѣ и по своимъ давала себя знать. Теперь у нея являлся выходъ, виднѣлась перспектива впереди, примиреніе съ семьей, ставшей теперь особенно дорогой ея сердцу.

XXIII.

— Ахъ, Юрій, какъ я рада, что ты, наконецъ, пріѣхалъ! — сорвалось съ устъ Марины при появленіи Вакулина счастливымъ звукомъ и она занесла за плечи Юрію свои красивыя руки.

Вакулинъ удивился и этому столь необыденному въ ихъ отношеніяхъ „ты“, и этому сіяющему лицу, которое отвыкъ видѣть у нея въ послѣднее время. За это долгое время онъ какъ-то даже слегка разочаровался въ Маринѣ изъ-за этихъ ея „мѣщанскихъ“ упрековъ, а слѣдствіемъ разочарованія явилось и нензбѣжное въ такихъ случаяхъ охлажденіе. Правда, Марина еще нравилась ему, но это уже было не то. Вмѣстѣ съ упреками и сценами она потеряла въ глазахъ Вакулина добрую треть своего обаянія.

Вакулинъ былъ правъ, называя себя „дитятей праздника“. Будней онъ не переносилъ, да и не было будней въ жизни молодого сибарита. Самое его чувство къ Маринѣ искусственно подогрѣвалось тѣмъ успѣхомъ, которымъ пользовалась она. Но со времени „провала“ въ театрѣ Марина стыдливо избѣгала общества, и Юрій, не видя ея блестящей и окруженной толпою поклонниковъ, а вмѣсто этого по большей части недовольной и скучающей въ домашней обстановкѣ, какъ-то невольно притуплялся своимъ чувствомъ къ ней. Излюбившееся, капризное и требовательное сердце Юрія не могло удовлетвориться здоровыми впечатлѣніями.

Но Юрій былъ слишкомъ „джентльмэномъ“, чтобы дать почувствовать свое охлажденіе Маринѣ. И теперь, когда она бросилась къ нему навстрѣчу, такая сіяющая и счастливая, онъ съ самымъ предупредительнымъ видомъ поцѣловалъ одну за другою обѣ ея ручки и, галантно улыбаясь, спросилъ:

— Фея Раутенделейнъ ожила опять? А я уже думалъ, что...

— Граня у меня былъ сейчасъ! — перебивая его и все еще радостно сіяя глазами, произнесла Марина.

„Гм... такъ вотъ оно что! — подумалъ Юрій. — Какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ! Къ своимъ потянуло. Понимаю!“

— Граня женится, — продолжала Марина, — женится на очень богатой женщинѣ и, кажется, счастливъ...

— Женится? — удивился Юрій и чуть-чуть усмѣхнулся себѣ въ усы.

Какъ ни тонка была эта усмѣшка, но она не ускользнула отъ глазъ Марины.

— Ну да, женится! — повторила Лоранская и прибавила, глядя въ самые зрачки Вакулина съ вызывающимъ видомъ: — я думаю, каждый порядочный человѣкъ, скомпрометтировавшій женщину, обязанъ сдѣлать то-же.

— Да, если это было поставлено ему въ условіе! — стойко выдерживая ея взглядъ, отвѣтилъ Юрій.

Марина вздрогнула и поблѣднѣла.

— А развѣ для этого необходимы контракты? — прищуривъ глаза, произнесла она. — Развѣ не достаточно нравственнаго обязательства, само-собою подразумѣваемаго для каждаго порядочнаго человѣка?

Теперь наступила очередь Вакулина вздрогнуть и поблѣднѣть.

— Кажется, нашъ разговоръ переходитъ на личную почву? — холодно взглянувъ на Марину, произнесъ онъ.

— Да, Юрій Юрьевичъ, разговоръ переходитъ на личную почву! — звенящимъ, взволнованнымъ голосомъ подтвердила Марина.

— Свиданье съ братомъ разстроило ваши нервы, Марина! Вы взволнованы, дорогая! — разомъ смягчаясь, произнесъ Вакулинъ, прерывая новую сцену и новые упреки, такъ глубоко противные его душѣ.

— Мой братъ открылъ мнѣ глаза! — продолжала тѣмъ-же голосомъ и тѣмъ-же тономъ Лоранская, — открылъ глаза на гнусность человѣка, котораго я до сихъ поръ считала порядочнымъ и достойнымъ!

При этомъ послѣднемъ оскорбленіи Вакулинъ вздрогнулъ, какъ отъ удара.

Никто въ мірѣ не смѣлъ еще сомнѣваться въ его

порядочности. Будь то мужчина, Юрій жестоко отплатилъ-бы ему за нанесенное оскорбленіе. Но его оскорбила женщина, и ему оставалось только принять эту пощечину, нанесенную такъ мѣтко ея слабой рукой.

И ненависть къ Маринѣ за безсиліе пробудилась въ Вакулинѣ неизъяснимымъ порывомъ. Лицо его, обыкновенно блѣдное и спокойное, теперь пошло красными пятнами, когда онъ заговорилъ, стараясь всѣми силами удержать присутствіе духа и необходимое спокойствіе.

— Вы неправы, Марина Денисовна, тысячу разъ неправы. Насколько помнится мнѣ, у насъ не было ни рѣчи о бракѣ, ни условій, ни алтаря. Я звалъ васъ, какъ фею чудной сказки, звалъ на пиръ, сказочный пиръ, беззаботный и счастливый. Феи не созданы поддерживать огонь семейнаго очага... Онѣ опалятъ на немъ свои прозрачныя крылышки... Онѣ рождены для веселья, радости, смѣха. Я предложилъ вамъ мое сердце, мою любовь и всѣ мои богатства, Марина, но моей руки, какъ выражаются наши современные искатели брачныхъ узъ, я не предлагалъ. Вслѣдъ за брачнымъ свидѣтельствомъ неизбѣжно наступаетъ проза, а жизненной прозы я боюсь, Марина, боюсь, какъ огня... Я сдѣлалъ все для вашего счастья, вы не можете меня упрекнуть въ недостаткѣ заботливости, въ скупости, въ нетактичности. Одно только я не могъ вамъ дать, потому что это было-бы выше меня — мою свободу.

— Вы ошибаетесь! — вскричала Марина, забывшись, и глаза ея загорѣлись бѣшенствомъ, — не одной своей свободы вы не додали мнѣ... а и самаго необходимаго, самаго дорогого...

„Чего?“ — спросили его изумленные глаза.

— Любви! — вырвалось изъ ея груди въ безумномъ порывѣ горечи и отчаянія, — любви не дали вы мнѣ, той любви, которая готова всѣмъ пожертвовать, все отдать для счастья и спокойствія другого существа... Вы не любили меня, Вакулинъ, вы никогда не любили!

— Если понятіе о любви сопряжено у васъ съ мѣщанскимъ понятіемъ о брачныхъ узахъ, о домашнемъ, семейномъ очагѣ съ неизбѣжной прозой, его спутницей, — серьезно и насмѣшливо произнесъ Вакулинъ, — вы правы — я не любилъ васъ никогда. Вы были для меня феей, прелестной феей Раутенделейнъ, дающей свое

феерическое счастье, которой я поклонялся, которою восхищался и которую боготворилъ. Вы не будете, надѣюсь, отрицать этого, Марина? Скажите, чего не сдѣлалъ я для васъ?..

— Все! вы сдѣлали все, Вакулинъ! — глухо произнесла Марина, и Юрій Юрьевичъ не узналъ въ этой разомъ постарѣвшей и осунувшейся женщинѣ красавицы Марины.

„Однако, какъ она подурнѣла въ послѣднее время“,— мелькнуло въ мысляхъ Вакулина и, стараясь побороть въ себѣ непріятное чувство, онъ прибавилъ вслухъ съ самой любезной улыбкой:

— Чего вы желаете еще, чтобы я исполнилъ для вашего спокойствія, дорогая? Разумѣется, что только въ предѣлахъ возможнаго...

— О! немногаго, весьма немногаго, такъ какъ все остальное уже великодушно исполнено вами!—беззвучно произнесли побѣлѣвшія губы Марины. — Я на этотъ разъ буду скромна въ своемъ желаніи и попрошу васъ только... уйти!

— Вы взволнованы, — произнесъ Вакулинъ. — Я понимаю, въ такихъ случаяхъ человѣку необходимо остаться наединѣ съ собою... я ухо...

— Уйдите! — вырвалось безумнымъ крикомъ изъ груди Марины и глаза ея съ ненавистью остановились на лицѣ того, кто ей былъ недавно еще такъ милъ и дорогъ.

Вакулинъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на эту женщину, разомъ потерявшую въ его глазахъ всю свою элегантную прелесть, почтительно склонился предъ нею своей бѣлокурой изящно причесанной головой и вышелъ изъ ея будуара.

XXIV.

„Дорогая, голубушка, мама! дорогая, голубушка! Если въ вашей душѣ есть капля прощенія, подарите ее мнѣ, вашей несчастной погибшей Маринѣ. Мама! у меня нѣтъ больше жизни, нѣтъ надежды на будущее... нѣтъ ничего. Я—нищая, мама! Ради всего святого, поймите меня. Я—нищая, по своей волѣ, но все-же нищая! Нищая среди этой роскоши, въ этомъ дворцѣ, который меня душитъ, какъ тюрьма можетъ только душить одиночнаго узника... Я поняла, какую жалкую

роль сыграла въ душѣ этого человѣка, котораго ненавижу теперь всѣми силами души. Но себя я ненавижу еще больше его, дорогая мама, такъ какъ въ моемъ влеченіи къ нему играло больше всего роль его богатство. О! я проклинаю его, это богатство, покрывшее мою голову несмываемымъ позоромъ!

„Мама! мама! прійди ко мнѣ! прости меня! Я, какъ ребенокъ, жажду твоей ласки, твоего прощенія! Мама! дорогая, любимая, хорошая, добрая мама! прости меня! Дай мнѣ вернуться къ тебѣ... дай возможность загладить мнѣ свой поступокъ всей остальной жизнью подлѣ тебя. Мнѣ такъ тяжело, мама, что я не ручаюсь за себя! Если ты не придешь ко мнѣ, дорогая, я съума сойду! Мама! мама! жду тебя. Приди за мной, возьми меня съ собою. Помнишь, какъ ты брала за руку и выводила изъ чащи кустовъ, которые казались лѣсомъ для твоей малютки Марины. И теперь, какъ и тогда, я заблудилась въ этомъ лѣсу. Спаси меня, мама, спаси твою заблудшую Марину!“

Такое письмо написала Марина тотчасъ-же послѣ разговора съ Юріемъ и вручила горничной съ приказаніемъ какъ можно скорѣе отвезти въ Гавань.

Субретка поспѣшила исполнить желаніе своей госпожи, а Марина опустилась въ изнеможеніи на козетку и стала ждать.

Мартовскія сумерки окутывали синей дымкой розовую бомбоньерку, игравшую роль комнаты. Прихотливое вечернее освѣщеніе застилало будуаръ легкой прозрачной дымкой. Марина лежала и ждала. Ей только и оставалось ждать... ждать, и ничего больше. Она старалась не думать, не вспоминать ни о чемъ. Ей было жутко думать и жутко вспоминать въ эти роковыя минуты. Впереди, сзади, со всѣхъ сторонъ вокругъ нея поднималась громадная сѣрая стѣна, давившая своей тяжестью и непроницаемостью молодую женщину.

Эта стѣна тупого, мертваго отчаянія валилась на Марину со всѣхъ сторонъ, рушилась ей на душу, на сердце. За этой стѣной кипѣла ея былая жизнь, которой она лишилась навсегда,— жизнь, полная гнуснаго позора, несмываемаго, рокового...

О! у нея хватитъ силы выдержать всю тяжесть сѣрой стѣны, лишь-бы она постоянно отдѣляла ее отъ ея коротенькаго, но отвратительнаго прошлаго...

На душѣ Марины было пусто и мертво, какъ бываетъ пусто и мертво на душѣ трудно-больного за нѣсколько часовъ до смерти. Ни сожалѣнія, ни горечи не было въ ней Марина ждала и только ждала избавленія изъ этого золотого плѣна, въ который добровольно заключила себя...

„Мама пріѣдетъ, проститъ, и снова къ нимъ, къ дорогимъ, милымъ!“ — мелькало отъ времени до времени въ ея мысляхъ.

И вдругъ эту мысль поглотила другая.

Гнетущая скорбь, жгучая жалость и ко всей этой роскоши, и ко всему тому, что она теряла, разомъ наполнили до боли сжавшееся сердце Марины. Скоро... сейчасъ, можетъ быть, пріѣдетъ мать... проститъ ее и увезетъ къ себѣ, счастливая, довольная ея раскаяніемъ, и начнется прежняя жизнь, жизнь, полная грошевыхъ расчетовъ, мелочей, будничной суеты, такъ претящей душѣ ея, Марины. Опять долгія разсужденія по поводу каждаго куска матеріи на платье, каждой новой пары туфлей. Опять грошевая закуска за вечернимъ чаемъ и будничныя лица будничныхъ гостей. И этотъ сѣренькій домикъ, и вѣчное воспоминаніе о прежнемъ бурно проведенномъ сказочномъ праздникѣ! О, ужасъ!

И Марина разомъ поднялась съ козетки и стояла теперь предъ зеркаломъ, вся взволнованная и блѣдная, какъ смерть.

Въ полумракѣ комнаты ярко горѣли ея глаза, широко раскрытые, почти безумные отъ ужаса, отражавшагося въ нихъ. Еще ярче горѣли громадные шатоны въ ушахъ Марины и великолѣпная бриллiантовая запонка у ворота ея пеньюара.

И сбросить съ себя все это, и снова облечься въ жалкія отрепья, лишиться всѣхъ этихъ драгоцѣнностей, такъ подчеркивающихъ ея красоту!

И жгучее раскаяніе охватило Марину. Теперь это письмо, написанное сгоряча матери и казавшееся ей еще часъ тому назадъ якоремъ спасенія, являлось въ ея мысляхъ лишь новымъ плодомъ безразсудства.

„Пусть потеряно все, — вихремъ пронеслось въ мысляхъ молодой женщины, — надо стойко выдержать ужасъ потери, надо имѣть достаточно мужества не возвращаться туда, откуда ушла безвозвратно. Все равно, жизнь тамъ — не жизнь. Я захлебнулась своей

золотой отравой, и новая тихая жизнь безсильна сослужить роль противоядія въ моей судьбѣ. Да и жизнь-ли это? не хуже-ли самой смерти это прозябаніе, эта могила для узнавшей въ короткій срокъ всю прелесть чарующей сказки? Онъ правъ, Вакулинъ, я — фея, праздничная фея роскошнаго, обильнаго своими богатствами лѣса, и должна остаться ею, во что-бы то ни стало!"

Какъ сомнамбула, двигалась теперь съ этими своими мыслями Марина по погруженнымъ въ полумракъ комнатамъ большого вакулинскаго особняка. Прислуга, обманутая тишиной, вообразила, что хозяева уѣхали, и не зажигала электричества. И домъ казался уснувшимъ въ голубоватомъ туманѣ весеннихъ сумерекъ.

— Фея Раутенделейнъ! Фея! Фея! — съ какой-то безумной улыбкой и страшнымъ блескомъ въ глазахъ шептала Марина, — ну, я и буду ею! и буду! и буду! Только-бы его не было! не было! не было!

И „его", дѣйствительно, не было. Вакулинъ, очевидно, уѣхалъ, опасаясь новыхъ сценъ и упрековъ со стороны разгнѣванной Марины. По крайней мѣрѣ, въ большомъ роскошномъ въ восточномъ вкусѣ убранномъ кабинетѣ, куда робко вошла Марина и гдѣ Юрій обыкновенно проводилъ время, когда не былъ съ нею—его не было. Слуги позабыли опустить сторы, и свѣтъ электричества съ улицы прихотливыми змѣйками скользилъ по диванамъ, тахтамъ и коврамъ... Онъ игралъ на позолотѣ мебели, на картинахъ и бронзѣ и серебряной оправѣ оружія, въ большомъ числѣ развѣшеннаго на стѣнѣ. Къ этой стѣнѣ тою-же скользящей поступью сомнамбулы и подошла Марина. Постоявъ минуту въ раздумьѣ, она легко вскочила на тахту и, поднявшись на цыпочки, сняла со стѣны небольшой изящный заграничной работы револьверъ.

Марина знала, что это оружіе заряжено. Она потрогала его стволъ, курокъ и, все такъ-же растерянно и пугливо улыбаясь, приложила дуло къ виску.

И разомъ странное спокойствіе проникло въ душу Марины. Ей почему-то припомнились свое далекое дѣтство... сѣрый домикъ, кусты малины, куда она, крошечная малютка, забралась и откуда никакъ не можетъ выбраться. Потомъ въ ушахъ ея прозвучалъ мотивъ колыбельной пѣсенки, подъ которую она засы-

пала на рукахъ матери... Потомъ до слуха Марины ясно долетѣли приближающіеся шаги. Это уже не были грезы воспоминанья, а дѣйствительность.

„Мама! — мелькнула тревожная мысль въ мозгу Марины, — не успѣю!“ — и, нажавъ гашетку, она быстро спустила курокъ.

И большая роскошная комната съ тахтами, диванами и бронзой, и оружіемъ на стѣнѣ, — все поплыло предъ глазами Марины. Или сама она поплыла по какому-то безбрежному морю, а море шептало, плескалось и ласково пѣло вокругъ нея: „фея Раутенделейнъ! ты — фея! фея! фея!“

И, безпомощно раскинувъ руки, Марина тяжело грохнулась на коверъ.

Въ ту-же минуту дверь широко распахнулась, и Марья Дмитріевна съ Павлукомъ, испуганные и встревоженные, появились на порогѣ.

— Опоздали! — безумнымъ крикомъ вырвалось изъ устъ Лоранской, и она съ воплемъ упала на распростертое тѣло Марины.

XXV.

Золотые лучи апрѣльскаго солнышка проникли сквозь маленькія окна сѣраго домика въ спальню матери и дочери Лоранскихъ.

Въ этой скромной спальнѣ на большой двуспальной постели тихо умирала Марина.

Послѣ того рокового вечера прошло три недѣли, три долгихъ недѣли, во время которыхъ жизнь Марины то висѣла на волоскѣ, то снова заявляла свои права, борясь со смертью тяжелой, неравной борьбой.

Въ эти три недѣли многое измѣнилось въ судьбѣ сѣраго домика. Страшное событіе потрясло и перевернуло весь строй прежней жизни Лоранскихъ. Выбитые изъ колеи упавшимъ было на нихъ „наслѣдствомъ“ Павлукъ и Граня какъ-то разомъ осѣли при видѣ безвременной гибели сестры. Прежніе хорошіе инстинкты заговорили въ этихъ далеко не испорченныхъ по натурѣ, но сбившихся съ пути юношей. Они точно проснулись отъ ихъ болѣзненнаго сна, точно освободились изъ-подъ власти туманившаго ихъ души и головы наркоза. Павлукъ съ ужасомъ понялъ, что нѣчто подобное ждало впереди и его... Онъ впервые взглянулъ

на Ирму трезвыми глазами и понялъ, какую жалкую роль игралъ онъ въ сердцѣ этой жадной, безчувственной и безчестной женщины,—понялъ и отпрянулъ отъ нея съ ужасомъ...

Съ Граней дѣло было сложнѣе.

Граня, какъ и Марина, слишкомъ втянулся въ этотъ наркозъ разлагающаго душу богатства, чтобы такъ легко отказаться отъ него. Къ тому-же у Грани былъ выходъ — женитьба. И тотчасъ-же послѣ рокового эпизода съ сестрой Граня бросился къ Люлюшкиной, умоляя ее покрыть ихъ связь бракомъ.

Но каковы-же были негодованіе и горесть Грани, когда очаровательная Агата, заливаясь слезами, объявила своему юному любовнику, что она уже замужемъ, но что мужъ не хочетъ ни жить съ ней подъ однимъ кровомъ, ни дать ей разводъ.

И Граня, возмущенный коварнымъ поступкомъ „невѣсты", оставилъ Люлюшкину, разомъ порвавъ всякую связь съ ней и вернувшись въ сѣрый домикъ навсегда раскаявшимся блуднымъ, но все-же милымъ сыномъ.

Несчастье Марины спасло семью. Судьба, въ силу своего безпощаднаго закона, требовала искупительной жертвы, и этой жертвой являлась Марина, и она спасла остальныхъ заблудшихъ членовъ сѣраго домика.

Но жертва была неминуема, и Марина умирала. Сегодня она впервые сознательно признала окружающихъ. Блѣдная, измученная, лежала молодая женщина на высоко приподнятыхъ бѣлоснѣжныхъ подушкахъ. Громадные глаза ея казались еще загадочнѣе, еще таинственнѣе на этомъ страшно исхудаломъ лицѣ.

Вокругъ Марины собралась вся ея маленькая семья. Тутъ были сильно постарѣвшая и совсѣмъ посѣдѣвшая отъ горя и тревогъ послѣдняго времени Марья Дмитріевна, и присмирѣвшая Лелечка, съ измученнымъ отъ безсонницъ за болѣзнь сестры лицомъ, и Павлукъ, и Граня, и Кодынцовъ, — даже Кодынцовъ, съ нѣжной заботливостью брата ухаживавшій наравнѣ съ другими за дорогой его сердцу больной.

Марина лежала среди всѣхъ этихъ милыхъ встревоженныхъ, измученныхъ до послѣдней степени людей и глаза ея, обращенные къ морю, лихорадочно горѣвшіе глаза, казалось, уже видѣли иной міръ, открывшій предъ ней свои таинственныя двери.

— Мнѣ хорошо теперь! — говорили ея запекшіяся губы: — мнѣ такъ, такъ хорошо! Это — лучшій подарокъ, посланный мнѣ судьбою, смерть... смерть — вотъ исходъ всѣхъ тревогъ и страстей, и радостей, и наслажденій. И любовь, и искусство, и успѣхъ, и золото, все — только сонъ и сказка... Не сказка и не сонъ — одна только смерть... Сержикъ! — слабымъ голосомъ обратилась Марина къ Кодынцову: — помнишь тотъ вечеръ, когда мы возвращались съ тобой изъ театра?.. Помнишь крикъ морской сирены?.. Я испугалась тогда, а ты еще смѣялся... Я вѣрила въ то, что она предвѣщала мнѣ гибель... И я погибла для тебя... для всѣхъ... Простишь-ли ты меня, Сержикъ?..

— Марина! дорогая! — прорыдалъ Кодынцовъ: — мнѣ-ли не простить тебя! Не говори, не говори такъ! ты должна жить для семьи, для меня!

— Жить?—усмѣхнулась Марина: — жить? Къ чему теперь, когда все лучшее въ жизни оказалось призракомъ... миражемъ... Нѣтъ, жить не слѣдуетъ, Сержикъ...

И вдругъ Марина разомъ заволновалась и затрепетала, какъ подстрѣленная птичка, на своемъ ложѣ. Она точно почувствовала, какъ кто-то вошелъ и всталъ у дверей. И всѣ разомъ почувствовали „его“ присутствіе.

Лелечка быстро кинулась къ Вакулину, появившемуся на порогѣ, и зашептала въ какомъ-то страстномъ ожесточеніи:

— Уйдите! Зачѣмъ вы пришли сюда? любоваться на дѣло вашихъ рукъ? Любуйтесь! Вы погубили сестру! Вы — ненавистный, проклятый человѣкъ!

— Нѣтъ! нѣтъ! — срываясь, произнесъ замирающій голосъ Марины: — нѣтъ, не гоните его! Онъ невиновенъ... ни онъ, ни я! Юрій, — позвала она Вакулина, — подойди сюда!

Вакулинъ приблизился къ Маринѣ съ лицомъ, подергивающимся отъ волненія, самъ не менѣе блѣдный, нежели больная.

— Дорогая! — произнесъ Вакулинъ, едва сдерживая судорогу рыданій, клокотавшихъ въ его груди: — дорогая! я на все готовъ! Будь моей женою, дѣлай изъ меня, что хочешь! Но не уходи отъ меня! Живи, моя Марина! Живи!

— Поздно! — произнесъ голосъ умирающей, — и хорошо, что поздно, Юрій, потому что ни ты, ни я не

способны къ жизни и любви! Мы — дѣти праздника, ты сказалъ правду, Юрій, мы можемъ только жить среди праздника, блеска и шума... А жизнь — не праздникъ, пойми... жизнь... жизнь...

Марина не договорила. Глаза ея широко раскрылись и остановились, полные муки и страха.

Началась агонія, длившаяся долго, безконечно.

Только къ утру Марина снова сознательно открыла глаза и, обведя потухающимъ взглядомъ присутствующихъ, шепнула тихо, чуть слышно:

— Фея Раутенделейнъ... и только фея!

Потомъ ея не стало.

Осталось немного досказать о судьбѣ нашихъ героевъ.

Послѣ смерти Марины Павлукъ энергично принялся за прерванныя занятія въ академіи. Благодаря блестящимъ способностямъ и усиленной работѣ, помогшей ему забыть коварную „Снѣжинку“, онъ кончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ. Ему предлагали хорошее мѣсто „на виду“, но Павлукъ энергично отказался отъ него и уѣхалъ туда, куда его давно манила идея, въ глухія дебри глухой провинціи. Павлукъ уѣхалъ не одинъ: Сонечка Гриневичъ послѣдовала за нимъ, ставъ его женою и вѣрной помощницей въ трудномъ дѣлѣ.

Граня съ утра до вечера бѣгаетъ по урокамъ, добывая въ потѣ лица хлѣбъ для семьи. Граня неузнаваемъ. Въ промежутки между уроками онъ готовится въ университетъ. Они съ матерью и Лелечкой ведутъ самый уединенный образъ жизни. Ихъ посѣщаетъ только одинъ Кодынцовъ, съ которымъ они просиживаютъ долгіе вечера, вспоминая безвременно погибшую Марину.

На могилѣ Марины, въ одномъ изъ уголковъ Смоленскаго кладбища, ежедневно мѣняются вѣнки бѣлыхъ пахучихъ лилій, любимыхъ цвѣтовъ покойной.

Это Вакулинъ желаетъ отдать послѣднюю дань женщинѣ-феѣ, давшей ему короткое „сказочное счастье“.

КОНЕЦЪ.

Въ ближайшей книгѣ
„Собранія романовъ „РОДИНЫ“ 1905 г.

(романы русскихъ писателей, кн. 4-я)

будетъ напечатано продолженіе романа

А. И. Красницкаго

РЕНЕГАТЪ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

(Изъ событій, предшествовавшихъ русско-японской войнѣ.)

Продолженіе романа полно множествомъ чрезвычайно интересныхъ подробностей жизни въ Японіи и на нашей далекой восточной окраинѣ предъ войной. Движеніе разсказа все развивается и развивается, положенія героевъ становятся высоко драматичными. Въ то-же самое время между деталями романа то и дѣло проскальзываютъ историческія черточки, придающія этому произведенію повышенный интересъ. Историческая ночь на 27-е января 1904 г., описанная со всѣми имѣющимися въ настоящее время подробностями, является заключеніемъ этого, несомнѣнно, уже привлекшаго вниманіе нашихъ читателей романа.

Контора редакціи покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ обратить вниманіе на слѣдующее:

1) Во всѣхъ случаяхъ, когда нужно по какому-либо вопросу обращаться въ контору Редакціи, какъ-то: при **высылкѣ денегъ**, при **перемѣнѣ адреса** и при прочихъ заявленіяхъ, гг. **иногородніе** подписчики благоволятъ прилагать адресъ, по которому получается журналъ или, въ случаѣ неимѣнія его, сообщать его письменно, а гг. **с.-петербургскіе** подписчики — предъявлять подписную квитанцію или сообщать ея номеръ.

2) Въ случаѣ неполученія какого-либо номера журнала или приложеній къ нему, контора проситъ **немедленно-же** по полученіи слѣдующаго номера письменно заявлять ей объ этомъ, для подачи жалобы въ с.-петербургскій почтамтъ, такъ какъ **болѣе поздніе** заявленія не могутъ быть удовлетворены.

3) При **ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА** необходимо прилагать старый адресъ, по которому журналъ получался, и 28 коп. почтовыми марками на расходы по приготовленію новаго адреса; если старый адресъ и марки не будутъ приложены, перемѣна не можетъ быть сдѣлана.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12-го марта 1905 г.

Графическое заведеніе „Родины“ (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.

D/n 1982r. 75-

2
1459
1905
v.1-3